

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

РЭМ КРАСИЛЬНИКОВ

ПРИЗРАКИ В СМОКИНГАХ

ЛУБЯНКА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКИХ
ДИПЛОМАТОВ-ШПИОНОВ

Annotation

На жаргоне вашингтонских джеймсов бондов «призраки» – это сотрудники Центрального разведывательного управления США. Считалось, что московская резидентура ЦРУ – элитное подразделение, укомплектованное такими вот неуловимыми разведчиками.

Лубянка развеяла этот миф. Автор – генерал-майор в отставке, бывший начальник американского отдела Второго (контрразведывательного) главного управления КГБ, руководил в 1979–1992 годах операциями по обезвреживанию подрывной деятельности заокеанских шпионов в СССР. Он объективно и правдиво рассказывает об остром противоборстве спецслужб Москвы и Вашингтона.

-
- [Рэм Красильников](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. Разведка и контрразведка](#)
 - [Глава 2. ЦРУ глазами «охотника за шпионами»](#)
 - [Глава 3. Штрихи к портрету американского оперативника](#)
 - [Глава 4. Посольская резидентура в Москве](#)
 - [Глава 5. На передовом рубеже](#)
 - [Глава 6. Восемидесятые годы: новый «крестовый поход»](#)
 - [Глава 7. Лэнгли идет напролом](#)
 - [Глава 8. Изменники и перевертыши](#)
 - [Глава 9. Россия – новый «главный противник»](#)
 - [Глава 10. Спецслужбы: контакты и взаимодействие](#)
 - [Глава 11. Национальная безопасность и органы контршпионажа](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [Приложение](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Рэм Красильников

Призраки в смокингах. Лубянка против американских дипломатов-шпионов

© Красильников Р. С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Моим друзьям, товарищам и коллегам, служившим в органах государственной безопасности Советского Союза и Российской Федерации; всем тем, с кем мне довелось пройти долгими и трудными дорогами «холодной войны», – посвящаю.

От автора

Это книга о посольской резидентуре Центрального разведывательного управления США в Москве.

Множество публикаций, солидных исследований и газетных однодневок в самих Соединенных Штатах, в нашей стране и вообще во всем мире появилось о ЦРУ. Деятельности американской разведки посвящены сотни, если не тысячи документальных и художественных фильмов, телевизионных и радиопередач. Вряд ли найдется человек на нашей планете, который бы не слышал о Центральном разведывательном управлении.

Признаюсь: название книги – «Призраки в смокингах» – принадлежит не мне. Его придумал редактор. Но я согласился с ним, ибо оно очень точно отражает саму суть дела: какие тайные операции проводило ЦРУ в Москве на последнем этапе «холодной войны».

В течение полувека разведывательно-подрывные акции американских спецслужб вызвали появление потока разнообразных материалов в средствах массовой информации. Но резидентура ЦРУ, действовавшая под прикрытием посольства США в Москве, долгое время оставалась в тени. В этом нет ничего удивительного: за океаном тема о деятельности зарубежных разведточек считалась запретной. Особенно же засекреченными были и остаются сведения об операции московской резидентуры. Скромное умалчивание об этом объясняется, по-моему, не только установленным в Лэнгли^[1] режимом строгой секретности. Причина также заключается в нежелании признать серьезные поражения разведки Вашингтона в нашей стране. Лишь недавно в Соединенных Штатах появились публичные упоминания о разоблачении агентов и разведчиков ЦРУ в СССР. Руководители управления вынуждены были дать согласие на такие публикации, так как скрывать далее свои промахи им стало невозможно.

В своей книге я стараюсь максимально объективно и точно рассказать о некоторых появившихся в Соединенных Штатах открытых публикациях, в которых затрагивается работа американской разведки против Советского Союза, и, как правило, воздерживаюсь от пространных и политизированных комментариев, чтобы дать

возможность самим читателям судить о реальном противостоянии спецслужб двух наших стран.

Я не ставлю задачей только лишь восполнить отсутствие в нашей стране, да и в Соединенных Штатах, работ о посольской резидентуре ЦРУ. Это с одной стороны. С другой же, я не поддаюсь соблазну дать лишь одно описание технической стороны разведопераций, известных советской контрразведке. И конечно, не впадаю в азарт раскрытия обстоятельств оперативной работы американской разведки, не смакую разоблачения ее агентов.

Я также считаю целесообразным рассматривать разведывательно-подрывную деятельность ЦРУ с учетом конкретной обстановки, на фоне планов и расчетов Вашингтона. Полагаю, что это поможет мне убедительно опровергнуть некоторые расхожие мифы о Центральном разведывательном управлении, получившие широкое хождение в мире, в том числе и в нашей стране.

Миф первый. Всемогущество и безошибочность действий разведки Вашингтона. Этот тезис усиленно вбивается в голову не только американцам и их союзникам, но и нашим гражданам. От него нелегко избавиться: многие в мире продолжают верить в чудодейственные возможности Центрального разведуправления.

Миф второй. В развале Советского Союза главная роль принадлежит ЦРУ. Как ни парадоксально, этот миф обрел хождение и в нашей стране.

Миф третий. Советские спецслужбы не могли противостоять разведывательно-подрывным акциям ЦРУ в последние годы существования СССР. Деятельность разведки и контрразведки нашей страны была «черным пятном» в их истории.

Удалось ли мне выполнить поставленную задачу – решат мои читатели.

Я отдаю в их руки судьбу своей книги.

Пролог

Второй секретарь американского посольства Пол Стомбау зябко ежился. Нет, не от холода: стоял июнь, и в Москве было по-летнему тепло.

Стомбау не был обыкновенным дипломатом. Галантный, симпатичный американец в действительности состоял на службе в Центральном разведывательном управлении и принадлежал к самой засекреченной категории оперативных работников – разведчиков «глубокого прикрытия». Мало кто в посольстве знал о его действительном амплуа – сотрудника резидентуры ЦРУ. Другим членам этой засекреченной структуры запрещалось с ним общаться, в помещениях разведпункта он не появлялся. Многие дипломаты принимали его за своего, так как вместе обучались на специальных курсах госдепартамента в Вашингтоне.

Вечером Полу предстояла важная встреча с агентом. Он перебирал в памяти русские слова, которые должен будет сказать секретному сотруднику, когда придется передавать тому новое задание Лэнгли и вознаграждение за прошлую работу. Источник любил брать деньги и вдобавок обращался к американцам с многочисленными просьбами: то это были ценные лекарства, то редкие книги. Агенту позволялось многое – он был не простой источник, а поставщик ценнейшей информации. Сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов, занимавшихся важной оборонной тематикой, он относился к той категории агентуры, которую следовало холить и лелеять и тщательно оберегать, как курочку, несущую золотые яйца. Работа шпиона получала высокую оценку начальства, ему хорошо платили, сулили богатое вознаграждение, когда он окажется в США, регулярно сообщали, сколько долларов накопилось у него на личном счету в одном из опекаемых ЦРУ американских банков.

Пол Стомбау знал: информация агента поступает прямо к руководству, директор управления адмирал Стэнсфилд Тернер лично докладывает о нем президенту Соединенных Штатов Рональду Рейгану как о ценнейшем источнике в Советском Союзе. «Ваши заслуги

признаны. Потеря вашей информации явилась бы тяжелым ударом для нашего правительства», – вспомнил Пол: это сообщалось в одном из писем Лэнгли, врученном на недавней встрече агенту.

Стомбау снова и снова прокручивал в голове план сложной агентурной операции. Его специально готовили к таким операциям в Лэнгли, обучали искусству выхода на личные встречи с агентами, обнаружению слежки контрразведки, психологическому воздействию на агента, если бы оно понадобилось.

13 июня 1985 года, четверг – день операции по связи с агентом. Ее начали выполнять строго по плану, который подготовила резидентура, и который был рассмотрен и одобрен в советском отделе Оперативного директората ЦРУ. Утром автомашина посольства с двумя пассажирами проследовала от здания диппредставительства на улице Чайковского мимо огромного жилого дома, что на площади Восстания. Москвичи привычно называют этот дом «высоткой». Это помпезное архитектурное сооружение конца сороковых годов. На двенадцатом этаже высотного дома – квартира агента. Открытая форточка одного из окон квартиры в известной резидентуре промежуток времени – сигнал готовности шпиона: он вечером этого же дня будет на месте встречи.

Пассажиры посольской автомашины – сотрудник резидентуры Кристофер Берджес и его напарник – видят: форточка открыта. Они везут эту приятную весть в посольство и передают в резидентуру. Других деталей операции эта пара не знает, как и того, о каком агенте идет речь. Конечно, им доверена большая тайна – расположение квартиры агента. Но доверять им можно: они – сотрудники резидентуры. Стомбау тоже пока агента представляет лишь по фотографии. Он встречается с ним впервые и должен опознать его прямо на месте и обменяться вещественным и словесным паролями.

Место встречи – Кастанаевская улица в «спальном» районе Москвы: небольшая, малолюдная, тихая, особенно в четверг вечером.

Еще раз обдумав «сценарий» личного контакта с агентом, Пол сосредотачивается на том, как он будет добираться до назначенного места. Перед ним аккуратно разложены карты и фотоснимки района. Он хорошо представляет место встречи. Разведчикам не следует самим часто показываться в тех местах, где предполагаются агентурные операции, не надо мозолить глаза контрразведке противника. Снимки Москвы делают за них разведывательные фотоспутники.

Выдвигавшийся еще в пятидесятые годы президентом Дуайтом Эйзенхауэром план «открытого неба» сейчас действует безукоризненно. Фотоснимки качественные, видны каждая улочка, каждый дом. При желании можно разглядеть и автомашины, даже людей. Разведывательные спутники отлично справляются с поставленной задачей.

Пол Стомбау досконально изучил маршрут своего движения к месту встречи, наизусть помнит автобусы и троллейбусы, которыми ему предстоит пользоваться, знает, какие остановки. Ему не нужно нигде записывать путь движения, как это делали некоторые сотрудники резидентуры, пусть даже это будет маленькая, свернутая в трубочку записка на растворимой бумаге, которую легко проглотить, если уж понадобится по обстоятельствам.

Пол размышляет: на весь путь до Кастанаевской улицы с необходимой проверкой, пересадками, прогулкой пешком, остановками ему понадобится четыре-пять часов. Он приказывает себе не расслабляться и не волноваться, срабатывает закалка, полученная им еще в период работы в Федеральном бюро расследований. Он не «засветился», как некоторые сотрудники резидентуры, ведет себя в посольстве, как подобает «чистому» дипломату. КГБ его не подозревает. Ему не нужно менять свою внешность, маскироваться под другого человека, прибегать к другим эффективным приемам, чтобы избавиться от контроля советской контрразведки. Стомбау вспоминает один из таких приемов – использование манекена. Это дает поразительный результат. Разведчику удастся обмануть слежку, даже если он находится под наблюдением. Представьте себе сотрудника резидентуры, когда он вместе с женой едет в автомашине. За рулем автомобиля жена, она – верная помощница в таких делах. Вот автомобиль на несколько секунд попадает в «мертвую зону» – они свернули в переулок, и сотрудники наружного наблюдения их не видят. Ну, а разведчику этого вполне достаточно – он выпрыгивает из автомашины и исчезает в каком-нибудь дворе. В этот момент и происходит чудесное явление манекена: супруга приводит в действие выполненную в натуральную человеческую величину резиновую куклу, которая имеет полное сходство со своим благоверным. Кукла-двойник надежно упрятана в чемоданчике. Достаточно секунды, чтобы она наполнилась воздухом и заняла место покинувшего автомашину

разведчика. Манекен выглядит вполне правдоподобно, на него можно надеть шляпу или кепку и даже имитировать разговор с ним, поворачивая с помощью незамысловатого устройства голову куклы. Двойник исчезнувшего пассажира по-прежнему привлекает внимание слежки. Когда автомашина подъедет к дому, и манекен, из которого выпущен воздух, снова окажется в чемоданчике, наружное наблюдение спохватится, но будет уже поздно.

«Нет, – думает Стомбау, – этот прием ему сегодня не потребуется. Есть другие возможности незаметного выхода на операцию, другие способы тщательной проверки. Они были хороши в прошлом, не должны подвести и в этот раз».

Пол окончательно успокаивается. Объемистая сумка, в которой он понесет для агента книги, лекарства и пачки денег, уже подготовлена.

Ровно в восемь часов вечера американский разведчик уже на Кастанаевской улице и ждет агента, который должен появиться с минуты на минуту. Источник – человек аккуратный, на встречу может приехать в собственной автомашине. Еще светло. Пол внимательно осматривается. Редкие прохожие торопятся домой, кругом все спокойно. В нескольких шагах от него телефонная будка, в ней молоденькая девушка, она увлечена разговором, временами заливается смехом. Пол ее совершенно не интересуется.

То, что происходит затем, Стомбау не в состоянии объяснить. В считанные секунды он с тяжелой сумкой, которую упрямо сжимает в руке, оказывается на заднем сиденье незаметно подкатившей автомашины. По бокам его, тесно сжав, – сотрудники советской контрразведки. Автомобиль мгновенно набирает скорость, мчится в центр города. В последний момент Пол успевает заметить, как разворачивается еще один акт драмы: на углу улицы задерживают и усаживают в «Волгу» невысокого мужчину, в руке которого книга в белой обложке – вещественный пароль.

А молоденькая девушка в телефонной будке по-прежнему увлеченно беседует с кем-то: скоротечный эпизод на Кастанаевской улице ничем не привлек ее внимания.

Агент, с которым должен был встретиться Пол Стомбау, – это Адольф Григорьевич Толкачев, старший инженер научно-исследовательского института «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. Это он – агент № 1 ЦРУ в Советском

Союзе. Его оперативный псевдоним – «Сфера». Реакция в Лэнгли на провал источника – шок и тотальное уныние. В советском отделе настроение, близкое к паническому. В поисках причины провала теряются в догадках, ищут утечку информации.

Драматические события, подобные провалу агента «Сфера» и задержанию на месте встречи с ним разведчика посольской резидентуры, – примечательная черта восьмидесятых годов нашего столетия. Это время уже вошло в историю советско-американских отношений как новый «крестовый поход» против СССР, объявленный президентом США Рональдом Рейганом. Он, этот поход, ознаменовался ожесточенными тайными сражениями спецслужб Вашингтона и Москвы. О них и пойдет речь в этой книге. Противоборство советской контрразведки с американской системой шпионажа будет в ней рассматриваться главным образом как столкновение 1-го отдела Второго главного управления КГБ СССР и посольской резидентуры Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов в Москве. Конечно, многим материалам еще предстоит храниться в архивах секретных служб – и наших, и американских. Но будем надеяться: придет время, когда все тайное станет явным.

Глава 1. Разведка и контрразведка

Я проработал в спецслужбах Советского Союза почти сорок три года, служил в разведке и контрразведке. Встречался лицом к лицу с американскими и английскими разведчиками, в течение двенадцати лет сталкивался с напористой деятельностью посольской резидентуры Центрального разведывательного управления в Москве. Эта книга – плод моих раздумий о противоборстве разведки и контрразведки. Она – напоминание моему поколению о недалеком прошлом, а поколению грядущему – о борьбе специальных служб, которая может менять окраску, но не меняется по существу.

Понятия абстрактной нравственности для разведки и контрразведки, по всей видимости, неприемлемы. Предоставлю рассуждать о «всеобщей нравственности» моралистам. С моей точки зрения, нравственность – категория историческая, общественная. Не следует, вероятно, искать упреков для операций американской службы шпионажа – она делает то, что должна делать в соответствии с целями, которые ставит руководство Соединенных Штатов. Бесспорна и деятельность органов контршпионажа нашей страны, которым поручено защищать безопасность и интересы государства и общества, всех российских граждан.

Разведка и контрразведка – антиподы. Это – банальная истина. И они – не панацея от всех бед. Однако необходимо отметить: шпионаж в сравнении со своим противником, контршпионажем, обладает тем преимуществом, что он – сторона нападающая и в силу этого пользуется фактором внезапности, определяет место действия, характер своих операций, их исполнителей. Словом, как говорится, «у волка сто дорог, у охотника – только одна». Резидентура ЦРУ в Москве умело пользовалась фактором неожиданности, выбирая одну из «ста дорог» – удобное время для своих разведывательных операций, подбирая соответствующих исполнителей – шла ли речь о закладке тайника для агента, проведении с ним личной встречи или сеанса радиосвязи. Разведка и контрразведка – меч и щит, с тем только добавлением, что меч не принято упрекать за то, что он наносит разящие удары. Надо просто от них умело обороняться. В равной мере

и тому, кто поднимает меч, не следует предъявлять претензий к щиту, выполняющему строго защитные функции.

Наверное, нет необходимости особо морализировать на тему «Разведка и контрразведка»: каждая из них делает свое дело и по своему праву. Разговор об этом, видимо, подобен спору о том, что первичнее – курица или яйцо. Схожих «философских» споров сегодня немало и в нашей стране, и в Соединенных Штатах. Задаются вопросом: моральна ли разведывательная деятельность? Имеет ли она право на существование? Может ли разведка применять агентурные методы сбора информации? Совсем недавно придирчивые критики деятельности ЦРУ, осуждая проводимые американской разведкой террористические и диверсионные акции, а также расправы над неугодными иностранными лидерами, призывали к созданию идеальной спецслужбы, чего-то вроде научно-исследовательского учреждения. Можно напомнить, говорили эти критики, как разведкой в угоду своим целям рисуются устрашающие картины мнимых угроз для США.

Вспоминают в связи с этим роль разведки во вьетнамской авантюре, а из более близких по времени сюжетов – ее роль в раздувании «холодной войны» и гонки вооружений со ссылками на «советское военное превосходство». Повторяю: все это не пропаганда, исходившая от Советского Союза. Это – суждения самих американских политологов, журналистов, пишущих о деятельности спецслужб, бывших сотрудников секретных структур Соединенных Штатов.

Недавно я натолкнулся на сделанное в 1994 году высказывание бывшего директора ЦРУ адмирала Стэнфилда Тернера: «Национальные разведывательные оценки *(то есть ежедневные разведывательные сводки, докладываемые президенту США. – Р.К.)* не были ни неточными, ни дезинформирующими, но они были неприемлемы для президента при осуществлении им политического курса».

Браво, адмирал! Вот так надо защищать свою службу, отстаивать честь мундира. Но как совместить эти слова с заявлениями других высокопоставленных лиц, в том числе руководителей вашингтонской администрации? Как увязать утверждение того же Тернера о безупречности «национальных разведывательных оценок», когда ранее он сам вторил сенатору Мойнихену, критиковавшему ЦРУ за плохую

информацию об СССР? Высшее руководство Лэнгли признавало, что ему не удалось предсказать реформы Горбачева. Особенно доставалось от конгресса Соединенных Штатов и от средств массовой информации за «неадекватную» оценку положения в Советском Союзе руководителями Центрального разведывательного управления конца восьмидесятых – начала девяностых годов. Так, Роберта Гейтса^[2], снискавшего репутацию ведущего аналитика, сами сотрудники разведки обвиняли в предоставлении хозяину Белого дома фальсифицированных докладов о советской экономике, о связи Советского Союза с международным терроризмом. Известно о сетованиях другого бывшего директора ЦРУ Уильяма Уэбстера^[3] о том, что «управление промахнулось на целую милю» в прогнозировании развития ситуации в СССР. Неспособность Лэнгли правильно оценивать события и прогнозировать их развитие связывалась с «зашоренностью» руководителей разведки, с тем, что они «увязли» в «холодной войне» и «упрямо преувеличивали угрозу, исходящую от Советского Союза». Конгрессмены и средства массовой информации США позволяли себе и более обидные слова, смысл которых сводился к тому, что проводимый руководством страны курс оправдывал огромные расходы на спецслужбы, и поэтому, мол, в ЦРУ не допускали и мысли об окончании «холодной войны», ибо это означало бы конец и самого Центрального разведывательного управления. Можно, конечно, сделать скидку на то, что все, о чем во всеуслышание говорилось Тернером, Уэбстером и Гейтсом, было нацелено на конгресс, ведающий бюджетными ассигнованиями. Но ведь они тоже должны были заботиться о чести мундира и быть ответственными за свои слова.

И у нас в стране есть люди, которые по разным причинам не приемлют, так сказать, разведку и контрразведку, считают их деятельность аморальной и ненужной, требуют низвести их до положения ведомств, которые по существу были бы бессильны в столкновении с иностранными спецслужбами, не способны защитить национальную безопасность страны. Я далек от того, чтобы усматривать во всем этом происки «агентов влияния» противной стороны. Могут быть и другие причины, в частности, морального порядка. Но несомненно одно: спецслужбы США, и в первую очередь ЦРУ, вели и ведут широкое наступление на разведывательные и

контрразведывательные органы нашей страны, стремясь проникнуть в их структуры, парализовать их деятельность. Очевидно и другое: в кампании по дискредитации и ослаблению спецслужб нашей страны втягивались официальные круги США, средства массовой информации, неправительственные организации и фонды. С недавнего времени они, используя сложную обстановку в нашей стране, резкое ухудшение социально-экономического положения подавляющей части населения, стремятся вовлечь в орбиту своей деятельности некоторых прозападно настроенных политических и общественных деятелей России.

Ниже я затрону тему тайных подрывных акций ЦРУ – так называемых «специальных операций», возложенных на разведку директивами президентов США. Рассмотрю вопрос об агентуре влияния. Агенты влияния, которых нельзя, по моему мнению, смешивать с бытующим в обиходе понятием «пятая колонна», занимают особое место в агентурном аппарате американской разведки. В ЦРУ их тщательно оберегают, стараясь исключить малейший риск их расшифровки и разоблачения.

Можно, конечно, рассматривать разведку как своеобразного гаранта мер доверия между государствами. Но какие бы красивые фразы ни произносились, схоластика в конечном счете всегда вредна – никакие «меры доверия» сами по себе, как считал видный советский государственный деятель Ю. В. Андропов, не рассеют подозрений, не приведут к добрососедским отношениям между странами, если они не подкрепляются нормализацией обстановки, серьезными политическими шагами по предотвращению конфликтов, отказу от проповеди вражды и ненависти. Нельзя ставить лошадь позади телеги – так никакой воз с места не сдвинешь!

Разведка и контрразведка – государственные структуры, призванные в равной мере отстаивать национальные интересы и безопасность своих стран. Вряд ли отыщутся здравомыслящие люди – и глубокомысленные политики, и рядовые граждане, – которые отказали бы государству в праве иметь полноценные разведывательные службы, способные давать объективную информацию о возможностях и намерениях потенциальных недругов, конкурентов, партнеров и даже союзников. Нелепо требовать от разведки свертывания агентурной работы, прекращения секретных

операций по добыванию тех сведений, которые необходимы для безопасности своей страны. Нужно постоянно иметь в виду, что это достаточно деликатная часть деятельности, требующая соблюдения неписаных «правил игры» и определенного такта. Разведка и контрразведка работают, как известно, в сфере секретности. Особо оберегаемые тайны – агентура, оперработники, формы и методы работы, ведущиеся разработки.

Но общественность, – конечно, в определенных рамках – обязана знать о деятельности спецслужб, ведь они призваны защищать интересы государства и общества. Сама эта деятельность должна вестись в строгих рамках законодательства. И в моей стране, и в США приняты специальные законы, охраняющие от огласки формы и методы деятельности разведывательных и контрразведывательных органов, их личный состав, их негласных помощников.

Применительно к деятельности спецслужб секретность и конспиративность, не сдавая своих принципиальных позиций, обязаны уживаться с гласностью и открытостью. Более того, гласность, использование средств массовой информации должны использоваться в борьбе с противоправной деятельностью, в том числе с операциями иностранных разведок. Правда, спецслужбы, особенно разведка, зачастую прибегают к так называемым «активным мероприятиям» – дезинформации, распространению сфабрикованных слухов. В Соединенных Штатах эту деятельность ЦРУ называют «черной пропагандой».

Столь же нелепо требовать от контрразведки отказа от ее права препятствовать, срывать иностранную разведывательную деятельность. Нелепо разоблачать, как это пытаются делать некоторые ретивые критики нашей службы контршпионажа, ее усилия – пресекать разведывательно-подрывную деятельность зарубежных спецслужб методами агентурной работы и использования оперативной техники. Прицельное применение таких методов, поскольку оно не противоречит законодательству, в отношении действительного противника (а для Советского Союза спецслужбы США были именно таковым) позволяло успешно решать задачи выявления в составе американских представительств в нашей стране тщательно законспирированных разведчиков, вскрывать разведывательные операции ЦРУ. Такие мероприятия советской контрразведки

способствовали в восьмидесятих годах пресечению преступной деятельности американских шпионов из числа советских граждан – Толкачева, Воронцова, Полякова, Поташова, Павлова, Полищука и других. Чтобы сорвать шпионские акции, проводимые московской резидентурой ЦРУ на территории нашей страны, контрразведке приходилось идти (если не оставалось иного выхода) на захват с личным разведчиков-агентуристов, прикрывавшихся дипломатическими должностями представительств Вашингтона в СССР. Тогда же были задержаны сотрудники американского посольства в Москве Богатыр, Томас, Осборн, Селлерс, Сайте и служащий генерального консульства США в Ленинграде Аугустенборг.

«Изучение проблем прошлого вовсе не бесполезно для правильного понимания проблем настоящего», – говорил французский политический деятель нашего века Эдгар Фор. Это, конечно, применимо и в данном случае. Я не собираюсь, впрочем, касаться всех аспектов деятельности ЦРУ. Невозможно подробно охватить работу против Советского Союза других американских спецслужб, с которыми мне приходилось сталкиваться. Да и задачу такую я не ставлю. Постараюсь вычленить именно восьмидесятие годы и затронуть те проблемы, которые известны мне, так сказать, не понаслышке.

Безусловно, говоря о корнях противоборства ЦРУ и КГБ, придется коснуться и более давних времен, и – по необходимости – более общих причин. Могу только сказать, что в целом деятельность Центрального разведывательного управления против СССР по своей направленности, вовлеченным в нее силам и средствам, по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с операциями посольской резидентуры ЦРУ в Москве. Не выдерживают сравнения и количественные показатели: в московской резидентуре действовало в этот период от восьми до двенадцати разведчиков. Мы в контрразведке знали их поименно: резидента, его заместителя, других разведчиков-агентуристов, технический персонал. Знали, хотя распознавали не сразу и позднее, чем других сотрудников резидентуры, разведчиков «глубокого прикрытия». Знали и, конечно, внимательно наблюдали за теми женами сотрудников резидентуры, которые привлекались Лэнгли для выполнения разведывательных заданий – от «прикрытия» своих

мужей до проведения ими самостоятельно разнообразных агентурных акций. Держали «на прицеле» и тех дипломатов, журналистов и других лиц, которых ЦРУ использовало для своих целей.

Мне довелось в восьмидесятые годы встречаться с некоторыми сотрудниками ЦРУ. В ряде случаев эти встречи происходили не в самых благоприятных для них условиях, когда, например, кое-кого из разведчиков резидентуры, задержанных с поличным при проведении разведывательных операций, доставляли в помещения КГБ для составления официальных документов. Признаюсь, что обстоятельства подобных встреч не располагали к душевным разговорам, но давали возможность оценить их личности, понять мотивы действий.

Происходили и другие встречи и контакты. Сотрудники ЦРУ были, понятно, людьми с разными характерами, симпатичные и не очень, общительные и замкнутые, веселые и мрачные, эрудированные и простоватые, откровенно «зашоренные» в отношении моей страны и либерально настроенные. В целом же у меня сложилось впечатление об американских разведчиках как о хороших профессионалах своего дела, не зря получающих изрядную зарплату за свой непростой труд.

Также, по понятным причинам, я не собираюсь живописать всю картину деятельности советской контрразведки, ее методику, применявшиеся приемы и средства. Нередко приходится слышать ссылки на то, что все неудачи и провалы разведуправления, его московской резидентуры происходили, дескать, по той причине, что КГБ, так сказать, «из недр» ЦРУ становилось известно о личном составе и деятельности американской шпионской службы.

Это далеко не так однозначно. Впрочем, нет смысла полемизировать с самим тезисом о ценности именно такой информации, изображать «благородное негодование» по поводу упреков в том, что КГБ, мол, пользовался материалами, исходящими из ЦРУ. Хорошо зная о размахе разведывательно-подрывной деятельности управления против нашего государства, об опасных методах американской разведки по подрыву национальной безопасности страны, не стоит доводить до абсурда постулаты вроде таких как «джентльмены не читают чужих писем» и «не подглядывают в замочную скважину» или спорить о том, кто первым сказал «а». Все спецслужбы мира занимаются организацией утечки информации из спецслужб своих противников. Важно умело ею пользоваться,

оперативно и объективно проверять и отделять зерна от плевел. А все это не так просто.

Я не собираюсь вступать в споры со сторонниками такой гипотезы. Мне понятно стремление Лэнгли оправдать провалы своей резидентуры в Москве ссылками на утечку информации. Пятидесятилетняя история Центрального разведуправления изобилует примерами, когда там устраивалась настоящая «охота на ведьм», и те, кому это было выгодно, объясняли неудачи американской разведки «проникновением КГБ в ЦРУ». Не так давно провалы московской резидентуры списывались на бывшего сотрудника разведки Говарда, совершившего в 1985 году дерзкий побег из США от буквально висевших у него на хвосте контрразведчиков из Федерального бюро расследования и получившего политическое убежище в Советском Союзе.

В последнее время найден очередной «козел отпущения» – ответственный сотрудник Оперативного директората ЦРУ Олдрич Эймс. В США появилось немало публикаций, в которых Эймс предстает в виде эдакого Левиафана^[4], губившего человеческие жизни. Забывают только о том, что предательство некоторых советских граждан, завербованных ЦРУ, – Попова, Пеньковского, Полякова, Полещука и других – привело к немалым жертвам на другой стороне.

Что это – очередное проявление излюбленного приема «двойного стандарта»? Бесплезно полемизировать на эту тему. Руководители Лэнгли, насколько я могу судить, во многих случаях воздерживались от прямой увязки провалов своих разведчиков и агентов с утечкой информации из управления. Зато за них это с завидной изобретательностью и упорством делали некоторые американские журналисты. Они пытаются навязать читателям тезис о том, что когда советские спецслужбы изобличали агентов американской разведки, раскрывали законспирированных разведчиков, разоблачали разведывательные операции спецслужб США, они, дескать, делали это на основе информации, полученной от агентов КГБ. Бытует тривиальная поговорка: «Шила в мешке не утаишь». В известном смысле это касается и разведывательной деятельности. Но происходит такое тогда, когда контрразведка умеет и в состоянии раскрыть тайное.

В самом деле – и это хорошо знают в ЦРУ, – невозможно ведь списать на Говарда или Эймса провалы посольской резидентуры в

Москве в шестидесятых – первой половине восьмидесятых годов. Именно в этот период был разоблачен советской контрразведкой ряд агентов Центрального разведуправления из числа граждан СССР – Попов, Пеньковский, Огородник, Московцев, Петров, Калинин, Иванов, Нилов и другие. Тогда же провалились и были выдворены из Советского Союза разведчики-агентуристы московской резидентуры Лэнжелли, Келли, Крокетт, Богатыр, Осборн, Томас и некоторые другие. Да и мнение специалистов ЦРУ о советской контрразведке, насколько мне известно, существенно отличается от «теорий», распространяемых в американских средствах массовой информации (вероятно, с подачи самих же американских спецслужб) о том, что успехи контрразведки нашей страны в разоблачении американских агентов из числа граждан СССР и обезвреживании разведчиков ЦРУ, мол, полностью связываются с материалами заграничных источников. Я уж не говорю о том, что некоторые руководители Лэнгли доходили до публичных заявлений о том, что такие действия советской контрразведки срывают, дескать, советско-американское сотрудничество.

Природа шпионажа как явления, сопутствующего всей истории человечества, широко известна. От агентурной деятельности иностранных разведок стремится защититься каждое государство, устанавливая репрессивный режим, соответствующий тяжести преступления. Государственные и военные секреты в Советском Союзе тщательно и бескомпромиссно оберегались, ибо считались важнейшим национальным достоянием. Особо сурово, вплоть до применения исключительной меры наказания, такие преступления карались при обострении международной обстановки, в периоды активизации разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны вражеских спецслужб.

Необходимо отметить, что Советский Союз в своем жестком отношении к иностранному шпионажу нисколько не выделялся из большинства других стран мира. Суровые меры пресечения шпионской деятельности, включая смертную казнь и пожизненное тюремное заключение, применяются в Соединенных Штатах. В нашей стране в последние годы наказание за шпионаж стало значительно менее суровым, смертная казнь не применяется, а в некоторых случаях

по отношению к разоблаченным агентам иностранных разведок руководство страны идет на амнистирование и даже помилование.

Несомненно, важная и полезная для контрразведки информация может поступать и из иностранных источников. Часто это открытые данные публикации и сообщения падких до сенсаций средств массовой информации, мемуары и книги бывших сотрудников ЦРУ, в том числе его руководителей, разбирательства в конгрессе США и так далее. Контрразведка, безусловно, использует и информацию, поступающую по другим каналам, если она в какой-то мере раскрывает такие аспекты разведывательно-подрывной деятельности, которые создают угрозу национальной безопасности нашей страны. Такие сведения тщательно проверяются и реализуются только в том случае, если полностью подтверждаются оперативными материалами контрразведки, а также если в процессе расследования собраны исчерпывающие доказательства криминальной вины и ответственности – в соответствии с законами нашей страны – тех лиц, которых она касается.

Образно говоря, те, кто держит щит, заинтересованы в том, чтобы меч разведки не был острым, а самое главное, чтобы оружие нападавшего не попадало в цель, ведь даже зазубренный меч бьет больно.

Было бы большой ошибкой считать, что удел контрразведки, хотя ей приходится обороняться, это глухая защита. В ее арсенале – многообразные приемы и методы навязывания нападающей стороне своей тактики и стратегии. Не громко ли это звучит? Нисколько. Думаю, что резидентуре ЦРУ в Москве в восьмидесятые годы пришлось испытать это на себе.

У контрразведки и, в частности, у первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ было немало проблем и трудностей, случались неудачи, когда мы проигрывали в столкновении с американскими спецслужбами. Ведь приходилось иметь дело с очень сильным и опытным противником, каким были спецслужбы США и в первую очередь Центральное разведуправление. И все же эти годы были отмечены определенными успехами КГБ в противоборстве с ЦРУ.

Могут сказать: успехи разведки – это неудачи контрразведки, и наоборот. Это, конечно, верно, но я придерживаюсь мнения, что все

гораздо сложнее. Главное, как мне думается, что спецслужбы действуют в определенном государстве, в определенном обществе, во взаимодействии и контакте с другими многочисленными государственными и общественными организациями. В решающей степени это определяет их прочность, силу и возможности. Безусловно, в их деятельности есть место удаче и случайностям, но не они гарантируют успех дела. Говорят, например, об удачах КГБ, раскрывшего и ликвидировавшего в те же восьмидесятые годы большую часть агентурной сети ЦРУ, действовавшей в Советском Союзе.

Говорят, далее, о провалах советской разведки, упустившей, мол, агентов ЦРУ в СИС Шеймова и Гордиевского, которых спецслужбам США и Великобритании удалось конспиративно вывезти из Советского Союза. Бесспорно, это серьезные и болезненные неудачи КГБ, но все же нельзя не видеть различий в этих нашумевших делах. Гордиевский был уже раскрыт органами государственной безопасности СССР как английский шпион, и его побег действительно «проморгали». А вот в отношении Шеймова подозрений не было, и поражение контрразведки состояло в том, что она не вскрыла операцию ЦРУ по его выводу из нашей страны.

Завершая эту главу, хочу подчеркнуть: противоборство спецслужб – это не только столкновение материальных потенциалов, технологий, взятых на вооружение технических средств. Это противоборство интеллектов, тактики и стратегии. За всеми операциями нашей контрразведки по разоблачению американской агентуры, по пресечению разведывательных акций посольской резидентуры ЦРУ в Москве стоит кропотливый, творческий труд, мастерство, преданное служение долгу многих сотрудников – работников оперативных подразделений, оперативно-технических служб, следственного аппарата.

В работе контрразведки самоотверженный труд, разумное, гибкое, комплексное использование имеющихся сил и средств – на первом месте. Именно он, этот труд, позволил нашей службе контршпионажа во взаимодействии с другими органами и подразделениями КГБ СССР противостоять мощному напору ЦРУ на Советский Союз, нанести американской разведке ряд чувствительных поражений.

Глава 2. ЦРУ глазами «охотника за шпионами»

Разведывательное сообщество Вашингтона. То, о чем пойдет речь, это заметки контрразведчика о Центральном разведывательном управлении, написанные так, как мне видится деятельность шпионской службы Вашингтона против моей страны. Это не строгое научное исследование и, конечно, не взгляд изнутри. Это свободное и непредвзятое осмысление с позиций сегодняшнего дня того, что мне известно о ЦРУ, о его посольской резидентуре в Москве. Сразу подчеркну: я нисколько не отождествляю американскую разведку с самими Соединенными Штатами. Убежден, что нельзя переносить на США, на американский народ многие характерные черты такой специфической организации.

Недавно за океаном отмечалась пятидесятилетняя годовщина создания Центрального разведывательного управления. Для специальной службы юбилей немалый. Похоже, ЦРУ верит в собственное бессмертие. Управление нередко отождествляют у нас, да и в целом мире со всей американской разведкой. Это неверно, хотя, очевидно, и приятно его руководителям. Кроме того, к нему прочно приклеились и другие названия, вроде «компания» и «фирма» (на разведывательном жаргоне) или «ведомство плаща и кинжала» (по выражению президента Трумэна на одном из банкетов сотрудников разведки).

Со времени своего создания в 1947 году Центральное разведывательное управление претерпело значительные организационно-структурные изменения, которые затронули как центральный аппарат, так и периферийные подразделения – резидентуры. В восьмидесятых годах ЦРУ состояло из четырех директоратов: Оперативного, Научно-технического, Информационно-аналитического и Административного. Руководители директоратов одновременно являются заместителями директора управления.

Оперативный директорат занимает центральное место. Его основные задачи: добывание разведывательной информации с помощью агентуры и специальных технических средств, проведение

так называемых «активных мероприятий», борьба с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Он также отвечает за контрразведывательное обеспечение деятельности разведки.

Под эти задачи и функции сформированы подразделения директората. В его составе в восьмидесятых годах были шесть географических отделов: Советского Союза и Восточной Европы, Латинской Америки, стран Африки, Восточной Азии, Ближнего Востока и Южной Азии. Имелась, кроме того, структура, занимающаяся разведкой с территории США.

В директорате работало около восьми тысяч сотрудников, включая вспомогательный и технический персонал. Половина сотрудников находилась за пределами Соединенных Штатов – в резидентурах.

Информационно-аналитический директорат – головное подразделение разведки по обработке, анализу и реализации добытой информации. Имеет структурные подразделения, аналогичные географическим отделам Оперативного директората, и ряд функциональных служб, занимающихся отдельными проблемными вопросами (вооружение, экономика, технология, запасы полезных ископаемых, сбор и анализ информации об иностранных лидерах и так далее). Помимо ежедневных материалов для руководства страны готовит так называемый «Меморандум предупреждения» (информация об угрозе ракетно-ядерного нападения), обзоры разведывательной информации, ориентировки резидентурам, сводки о внешней политике и внутреннем положении зарубежных государств, вопросах разоружения и тому подобное.

В директорате занято пять тысяч различных специалистов, персонал по обслуживанию сложной электронно-вычислительной техники и документально-архивных систем.

Научно-технический директорат разрабатывает и обслуживает технические средства сбора разведывательной информации. Поддерживает деловые контакты по вопросам разработки и закупки спецсредств с научными центрами, компаниями и фирмами – производителями и продавцами специальной техники.

Штат директората – примерно полторы тысячи сотрудников. В составе директората – служба по иностранному радиовещанию,

имеющая специальные посты за пределами США для прослушивания и записи зарубежных радиопередач и телепрограмм.

Административный директорат. Его главные функции: подбор и подготовка личного состава, финансовое, материально-техническое обеспечение, поддержание связи с резидентурами (шифрованная радиосвязь, почтовая переписка центрального аппарата с зарубежными структурами). В директорате заняты около шести тысяч сотрудников.

Кроме названных директоратов в состав разведуправления входят еще несколько служб и отделов: отдел главного юрисконсульта, отдел генерального инспектора, отдел финансового ревизора, пресс-служба, отдел по связи с законодательными органами, Совет по рассмотрению открытых публикаций о деятельности управления, отдел истории разведки.

Центральное разведывательное управление – часть системы специальных служб США, так называемого разведывательного сообщества. В него, помимо ЦРУ, в настоящее время входят: разведывательные органы вооруженных сил, в том числе разведывательное управление Министерства обороны (РУМО), Федеральное бюро расследований (ФБР), Агентство национальной безопасности (АНБ) – служба дешифрования и радиоразведки, Национальное управление аэрокосмической разведки (НУАР), Управление по борьбе с наркотиками (УБН), специальные подразделения госдепартамента, министерств финансов и энергетики.

Разведывательное сообщество было создано в 1947 году при президенте Трумэне с прямым подчинением хозяину Белого дома через Совет национальной безопасности.

Полагаю, что все это хорошо известно читателям. Я упоминаю об этом сейчас, чтобы показать положение ЦРУ в системе спецслужб США и обозначить, как были представлены составные элементы разведывательного сообщества в посольстве США в Москве.

Центральному разведуправлению принадлежит особая роль в шпионском сообществе. Оно само и аппарат центральной разведки, руководителем которой является по совместительству директор ЦРУ, координируют работу органов разведки и контрразведки, анализ и оценку полученной информации, долгосрочное планирование. Этому сообществу отводилось первое место в борьбе с главным противником

– Советским Союзом. Недаром американская пресса по достоинству оценивала его как ведомство «холодной войны».

Думаю, что это не преувеличение – «разведывательное сообщество» действительно было порождением «крестового похода» США против СССР, питалось конфронтацией наших двух государств и во многом существовало за счет нее. По существу, сообщество и его основной компонент – Центральное разведывательное управление – должны были служить не только противовесом главному противнику, но обеспечить руководящую роль Вашингтона в мире. В США очень многие свято верили в то, что «XX век – это век Америки». Но как бы то ни было, наиболее острые стрелы и в наибольшем количестве выпускались по Советскому Союзу. Это можно видеть по бюджету разведывательного сообщества, который, несмотря на всю его засекреченность, демонстрировал постоянную тенденцию к росту, достигнув к концу восьмидесятых годов поражающей воображение цифры в 30–31 миллиард долларов (по сравнению с 20 миллиардами в год его создания). Так вот, доля расходов на деятельность против Советского Союза составляла в этом гигантском бюджете не менее (если не более!) половины. Не могу назвать точных цифр финансирования потому, что они были строго засекречены, а также по той причине, что их разбросали по различным статьям расходов.

Численность и особенно финансирование контрразведывательных подразделений КГБ намного уступали этим показателям ЦРУ, которое, в частности, черпало из бюджета разведывательного сообщества десять-пятнадцать процентов, да и материально-технические возможности американской разведки были значительно богаче. Могу сказать с полной ответственностью, что численность персонала первого отдела Второго главного управления Комитета государственной безопасности была меньше разведывательного аппарата американского посольства в Москве. Личный же состав первого отдела, непосредственно противостоявшего посольской резидентуре ЦРУ, несравненно уступал совокупной численности резидентуры и руководившего ею советского отдела Оперативного директората в Лэнгли.

Конечно, не одни эти факторы определяли успехи или неудачи спецслужб в их жестком противоборстве. Могут сказать, что контрразведка действовала у себя «дома», и ей поэтому было легче. К

тому же она опиралась и на другие силы и возможности. Можно, наверное, согласиться с такой аргументацией, но тогда надо заняться сложной арифметикой, считать и другие «плюсы» и «минусы». В частности, широкий фронт работы, развернутой ЦРУ по всему миру, включая территорию США, в интересах вербовки агентов из числа советских граждан, которых затем планировалось использовать непосредственно в Советском Союзе и передавать на связь посольской резидентуре в Москве. Так это случилось, например, с завербованными за границей американскими агентами Поповым, Филатовым, Павловым, Поляковым, Поташовым, Полещуком и рядом других.

Деятельность большинства подразделений ЦРУ (как аппаратов управления в США, так и резидентур за границей) охватывала множество проблем, так или иначе связанных с Советским Союзом. В годы «холодной войны» Центральное разведуправление с его огромными материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами и возможностями проявило себя как основное оружие шпионско-подрывной работы против своего главного противника – СССР. Президентские директивы и военно-политические доктрины полагали главной стратегической целью устранение Советского Союза как геополитического соперника США.

Для достижения этой цели намечались два пути. Первый – тотальный военный разгром противника. В условиях впечатлявшего тогда военного превосходства Вашингтона он представлялся вполне приемлемым и не слишком обременительным. Второй – капитуляция Советского Союза в результате политики «сдерживания» и «отбрасывания», с использованием подрывных методов и угроз военного нападения. Оба эти пути фактически исключали курс на мирное сосуществование. Почему в США не решились на первый вариант и предпочли второй, более длительный и связанный с огромными затратами, уже хорошо известно. В такой обстановке появление Центрального разведуправления отлично вписывалось в логику событий, дополняя собой «доктрину Трумэна»^[5], план Маршалла^[6], Североатлантический пакт и многие другие союзы и военно-стратегические планы, в которых делалась ставка на то, чтобы втянуть СССР в изнурительную гонку вооружений, истощить его

экономику, подорвать мощным пропагандистским наступлением духовный потенциал населения.

С созданием ЦРУ колеса запущенного механизма разведывательно-подрывной работы стали бешено вращаться, подогреваемые синдромом Пёрл-Харбора^[7], как называли в США боязнь внезапного нападения.

В 1949 году началась моя работа во Втором главном управлении КГБ. Представлениям и оценкам о ЦРУ еще предстояло сформироваться, а пока американские спецслужбы казались мне и многим другим в советской контрразведке «младшими братьями» Сикрет интеллидженс сервис. И недаром в сороковые-пятидесятые годы подразделение, противостоявшее английской разведке, занимало ведущие позиции во втором главке. По оперативным и открытым материалам было известно, что СИС уже давно вело активные разведывательные операции против Советского Союза. С окончанием Второй мировой войны они значительно усилились, в эти акции втягивалась посольская резидентура британской разведки в Москве. Давно уже не секрет, что англичане помогали созданию и становлению разведывательной службы США, передавали ей свой большой опыт агентурной работы и тайных операций. Может быть, это не та ситуация, к которой применимо выражение «Ученик оказался способнее своего учителя», но, очевидно, он превзошел его в немалой степени! «Младший брат» превратился в «старшего» и стал верховодить в альянсе спецслужб США и Великобритании. Теснейшие контакты поддерживают между собой ЦРУ и СИС, РУМО и английская военная разведка, АНБ и Джи-Си-Эйч-Кью (дешифровальные службы).

ЦРУ и СИС имели свои представительства соответственно в Лондоне и Вашингтоне, где происходили обсуждения совместных акций, расследования дел по шпионажу, оценка перебежчиков из Советского Союза, обмен добытой разведывательной информацией. В то же время, опасаясь контроля советской контрразведки, разведчики Вашингтона и Лондона избегали общения между собой в СССР.

Один из примеров оперативного взаимодействия ЦРУ и СИС – широко известное «дело Пеньковского», агента английской и американской разведок. С ним поддерживали конспиративную связь

посольские резидентуры Лондона и Вашингтона в Москве, проводились встречи в Париже и английской столице.

Со времени провала Олега Пеньковского, полковника Главного разведывательного управления советского Генштаба, в 1962 году дотошные западные журналисты старательно доискиваются, как же наша контрразведка разоблачила этого опытного шпиона. Показанный в ноябре 1997 года по московскому телевидению документальный фильм о двойном агенте английской и американской разведок должен положить конец этому любопытству. Этот фильм, созданный российскими кинематографистами по материалам нашей контрразведки, демонстрирует зрителям, как Второе главное управление КГБ во взаимодействии с Седьмым управлением выявило операции СИС и ЦРУ по связи с этим шпионом. Начало конца шпионской деятельности Пеньковского было положено раскрытием его моментальных контактов в Москве с женой английского разведчика, второго секретаря посольства Великобритании Родерика Чизолма. Дальнейшее уже было делом оперативного мастерства контрразведки.

Другой пример совместных оперативных мероприятий – «Берлинский туннель». В 1953 году ЦРУ и СИС соорудили в Западном Берлине (с выходом на территорию столицы ГДР) сложнейшее подземное сооружение длиной до полутора километров для перехвата телефонной связи советских представительств в Германской Демократической республике техническими средствами. В сороковых-пятидесятых годах этот «опыт» ЦРУ в Берлине (и во многих других точках мира, где проводились похожие технические операции против заграничных представительств СССР) пригодился американской разведке уже непосредственно на территории Советского Союза. В частности, в 1975 году – при установке разведчиками посольской резидентуры в Москве Веттерби и Корбином специальных радиоэлектронных устройств в районе Можайска, а в начале восьмидесятых годов – при проведении резидентурой разведывательной операции по подключению к телефонным кабелям, соединявшим один из оборонных объектов в г. Троицке с Москвой.

В конце 1979 года я был назначен начальником первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ, который возглавлял до своего ухода на пенсию в 1992 году. В этот период мне

пришлось иметь дело с резидентурой ЦРУ и другими подразделениями американских спецслужб, дислоцировавшихся в посольстве США в Москве, которое обеспечивало им «крышу» в прямом и переносном смысле.

Двенадцать лет – срок немалый. Были пережиты и горечи неудач, и радости свершений. Время и конкретная оперативная практика позволили увидеть достаточно полную картину деятельности Центрального разведывательного управления против Советского Союза, оценить его силы и возможности, методы и приемы. Следуя известному в нашей стране афоризму Козьмы Пруткова – «Нельзя объять необъятное», я не могу, конечно, показать полную картину того, как действовали спецслужбы Вашингтона на территории СССР. Речь пойдет о резидентуре ЦРУ в Москве, где выполнялась большая часть агентурных акций, в процессе которых применялся весь классический арсенал способов конспиративной связи: от личных встреч разведчиков с агентами – советскими гражданами – до использования почтовой корреспонденции, телефонной связи и тайников.

Картина будет неполной, если не отметить операций резидентуры по установке и использованию средств технической разведки. Сыграет роль и временной фактор: восьмидесятые годы были не только периодом, так сказать, «моего» противоборства с советским отделом Оперативного директората в Лэнгли, но временем, когда происходили наиболее ожесточенные баталии советской контрразведки с главным шпионским ведомством США.

Попробую обрисовать некоторые характерные черты и особенности Центрального разведывательного управления, которые проявлялись в те годы.

*Агрессивность, напористость, целенаправленность,
расчетливость*

Нет ли здесь противоречия? Не исключает ли одно другое, например, агрессивность и расчетливость? Думаю, что это многообразие граней определяется стремлением ЦРУ к максимальной эффективности, стремлением приспособиться без ущерба для результативности к меняющейся обстановке. Эта особенность была характерна для любого вида деятельности управления – агентурной разведки, технических операций, тайных акций «психологической

войны». Она находила свое выражение в постановке задач, строгом следовании планам и инструкциям, в принципах организации разведывательных подразделений и их комплектования.

Вместе с тем, ЦРУ оказывалось достаточно чувствительным к реакции на свои действия, в том числе в самих США, скажем, со стороны конгресса. Вспомним хотя бы сенсационные разоблачения деятельности американской разведки сенатской комиссией Фрэнка Черча средствами массовой информации США. Авторами многих публикаций Лэнгли наделялось нелицеприятными эпитетами. «Чудовищный спрут», «всемирный жандарм», «невидимое правительство», «взбесившийся слон» – далеко не самые крепкие из них. ЦРУ отбивалось как могло, мобилизуя на защиту высших руководителей государства, противопоставляя обвинениям конгресса и прессы свои контраргументы (в разведуправлении, мол, ему служат «люди чести», «рыцари без страха и упрека» и тому подобное). Да, ЦРУ приходилось пойти после критики на запрещение заказных убийств, делать заверения об отказе использования в дальнейшем своих дипломатов и журналистов в разведывательной работе и так далее.

Нам еще придется столкнуться с подобными заверениями при рассмотрении конкретной деятельности посольской резидентуры в Москве. Серьезные, чреватые политическими последствиями для США просчеты ЦРУ известны. Немаловажно другое: управление каждый раз восставало, как птица Феникс из пепла, после этих передраг и скандалов, продолжая в широких масштабах агентурную деятельность и специальные операции. Образ мышления руководителей Лэнгли, основанный на изрядной доле вседозволенности, самоуверенности, культе силы и материально-техническом могуществе, оставался непоколебимым.

«Мы повсюду в мире»

Речь идет о том, что деятельность Центрального разведуправления охватывает весь мир и практически тотальна по своим устремлениям. Его подразделения, отстаивающие национальные интересы Соединенных Штатов, разбросаны по всем уголкам земного шара. По выражению Джорджа Буша^[8], они – «передовая линия обороны США».

Но тотальность, всеохватываемость, по моему мнению, в данном случае не означает всеядность. Верно, что директивы ЦРУ отражают широчайший круг интересов и устремлений – от военной сферы до экологии, от характеристик государственных деятелей до политических сплетен. Вместе с тем, для разведуправления характерна избирательность, особенно в оценке добываемой информации. Надо отдать должное аналитикам из Лэнгли. Они, как правило, умели отделять зерна от плевел.

Строгая избирательность проявлялась и в работе московской резидентуры. Агенты, которые, по мнению руководства, теряли свои разведывательные возможности, безжалостно «списывались».

Щедрый бюджет

Огромные финансовые и материально-технические возможности Центрального разведывательного управления способны поразить воображение. Его бюджет засекречен. Многие статьи прячутся в расходах других ведомств, главным образом, министерства обороны. По разным частям федерального бюджета в восьмидесятых годах было раскидано содержание «родственных» организаций разведки, филиалов ЦРУ, таких, например, как радиоцентры «Свобода» и «Свободная Европа». И все же сведения о бюджете ЦРУ просочились в американскую печать. Это три-четыре миллиарда долларов в год. При правлении администрации президента Рональда Рейгана^[9] расходы разведки увеличились в полтора раза. По словам заместителя председателя сенатской комиссии по разведке Мойнихена, разведывательный бюджет Вашингтона на 1985 год превосходил «все, что было до сих пор в любой другой стране, в любой момент истории».

Щедрое финансирование позволяет разведуправлению иметь многочисленный кадровый аппарат, проводить в широком объеме вербовочную работу, содержать огромную агентурную сеть, использовать дорогостоящую технику, проводить крупнозатратные специальные операции, обеспечивать солидные пенсии уходящим в отставку сотрудникам.

В одной упряжке с госдепартаментом

ЦРУ – часть государственного аппарата. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оно должно строго следовать политике

официального Вашингтона. Это в первую очередь затрагивает специальные операции – излюбленное оружие американской разведки. Далеко не всегда удается, вопреки строгим предписаниям президентских директив, утаить от мира, что в них фактически замешан Белый дом. Неудачными оказались попытки Лэнгли прикрыть завесой секретности тесные контакты и взаимодействие с другими государственными учреждениями, создать под своей эгидой и под соответствующими прикрытиями многочисленные компании и фирмы, широко проникнуть в американские и международные общественные организации. Разведывательные задания того или иного характера получали и выполняли служащие дипломатических и консульских представительств США во многих странах. Не говоря о том, что в разведуправление стекаются для оценки, анализа и реализации получаемые американскими ведомствами материалы.

Альянс с большим бизнесом

С момента возникновения Центрального разведывательного управления ведущие позиции в нем стремились занять представители большого бизнеса – руководители и сотрудники крупнейших финансовых, промышленных, юридических компаний и фирм. Их привлекали в разведку, конечно, не материальные соображения. Деятельность в деловом мире давала им несравненно больший доход. Частично тягу большого бизнеса в разведслужбу можно объяснить (особенно в первые годы существования ЦРУ) престижностью работы в элитарной организации. Но, думается, не это было главным. Большой бизнес увидел в разведке возможность воздействия на политические процессы в самих Соединенных Штатах и во всем мире, что обеспечивало в первую очередь доступ к информационным рычагам влияния. А это сулило большие материальные выгоды.

Большой бизнес «командировал» в разведку как непосредственно своих людей – крупных предпринимателей, финансистов ведущих компаний, так и лиц из обслуживающего персонала – адвокатов, консультантов, сотрудников научно-исследовательских учреждений. После работы в «компаниях» (так именуют ЦРУ на своем жаргоне разведчики) представители большого бизнеса обычно возвращались на свои прежние места в банках или промышленных корпорациях.

Преданной службы своим интересам большой бизнес не забывает. Примеров делового сотрудничества и взаимодействия Центрального разведуправления с крупнейшими американскими и транснациональными корпорациями можно привести немало. По официальным материалам известно, что компания «Интернэшнл телеграф энд телефон» в 1970–1973 годах субсидировала операции ЦРУ в Чили, приведшие к ряду политических убийств и свержению правительства Альенде^[10]. Известны деловые связи разведуправления с такими компаниями как «Локхид», «Боинг» и другими. Руководители Лэнгли поддерживали тесные контакты с Советом бизнеса, куда входят свыше двухсот крупнейших корпораций США, с кланами Рокфеллеров, Меллонов, Уитни и других заправил американского большого бизнеса. По словам бывшего американского разведчика, автора нескольких книг о деятельности шпионского ведомства Вашингтона Филипа Эйджи (с которыми солидарны многие американские исследователи), «ЦРУ является фактически орудием, отстаивающим во имя «национальной безопасности» интересы крупнейших транснациональных корпораций».

Выходцами из влиятельных финансово-промышленных кругов были директора ЦРУ Даллес^[11], Джон Маккоун, Уильям Рейборн, Джордж Буш, Уильям Кейси^[12]. Большой бизнес командировал в разведку – в качестве заместителей директора – М. Макконнела, У. Р. Вулфа, У. Джексона, Ф. Визнера. Членами правления крупных компаний были руководители Директората разведывательной информации (впоследствии – Информационно-аналитический директорат) Р. Эмори и Л. Бекер. Привел в разведывательное ведомство своих людей из бизнеса Уильям Кейси, в частности, одного из них – миллионера Хьюгела он назначил своим заместителем, начальником Оперативного директората.

Этот список можно значительно увеличить.

Сращивание ЦРУ с большим бизнесом, оказывается, практически не скрывалось. Странно, что влияние американского крупного капитала на разведку, в частности, путем направления в Лэнгли представителей крупных корпораций, кое-кем в нынешней России ставится под сомнение. Об этом свидетельствует хотя бы статья «О постсоветском антиамериканизме» в «Независимой газете» от 10 апреля 1998 года. А зря!

Конспирация превыше всего

Требование строго соблюдать безопасность – альфа и омега всех без исключения спецслужб мира. И в ЦРУ стремятся обеспечить жесткие меры безопасности и конспирации, особенно при проведении разведывательных операций. Впрочем, как мне представляется, в Центральном разведуправлении есть определенные нюансы. С одной стороны, приняты суровые законодательные акты об ответственности за разглашение «источников и методов ведения разведки» в защиту ее сотрудников от расшифровки; систематически ужесточается режим безопасности в самом ЦРУ. С другой, допускаются труднообъяснимые погрешности в секретном делопроизводстве, в хранении документации, в зашифровке разведчиков, когда, например, сотрудники могут появиться в одной стране под прикрытиями служащих дипломатических представительств, в других – под видом офицеров военных атташатов, в третьих – как чиновники международных организаций.

Сохранение инкогнито разведчика – «ахиллесова пята» управления. В силу разных причин многие оперативники оказывались раскрытыми, да и сами разведчики, действующие под «крышей» диппредставительств, похоже, понимают, что обречены на известность. И не только потому, что о них сообщают агенты противника, внедренные в разведку. Вот почему в ЦРУ уделяли повышенное внимание вопросам безопасности своих операций, проводившихся посольской резидентурой в Москве. В этих целях применялись особые меры проверки, различные уловки и приемы, нацеленные на то, чтобы выявить и сорвать контроль советской контрразведки. Наряду с этим вводились специальные требования к личному поведению, устанавливались жесткие сроки командировок, правила общения с местным населением. Именно в целях большей конспирации и в конечном счете в интересах усиления разведывательной работы управление практиковало создание компаний и фирм, действующих за рубежом под видом частных коммерческих организаций, ввело институт разведчиков «глубокого прикрытия». В московской резидентуре это глубоко замаскированные сотрудники в составе дипломатического персонала посольства. Им поручались наиболее ответственные разведывательные операции.

ЦРУ пришлось столкнуться с непростыми проблемами, когда деятельность американских спецслужб нередко становилась предметом специальных шумных расследований в конгрессе США, что приводило к огласке многих чувствительных для разведки вопросов. Деятельность управления широко освещалась в американских средствах массовой информации, в работах политологов из различных «центров» и «фондов», в литературе, в том числе в книгах бывших руководителей разведки Аллена Даллеса, Ричарда Хелмса, Уильяма Колби, Стэнфильда Тернера, Роберта Гейтса. Пишут и бывшие ее сотрудники – Ф. Эйджи, Ф. Снепп, Р. Макгихи, Дж. Стокуэлл, Э. Ховард, В. Маркетти (в соавторстве с Дж. Марксом) и другие. Это изобилие материалов трудно удержать в «дозволенных рамках», хотя в Лэнгли имеется специальное подразделение, контролирующее открытую информацию о разведывательных делах. Иногда не спасает и строгое законодательство – угроза тюремного заключения сроком до 10 лет и штрафа в 10 тысяч долларов за разглашение имен разведчиков и агентов, засекреченных подробностей операций спецслужб Вашингтона.

Для обеспечения должной конспирации среди сотрудников ЦРУ практикуются и другие меры. У меня в памяти ряд случаев, когда разведчики посольской резидентуры подвергались строгим наказаниям, вплоть до откомандирования из СССР и увольнения из ЦРУ.

Механизм использования информации

Глубокий анализ всех собранных разведывательным сообществом сведений давно стал в ЦРУ обязательным и обыденным делом. Это достойно зависти и подражания: исследуют здесь информацию капитально, всесторонне, качественно.

Конечная продукция, как грифованная, так и открытая, отличается широтой охвата проблем – внешняя политика, внутреннее положение иностранных государств, военные вопросы, наука и техника, природные ресурсы и многое другое. Наиболее значительный документ – так называемая «национальная разведывательная оценка». Он докладывается президенту США, и в нем содержится оценка положения в интересующем Вашингтон регионе или отдельной стране, прогнозируются варианты действий руководителей этого региона или

страны. Важнейшее значение для правящей верхушки Соединенных Штатов, особенно во время президентства Рейгана и Буша, имела информация, касавшаяся Советского Союза, его вооруженных сил, обороноспособности, экономического потенциала, планов и намерений. Разведывательная информация о СССР подгонялась под вкусы и пристрастия хозяев Вашингтона, отличалась антисоветской направленностью, была выдержана в жестком, откровенно ругательном тоне. Нередко такая информация содержала прямые домыслы о политике и экономике Кремля и, попадая на стол президента или в конгресс, стимулировала решения вашингтонской администрации по основополагающим проблемам – бюджету, противодействию политическому курсу СССР, направленному на разрядку международной напряженности.

Значение и сила любой разведки – в добываемой информации, в ее своевременной и качественной обработке, в оперативном доведении ее до руководящих инстанций. Но не может быть оправдана такая деятельность разведки (как это иногда случалось с ЦРУ), когда она шла на обман руководства собственной страны, на «причесывание» информации, на фабрикацию материалов, которые, как считает разведка, могут понравиться властям. Наверное, ни одна разведка не хочет быть гонцом, приносящим плохие вести, памятуя, что за это можно и головы лишиться. Но разведуправление зачастую шло на сознательную корректировку информации, от чего она становилась «приятной во многих отношениях» для хозяев Белого дома.

И еще об одном. Нельзя не упомянуть о подготовке ЦРУ так называемой «направленной информации» для многих стран мира, у которых Вашингтон стремится возбудить отрицательное отношение к какому-либо другому государству, скомпрометировать того или иного государственного деятеля, вызвать симпатии к США. Один из излюбленных путей доведения выгодной информации до американской и мировой общественности – пресса и телевидение. С этой целью ЦРУ проводило ежегодно около 200 брифингов и пресс-конференций для журналистов, распространяло специальный пресс-бюллетень со своими оценками положения в мире и в отдельных странах.

Посольская резидентура ЦРУ в Москве в 80-е годы, похоже, не была наделена правом обработки и анализа информации на месте.

Правда, были случаи приезда информационных работников из Центра, но в целом это не решало проблемы, поскольку нарушался принцип полноты, а главное, оперативности обработки.

Монополия на специальные операции

Ныне хорошо известно: ЦРУ создавалось не только (и, может быть, не столько!) как орган классической агентурной разведки, но как уникальное ведомство для проведения тайных подрывных акций. Перед ним ставились определенные цели и задачи, и оно для этого наделялось соответствующими правами и возможностями. Что касается целей и задач, то они красноречиво сформулированы в руководящих директивах и заявлениях государственных деятелей США. Так, в президентской директиве Трумэна СНБ 4/А (1947 год) Центральному разведывательному управлению поручалось проведение крупномасштабной психологической войны – «пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением... изменников и поддержка политических партий (*естественно, зарубежных. – Р.К.*); полувоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж, экономические действия, связанные с валютными операциями». Директива СНБ 10/2 того же года уточняла: «Под термином «тайные операции» следует иметь в виду все виды деятельности, которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп». И далее: «Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, в том числе саботаж, подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения». В 1950 году президент Трумэн подписывает директиву СНБ-68. В ней предельно ясно говорится: «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство Советов и разрушить замыслы Кремля... Усилить меры с целью вызвать и поддержать восстания в стратегически важных для нас странах...».

«Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», – могут подумать иные мои читатели. Так ли это?

Обратимся к другим свидетельствам более позднего времени – к тем же президентским директивам и заявлениям государственных деятелей США. 1978 год. Директор ЦРУ Стэнсфилд Тернер выступает в клубе печати в Вашингтоне. «Тайные политические акции, – говорит адмирал, – это попытка оказать влияние на события в зарубежных странах таким образом, чтобы это влияние осталось неизвестным... Вся наша дипломатия, вся наша экономическая мощь и нажим, вся наша военная угроза пускаются в ход, чтобы оказать влияние на другие страны».

А вот директива президента Рейгана о разведывательной деятельности 1981 года. Она определяет специальные операции в качестве одной из главных задач ЦРУ «в поддержку целей государственной внешней политики, которые планируются и осуществляются таким образом, что роль правительства США не видна и публично не признается». В 1982 году президент Рейган, объявляя новый «крестовый поход» против Советского Союза и поручая Центральному разведывательному управлению специальные операции, не подумал скрыть, что «тайные операции являются составной частью деятельности правительства». Это было далеко не теорией. Не зря ирландский юрист Шон Макбрайд характеризовал ЦРУ как ведомство, «организуемое политические убийства, развязывающее войны, создающее формирования из наемников для свержения законных правительств и дестабилизации неудобных ему обществ, правительств и организаций». Это вынужден был признать в 1973 году будущий директор ЦРУ, а тогда заместитель директора Уильям Колби в своем объемистом докладе конгрессу. Специальная комиссия сената установила, что Центральное разведуправление с момента своего создания провело тысячи тайных подрывных операций, из которых девятьсот можно отнести к разряду крупных.

Список специальных операций включает: поддержку и установление диктаторских режимов в государствах Индокитая, Греции, ряде стран Центральной и Южной Америки. В 1953–1954 годах ЦРУ вместе с английской разведкой принимает активное участие в свержении правительства Моссадыка в Иране (операция «Аякс»), в устранении правительства Арбенса в Гватемале. 1961 год – полный провал операции «Сапата», высадки вооруженного десанта кубинских наемников в заливе с целью ликвидации революционного

правительства Фиделя Кастро. Не принесла успеха кровавая операция в Южном Вьетнаме («Феникс»), рассчитанная на «умиротворение», а фактически – на уничтожение сил сопротивления марионеточному режиму. В 1974–1976 годах США ввязались в необъявленную войну в Анголе, причем ЦРУ выпала обязанность поддерживать антиправительственные группировки УНИТА и ФНЛА оружием и деньгами. В 1982 году последовало вооруженное вторжение США в Ливан, в 1983-м – в крошечную Гренаду, а через четыре года американская авиация подвергла бомбардировкам два крупнейших города Ливии – столицу Триполи и Бенгази. За этими драматическими событиями стояло ЦРУ, пытавшееся дестабилизировать обстановку в названных странах, устранить их лидеров. В восьмидесятых годах Вашингтону не пришлось прибегать к военному вмешательству в Никарагуа: Лэнгли удалось реализовать свой план свержения сандинистского правительства руками вооруженной эмиграции и внутренней оппозиции.

Такова хронология некоторых тайных подрывных операций Центрального разведывательного управления в мире. «Все тайное становится явным», – гласит народная мудрость, и этой участи, похоже, не удастся избежать и ЦРУ.

К внушительному перечню специальных операций ЦРУ можно добавить неудавшиеся террористические акции против иностранных политических и военных руководителей. В частности, в самих США признается, что неоднократно планировались покушения на руководителя Кубы Фиделя Кастро, президента Индонезии Сукарно, премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. ЦРУ причастно к «ликвидации» марионеток Вашингтона доминиканского диктатора Трухильо, южновьетнамских правителей братьев Дьем, переставших устраивать своих хозяев. Комиссия сената США раскрыла, что Центральное разведуправление замешано в убийстве премьер-министра Бельгийского Конго, ставшего затем Запром, Патриса Лумумбы, кубинского революционера Че Гевары, африканского политического деятеля Амилькара Кабрала, чилийского генерала Рене Шнейдера. С деятельностью ЦРУ связывается гибель президента Панамы Омара Торрихоса, бывшего министра Чили Летельера, премьера Гренады Бишопа и многих других видных иностранных деятелей.

По подсчетам бывшего сотрудника разведуправления Дж. Стокуэлла, «тайные операции» Лэнгли привели в период с 1947 года по начало восьмидесятых годов к гибели свыше одного миллиона человек.

С «тайными операциями» (хотя и не только с ними) тесно связан вопрос о применении управлением специальных препаратов. Сенатская комиссия Ф. Черча в 1975 году обнародовала секретный меморандум, в котором содержался перечень бактериальных препаратов и ядов, изготовлявшихся специальным отделом ЦРУ в Форт-Детрике. В этом перечне – вирусы туляремии, энцефалита, туберкулеза, чумы. О случаях применения управлением подобных препаратов и ядов сообщалось в ходе расследований, проводившихся в некоторых странах. В американской литературе было упомянуто, в частности, о применении психотропных препаратов по отношению к перебежчику из Советского Союза Юрию Носенко^[13], которого контрразведывательная служба ЦРУ заподозрила в том, что он прибыл в США по заданию КГБ с целью внедриться в американскую разведку. Смертоносными ядами снабжались американские агенты, нелегально забрасывавшиеся в СССР в пятидесятые годы. Капсула с ядом была выдана и пилоту самолета «У-2» Фрэнсису Гарри Пауэрсу, совершавшему разведывательный полет через территорию Советского Союза (он был сбит в районе Свердловска 1 мая 1960 года). Органами КГБ расследовалось несколько дел о применении спецслужбами США психотропных препаратов в отношении советских граждан, находившихся за границей. Ампулы с ядом, с инструкциями по их использованию посольская резидентура ЦРУ в Москве вручала некоторым своим агентам из числа советских граждан, рассчитывая, что они применят их в нужный момент и не попадут живыми в руки контрразведки. Сильнодействующим ядом был снабжен, например, агент ЦРУ Огородник, который отравил им вначале знакомую женщину, опасаясь, очевидно, что она выдаст его КГБ, а затем при аресте воспользовался ампулой с ядом и сам. Такую же отраву получил агент Толкачев, которому, однако, не удалось ею воспользоваться.

«ЦРУ стало проклятием во всем мире за проведение тайных операций», – сообщали американские журналисты. Столкнувшись с ожесточенной критикой Центрального разведывательного управления,

законодательные власти США пытались исключить из его деятельности политические убийства, пытки, применение ядов, химических и бактериологических препаратов, а также акции по свержению неугодных режимов. В связи с сильным сопротивлением ЦРУ и поддерживающих его политических сил «гора» чуть было не «родила мышь». Закон о контроле над разведкой 1980 года ввел некоторые ограничения на использование откровенно бесчеловечных методов, но оставил в качестве одной из прерогатив Лэнгли «тайные операции».

По принципу «лучше обвинить, чем быть обвиненным» американцы в восьмидесятых годах начали распространять ложные сведения об «облучении» посольства США в Москве и о применении советской контрразведкой «вредных химических веществ» против американских дипломатов в Советском Союзе. К слову сказать, в мое время советская контрразведка никогда не использовала против американцев препаратов, которые оказали бы вредное воздействие на их здоровье. Это я готов подтвердить под любой присягой. Кроме того, по информации, которой я располагаю, эксперты ЦРУ и сами признали в конечном счете абсурдность обвинений КГБ в использовании «вредных препаратов».

Советскому Союзу в полной мере пришлось испытать на себе специальные операции ЦРУ, удары «психологической войны», методами которой американская разведка владеет превосходно.

Центр международной шпионской корпорации

Создание такой подрывной организации можно назвать американским изобретением. Она была порождена расчетами США на концентрацию сил против главного противника по всем направлениям. Но не только этим. В силу экономического и политического влияния Соединенных Штатов в мире американские спецслужбы заняли в ней руководящие позиции, а ЦРУ стало ведущей силой. В восьмидесятых годах в международную шпионскую корпорацию входили США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, а также другие государства блока НАТО и участники военно-политических союзов.

Это, так сказать, верхняя, официальная, часть разведывательного айсберга. Взаимодействие здесь проводилось не только в ходе регулярных контактов, по линии обмена разведывательной

информацией, но и по линии выполнения скоординированных операций, в том числе вербовочного характера. Подводную, скрытую часть айсберга, составляют спецслужбы многих стран Европы, Азии, Африки, Южной и Центральной Америки, связанных секретными соглашениями с ЦРУ. Формы и методы сотрудничества с ними определялись зачастую конкретными потребностями работы против Советского Союза (поставка спецтехники в обмен на предоставление информации об СССР, обучение кадров в США, инструктаж о мероприятиях в отношении советских представителей и тому подобное). Оперативные выгоды сотрудничества в рамках корпорации оценивались по тем показателям, в какой мере они соответствовали целям США. Вместе с тем большое значение придавалось возможностям углубления доверительных контактов с представителями спецслужб союзников и вербовки отдельных из них.

Наиболее прочное звено в шпионском консорциуме – британские спецслужбы. Это естественно в свете «особых отношений» между США и Великобританией, правда, все же отношений, как мне представляется, ведущего и ведомого в слаженном авиационном звене. Впрочем, сотрудничество спецслужб США и Великобритании не отличалось безоблачностью. И на этот счет есть немало примеров – кое о чем скажу позже. Лондон, со своей стороны, не склонен забывать небезызвестное изречение лорда Пальмерстона^[14] времен «блестящей изоляции»: «Англия не имеет постоянных друзей или постоянных врагов, она имеет только постоянные интересы».

Здесь стоит вспомнить известное «дело полковника Пеньковского», сотрудника ГРУ Генштаба советской армии, англо-американского шпиона, которого не могли поделить ЦРУ и СИС, что в конечном счете привело к серьезным провалам их посольских резидентур в Москве. Можно познакомиться с изданной в 1987 году книгой бывшего заместителя английской контрразведки МИ-5 Питера Райта, в которой рисуется далеко не идиллическая картина взаимоотношений между разведывательными и контрразведывательными службами США и Великобритании. Так, недавно стала известна скандальная история о том, что англичане, по решению Уинстона Черчилля, не пожелали поделиться с американцами информацией о готовившемся нападении Японии в декабре 1941 года на базу Пёрл-Харбор на Гавайях, полученной

дешифровальной службой Великобритании в результате перехвата и расшифровки японских радиосообщений.

Американская разведка не упускала возможностей внедряться в разведывательные и контрразведывательные службы своих союзников. По свидетельству бывших сотрудников Агентства национальной безопасности Мартина и Митчелла, перешедших в Советский Союз в 1960 году, АНБ распознано шифры Франции, Италии, Турции, Египта, Уругвая и ряда других стран, не входивших в число противников США.

Технические средства – любимое детище

По масштабам применения оперативно-технических средств и по расходам на их создание Центральное разведывательное управление не имеет себе равных среди спецслужб других государств. Руководство Лэнгли последовательно и настойчиво проводит линию на создание и широкое внедрение в разведывательную работу новейших достижений научно-технической революции в области электроники, радиотехники, автоматики, кибернетики, химии, аэронавтики и так далее. Научно-технический прогресс взят на вооружение разведуправлением не только в интересах агентурной работы, но и в целом для добывания разведывательной информации, в том числе путем задействования принципиально новых направлений и методов.

Некоторые оперативно-технические средства (тайниковые контейнеры, специальные малогабаритные приборы для подслушивания, средства тайнописи, предметы маскировки) изготавливаются непосредственно в Научно-техническом директорате и лабораториях ЦРУ, другие – на предприятиях США и некоторых стран по специальным заказам. К ним относятся, например, аппаратура для наблюдения и контроля местности, размещаемая на высотных самолетах «У-2» и «Авакс», на спутниках-шпионах «Самос», «КН-11» и «КН-12», летательных аппаратах программы «Шаттл», электронные комплексы для контроля за ядерными излучениями.

Оперативно-технические средства применяются ЦРУ повсеместно не только против враждебных стран, но и государств «третьего мира» и даже союзников США. Что касается Советского Союза, то он был своеобразным полигоном для их использования в широких масштабах

разведчиками посольской резидентуры в Москве и независимо от этой структуры. Советской контрразведке пришлось познакомиться с целым набором применявшихся Центральным разведуправлением автоматических устройств технической разведки (сокращенно АУТР).

Главное оружие – агентура

Агентура занимает ведущее место в системе используемых ЦРУ сил и средств по добыванию информации и проведению других разведывательных операций. Так, считают, что агентурная разведка имеет приоритеты перед другими, в том числе по части технических средств, так как обеспечивает проникновение в планы и намерения противника. «Самая ценная информация поступает от агентуры, – заявил в конгрессе США в 1988 году Роберт Гейтс, тогда заместитель директора Центрального разведуправления, – и она у нас есть в различных странах мира».

ЦРУ, используя климат «холодной войны», развернуло бурную деятельность по внедрению своей агентуры в международные общественные, молодежные, профсоюзные, религиозные и другие организации. Это делалось для выхода на советских представителей, которые были связаны с этими организациями, но главное – в целях подрыва или подчинения интересам Соединенных Штатов этих структур.

В активе управления – вербовки и эффективное использование высокопоставленных государственных, политических и военных деятелей, сотрудников спецслужб, научных работников, представителей делового мира из многих государств, включая союзников Вашингтона. Концентрация сил, щедрое финансирование – основные слагаемые этой успешной оперативной деятельности.

Помимо самой распространенной и, по-видимому, главной категории агентуры – агентов-источников, предоставляющих документальную и иную разведывательную информацию, теория и практика оперативной деятельности ЦРУ выделяет целый ряд других типов агентов. Это, в частности, агенты влияния, способные в силу своего положения оказывать воздействие на политический курс страны, на решение важных государственных, военных, общественных проблем. Они считаются ценными, особо оберегаемыми источниками. Это – агенты, приобретаемые для участия в специальных тайных

операциях по выполнению террористических и диверсионных актов, привлеченные для перлюстрации корреспонденции (например, на почте), для установки аппаратуры подслушивания. Это – агенты, забрасываемые в страну по нелегальным каналам. Это – агенты в средствах массовой информации или способные проталкивать в СМИ материалы, подготовленные в ЦРУ или составленные ими по заданию американской разведки. Наконец, это – большой отряд агентуры, выполняющей вспомогательные функции. К ней относятся: агенты-групповоды (называемые иногда «главными агентами»), руководящие какой-то группой, например, наружного наблюдения; агенты-связники (или курьеры), используемые для поддержания контактов с другими агентами; агенты – содержатели конспиративных квартир. В эту категорию вспомогательной агентуры можно включить агентов-наводчиков, агентов, привлекаемых для участия в разработке кандидатов на вербовку – мужчин (на жаргоне ЦРУ – «ворон» или «лебедь») и женщин («ласточка»). Это – агенты, используемые в качестве приманки для иностранных спецслужб, выполняющие сложную миссию агентурного проникновения в них. Заслуживает внимания в практическом контрразведывательном плане появившийся в последние годы в управлении термин – «нетрадиционные источники». Пожалуй, это ближе всего к доверительным контактам разведки.

В приобретении агентуры просматриваются два основных направления: классическая разработка – с использованием агентов-наводчиков, женской агентуры (для создания компрометирующих ситуаций), агентов-вербовщиков, а также возможных технических средств и наружного наблюдения; и вербовка «инициативников», то есть лиц, предлагающих шпионское сотрудничество.

В качестве базы вербовки используются идеологические и материальные факторы, компрометирующая информация. Решающий критерий – не политическое лицо, не какие-то особые личные качества потенциального агента, а доступ к важной секретной информации (к «семейным драгоценностям» – на жаргоне американской разведки) или возможности выполнения поручений ЦРУ. Идеологическим факторам (прозападные, антикоммунистические взгляды, симпатии к США, националистические настроения и прочее) в Центральном разведывательном управлении придается определенное значение, и

американские разведчики стремятся максимально использовать эти факторы для привлечения к сотрудничеству. Однако они не чурались вербовать лиц с уголовной биографией, субъектов совершенно аполитичных, с отрицательными качествами. Практически всегда вербовка и использование агентуры закреплялись материальным фактором – выплатой денежного содержания, ценными подарками и так далее. Действовал принцип, сформулированный, правда, по другому поводу, одним из сотрудников КГБ: «За деньги можно купить шлюху, но любовь за деньги не купишь».

Отмечались некоторые существенные особенности агентурной деятельности ЦРУ в Советском Союзе в восьмидесятые годы. Так, многие типы агентов в СССР не использовались, очевидно, в силу оперативной обстановки, требовавшей максимальной безопасности и конспирации. Классическая вербовочная разработка исключалась. Ставка в основном делалась на «инициативников», на агентуру из числа советских граждан, завербованных за границей. При этом последние передавались на связь посольской резидентуре Центрального разведуправления только в тех случаях, если они располагали допуском к важной секретной информации и не имели возможности выехать за границу. В отдельных случаях резидентура прибегала к установлению шпионских контактов с лицами, на которых поступали наводки от перебежчиков и эмигрантов, но они еще не считались «созревшими» для шпионской деятельности.

К контактам с агентами в форме личных встреч, тайниковых операций, использования радиоаппаратуры ближней связи прибегали в основном в Москве, но иногда – в Ленинграде, где под прикрытием генерального консульства США размещалась оперативная группа ЦРУ. Что касается «агентов влияния», то я рассмотрю вопрос об их использовании в Советском Союзе немного позже.

Приоритетное направление

Руководители Центрального разведуправления восьмидесятых годов (С. Тернер, У. Кейси, У. Уэбстер, Р. Хейтс) неизменно и во всеуслышание заявляли, что СССР является объектом № 1 американской службы шпионажа. При этом подчеркивалось, что организация работы против Советского Союза – это «приоритетное направление». Впрочем, как известно, наша страна и до этого была

главным противником Вашингтона, а Россия и поныне остается «под прицелом» ЦРУ.

Советской контрразведке были известны устремления ЦРУ: экономический и оборонный потенциал, внешнеполитические планы, состояние и боевая готовность вооруженных сил, новейшие виды вооружения, положение в руководстве страны, научные достижения, экспорт и импорт, деятельность разведки и контрразведки. Методы сбора информации были традиционными: агентура и использование специальной разведывательной аппаратуры.

За десятилетия «холодной войны» спецслужбы США создали разветвленную систему добывания информации о Советском Союзе. Появились многочисленные, делавшие основную ставку на агентурные методы разведывательные программы: «Редсокс» (нелегальная заброска агентуры), «Легальные путешественники» (использование туристов, бизнесменов, журналистов). Обе эти программы проводились совместно с британской СИС. Далее – проекты «Редскин» (получение материалов от туристов в ходе их поездок по СССР), «Лингвал» (вскрытие корреспонденции из США в Советский Союз и в обратном направлении), «Кортшип» (совместная с ФБР операция по вербовке агентов из числа сотрудников советских учреждений в Соединенных Штатах) и многие другие – им буквально несть числа.

Советский Союз был окольцован плотной сетью радарных станций. По периметру нашей страны в сопредельных государствах и в близлежащих регионах была создана цепь разведывательных баз (Норвегия, Исландия, Дания, Гренландия, Великобритания, ФРГ, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Япония, Канада). Они были оборудованы специальной аппаратурой для перехвата линий связи, наблюдения за запусками ракет, полетами самолетов, обнаружения ядерных объектов, испытаний атомного оружия, для контроля за передвижением подводных лодок и надводных военных кораблей и судов. Немалые оперативно-технические средства были брошены ЦРУ на контроль за советскими учреждениями за границей, в том числе через спецслужбы тех стран, где они находились, когда и как только это становилось возможным.

Для наблюдения за воздушным пространством Советского Союза использовались высотные самолеты «У-2», «РБ-47», «Авакс»,

искусственные спутники земли (ИСЗ) многопланового назначения, в том числе КН-11 и КН-12, предназначенные для фоторазведки территории СССР, в том числе в ночных условиях с повышенной маневренностью, позволяющей ИСЗ менять траекторию по команде с земли.

В семидесятых-восемидесятых годах ЦРУ и АНБ^[15] провели серию операций космической и радиотехнической разведки непосредственно на территории и в акватории Советского Союза. Можно упомянуть, в частности, об установке в районе Можайска в 1975 году специального радиоэлектронного устройства, закамуфлированного под древесный пенек. Оно предназначалось для перехвата радиоизлучений, находящихся в этом районе оборонных объектов, с автоматической передачей информации на пролетающий разведывательный спутник. Оба устройства были тайно установлены разведчиками московской резидентуры ЦРУ Веттерби и Корвином. Этой операции предшествовало фотографирование местности разведывательными спутниками.

К той же категории относится и операция по установке в пригороде Москвы комплекса радиоэлектронной аппаратуры для перехвата и записи телефонных разговоров с подземного кабеля связи.

Впечатляющая акция технической связи разведки была проведена ЦРУ в Охотском море на расстоянии 60 км от берегов Камчатки. Там, действуя с подводной лодки и с помощью подводных пловцов, в 1979 году установили самый сложный комплекс специальной аппаратуры для перехвата информации с подводного кабеля Министерства связи СССР. Как и большинство оперативно-технических мероприятий Лэнгли, камчатская операция была отнесена к разряду «наиболее чувствительных», о ней с особой гордостью докладывал только что избранному президенту Рональду Рейгану тогдашний директор ЦРУ Стэнфилд Тернер. Предметом восхищения американцев было использование ЦРУ в разведывательных целях канала международных контейнерных перевозок по территории Советского Союза. Наверное, многим памятна пресс-конференция, устроенная МИД и Таможенной службой Советского Союза в 1986 году по материалам раскрытой органами КГБ разведывательной операции Лэнгли по перехвату гамма- и нейтронного излучений. Она проводилась с помощью специального электронного комплекса, заделанного в

крупногабаритный железнодорожный контейнер, который был направлен американской разведкой из Японии в ФРГ. Только вялость советской пропаганды да не слишком настойчивые действия МИД СССР «спасли» тогда ЦРУ от крупного международного скандала.

Не нужно думать, что лишь во времена «холодной войны» американская разведка стремилась расширить каналы проникновения в нашу страну, прорваться к нашим секретам. Нет и еще раз нет! Центральное разведывательное управление США, другие шпионские организации, входящие в разведывательное сообщество Вашингтона, не ослабляя активности, более того, наращивая ее, действуют и сейчас против Российской Федерации и Содружества Независимых Государств.

Глава 3. Штрихи к портрету американского оперативника

Вряд ли удастся нарисовать реальный портрет сотрудника Центрального разведывательного управления, если попытаться изображать его просто как типичного представителя американского общества со всеми его достоинствами и недостатками в виде эдакого родственника «дядюшки Сэма». Занятие это неблагодарное, типичность в данном случае вообще не способ показа человеческих персонажей нашей сложнейшей эпохи, уникальных в своей индивидуальности, как бы ни равняла их принадлежность к такой специфической организации как разведка. Поэтому автор считает целесообразным ограничиться некоторыми штрихами, касающимися в основном американских разведчиков, карьера которых была связана с нашей страной.

За многие годы противостояния нашей контрразведки с ЦРУ именно они, эти оперативники, становились объектами пристального внимания, и в ходе разработки неминуемо высвечивались их сильные и слабые стороны, личные качества и черты характера. Были среди них люди с сильной волей, смелые до дерзкого авантюризма, но и осторожные до трусости, красавцы-«супермены» и лица с непривлекательной внешностью, профессионально талантливые и способные работники и интеллектуально убогие солдафоны, трудолюбивые и энергичные и с ленцой, крепкие семьянины и любители поволочиться за любой юбкой, трезвенники и приверженцы «зеленого змия».

Разные характеры, разная степень умственного развития, разные представления о чести и достоинстве, о добре и зле. Но всех их роднило, пожалуй, одно: это были в основном представители среднего класса, службисты, дорожащие своей карьерой в разведке, воспитанные в духе консерватизма и антикоммунизма, ангажированные на жесткую конфронтацию с нашей страной. Словом, зеркало американской действительности, но подвергшееся изрядной дополнительной обработке и закалке в ЦРУ.

Стремление к личной независимости, индивидуализм, жажда обладания собственностью – характерные черты, пожалуй, любого американца, порождаемые укладом жизни в Соединенных Штатах, реалиями экономической и политической действительности, впитываемые, можно сказать, с молоком матери. Ведь буквально с пеленок американец воспитывается в духе понятий «личной свободы», «частного предпринимательства», «прибыли», представляемых как вечные и священные категории. «Нет другой такой нации на свете, – говорил в свое время первый президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон, – которая так бы преклонялась перед деньгами, как американская нация». Поклонение «золотому тельцу», капиталу с тех пор в американском обществе стало одним из ведущих его принципов.

Американская деловитость, прагматизм давно вошли в поговорку, хотя и не имеющую сегодня первородной свежести. Гражданин Соединенных Штатов отчетливо сознает, что, пока он служит в разведке, ему обеспечена хорошая зарплата и солидная пенсия. Речь, конечно, идет не только о работе в спецслужбах – безработица для американцев страшный бич. Трудолюбие, уважение к труду свойственны подавляющему большинству детей дяди Сэма.

Все эти черты, естественно, не минуют тех американцев, которые связывают свою судьбу с Центральным разведывательным управлением, хотя они и вынуждены подчинять свою жизнь на этом этапе требованиям административно-бюрократического аппарата и соответственно приспособлять к ним свои устремления и наклонности.

«ЦРУ отдает предпочтение людям активным, обаятельным, компанейским, которые умеют подчиняться, не склонны углубляться в интеллектуальные раздумья и видят мир в черно-белом изображении. Принятые в ЦРУ правила отбора кадров наряду с определенными достоинствами имеют и свои отрицательные стороны. При таком подходе за бортом оказываются люди, способные видеть перспективу, улавливать тонкости и нюансы, склонные прежде думать, а потом делать, имеющие определенные принципы, которыми они не поступятся, даже если на них будет оказано давление». Так утверждает в своей книге «Смерть и ложь» бывший сотрудник Центрального разведуправления Ральф Макгихи.

Американские разведчики – это государственные служащие, призванные действовать в строгом соответствии с уставными положениями гражданской службы. Закон о гражданской службе, принятый конгрессом США в 1983 году, в частности, обязывает американских госслужащих «руководствоваться высокими моральными принципами и ставить интересы страны выше интересов любого лица, партии или правительственных учреждений; соблюдать законы и регламентирующие постановления руководящих органов США и не принимать участия в подрыве конституционных основ государства; работать с полной отдачей сил полный рабочий день; не пользоваться в личных целях имеющейся в его распоряжении секретной информацией; бороться с коррупцией». Жизнь, однако, оказывается гораздо сложнее благих пожеланий, и в реальности происходят нарушения тех или иных требований закона о гражданской службе. Их немало, и они ведут к неизбежным разбирательствам и наказаниям провинившихся лиц. И тем не менее, немало сотрудников ЦРУ допускают различные нарушения и компрометирующие их проступки, идут на прямой разрыв с американской разведкой.

Для одних – это идейные или нравственные соображения, невыносимость принятых в ЦРУ «культу разведки», «права на ложь», «двойной морали», участия в незаконных или сомнительных, по их мнению, тайных операциях, вмешательства во внутренние дела других государств. Для других служба в разведке – это конфликт с их личными амбициями. Они не приемлют требований секретности, отказываются от процедуры проверки на «детекторе лжи». Для третьих невыносима атмосфера подозрительности, процветавшая в ЦРУ в прошлые годы и проявляющаяся и теперь. Есть, конечно, и другие причины и мотивы.

В большинстве своем сотрудники ЦРУ – это люди со средним (по американским меркам) достатком, зарплата – основной источник их дохода. На состояние и капиталы родителей, других близких родственников они могут рассчитывать только в порядке наследования. Даже если они делают выгодную партию, богатство жены им не принадлежит в силу отдельных прав на собственность. Работа в разведке, когда-то овеянная романтикой и считавшаяся престижной, вовсе не относится к какой-то исключительной в

материальном смысле категории. Кастовость и снобизм отходят в прошлое. Многие профессии стали гораздо прибыльнее.

Получаемое денежное содержание, другие льготы, солидная пенсия по завершении службы позволяют разведчику вести материально безбедный образ жизни, иметь хорошее жилье в престижном районе Вашингтона, одну-две автомашины, все необходимое в быту, обеспечивать здоровье и благополучие семьи и свое собственное, не беспокоиться о старости. Как государственный служащий, сотрудник разведки не имеет права заниматься бизнесом и другой приносящей доход деятельностью, но ему не возбраняется иметь акции и иные ценные бумаги. Впрочем, искушения достаточно велики – американскому разведчику хочется иметь собственный дом и земельный участок (а это сотни тысяч долларов), более престижную автомашину, самые совершенные марки бытовой техники, выходить без потерь из довольно обременительной системы налогового бремени, менее болезненно разделяться с долгами в условиях господствующей в стране «жизни в кредит», обеспечивать учебу детей в лучших учебных заведениях и тому подобное.

И дело не в том, что тот или иной американец – стяжатель и хапуга. Просто он с самого детства приучен именно к такому складу жизни. Он умеет считать деньги, отчетливо сознает, что в современном американском обществе это, пожалуй, единственная реальная сила. Вот как раз по этим причинам многих сотрудников ЦРУ привлекала работа в нашей стране, где существовали дополнительные льготы «за тяжелые условия», выплачивалось крупное вознаграждение за успешно проведенные операции.

Социальное положение, которое в основном отражается в отношении к собственности и в соответствующей идеологии, отнюдь не безразлично для Лэнгли. Именно по этим основаниям отдается предпочтение представителям среднего класса. Управление стремится держаться, так сказать, на равном удалении от «левых» и «правых». Левые радикалы, лица, связанные с социалистическими организациями, компартией, выходцы из необеспеченных слоев населения (не говоря уже о безработных), правые экстремисты фашиствующего толка в разведку (как и в другие государственные учреждения) не допускаются. В этом контексте рассматривается и вопрос о политических воззрениях.

В пятидесятых-шестидесятых годах в картотеках Федерального бюро расследований, активно участвующего в проверке кадров разведки, содержались сведения на 112 миллионов американцев, отнесенных к категории «неблагонадежных» и «инакомыслящих». Открытая «охота на ведьм» с целью поиска «скрытых коммунистов» (как, скажем, во времена пресловутого сенатора Маккарти), затронувшая в немалой степени Центральное разведывательное управление, в сегодняшних США не просматривается, но, во-первых, все эти кампании «чисток» уже сделали свое дело, а во-вторых, жесткий отбор по политическим мотивам производится и поныне – в завуалированной, но не менее эффективной форме. Впрочем, с начала девяностых годов по ЦРУ прошла очередная волна чисток, вызванных известным «делом Эймса», ответственного сотрудника управления, обвиняемого в шпионаже в пользу нашей страны.

Факты разрыва сотрудников разведки с Центральным разведывательным управлением по «моральным причинам», многочисленные случаи шпионского сотрудничества с иностранными спецслужбами, вызванные разными мотивами (свыше ста двадцати за пятидесятилетнюю историю ЦРУ), – все это наносит серьезный удар по репутации разведки. Давно уже развеян миф о «непогрешимости» ЦРУ.

В США существуют и успешно действуют немало стереотипов, формируемых пропагандой, да и самим укладом жизни, в том числе в области политики. Вот некоторые из них: «красный – значит, плохой», «советская угроза», а ныне – «опасности, исходящие от России», «рука Москвы», «лидерство США в мире – полезная необходимость» и другие – всего не перечислить. Эти стереотипы фигурируют при наборе кадров в ЦРУ, в деятельности и повседневном поведении разведчиков. Впрочем, кое-какие из них, как, например, «неприкосновенность частной жизни», в результате соответствующей «закалки» в спецслужбах отбрасываются или претерпевают изменения. Сотрудник разведки воспринимает права граждан (не только иностранцев, но и американцев) через призму разведывательно-карательного механизма, частицей которого сам становится.

О проявлениях подобного двойного стандарта свидетельствует мнение известного американского публициста Дэвида Уайза: «На протяжении приблизительно четырех десятилетий и семи

администраций правительственные разведывательные и полицейские службы нарушали законы и насильствовали конституцию. Правительство использовало против народа следующие методы: подслушивание телефонных разговоров, обыски со взломом в отсутствие хозяев и незаконные изъятия, вскрытие писем, перехват телеграмм, визуальное наблюдение, тайные провокации, широкое использование доносчиков, составление списков подозрительных лиц». Можно добавить к этому многочисленные вскрытые в ходе расследования деятельности ЦРУ конгрессом США факты использования вредных для здоровья людей средств и методов в отношении американцев в самих Соединенных Штатах.

Большинство сотрудников разведки Вашингтона безоговорочно и прочно верили и верят в то, что американскому образу жизни, религии, союзникам США угрожает заговор «международного коммунизма», и готовы «помочь правительству в его борьбе с этой угрозой».

Этим и определялось отношение к Советскому Союзу как главному противнику, и вполне естественно, что оно распространялось и на органы государственной безопасности СССР. Помимо прочего, антипатия к КГБ была связана с чисто профессиональными задачами ЦРУ, стремлением «обыграть» советскую контрразведку. В управлении, вместе с тем, вынуждены были считаться со спецслужбами Москвы как с основным препятствием в проведении разведывательно-подрывных акций против нашей страны. В создании образа советской контрразведки в Лэнгли старались приписать ей многие беды, вплоть до самых нелепых вымыслов.

Считается, что сотрудники ЦРУ (как и другие государственные служащие) находятся вне политики. Согласно требованиям Закона о гражданской службе, они не могут состоять в политических партиях, заниматься партийной агитацией и пропагандой, но имеют право участвовать в качестве избирателей в самих выборах – общенациональных и местных. Симпатии сотрудников управления при этом делятся примерно поровну между республиканской и демократической партиями. А вот чувства патриотизма у них не занимать, хотя и приобретает оно порой уродливые, утилитарные, крикливые формы. Как и большинство американцев, они настроены патриотично, гордятся своей страной, ее историей, богатством и мощью, убеждены в превосходстве политического курса и

общественной системы США. В глазах если не всех, то подавляющего большинства американских разведчиков Соединенные Штаты – лучшая в мире страна, «оплот свободы и цивилизации». Любовь и уважение к своей стране принимают порой внешнепоказные формы, такие как возвеличивание государственной символики. Практически в каждом доме на видном месте вывешен звездно-полосатый американский флаг. В цвета флага раскрашена одежда. Так средний американец выражает свои патриотические чувства, и это не проходящая мода, а глубоко укоренившееся стремление продемонстрировать лояльность своей стране – и коренных американцев, и эмигрантов.

Однако весьма часто патриотизм у американцев переходит в джингоизм – крайний шовинизм, гегемонизм и претензии на исключительность, которому свойственны неумение понимать подлинную сущность, подлинные потребности, подлинные идеалы других. В этом свете выглядит закономерным появление стереотипов вроде «мировое руководство – божественная миссия Америки», «США – гарант мира и свободы». А если к этому добавить еще и опасения острого соперничества и утраты лидерства, то становятся более понятными антисоветские, антироссийские корни, способствующие бурной активности американской разведки против нашей страны. Отсюда происхождение многих стереотипов, в том числе взятых на вооружение в Центральном разведывательном управлении.

В первые послевоенные годы в ЦРУ и в спецслужбах в целом наблюдался большой приток либерально-мыслящих американцев, лиц с левыми настроениями, стоявших на позициях антифашизма. В последующем людей с левыми взглядами убрали из разведки или же они уходили сами. Американский историк А. Шлезингер сообщает, как ловко манипулировали в Центральном разведывательном управлении знаниями и интеллектом либералов, используя их в борьбе с левыми силами, в частности, в Западной Европе. В то же время сотрудники-консерваторы были востребованы в разведывательных операциях, направлявшихся на то, чтобы сохранить у власти диктаторские режимы. Впрочем, говорит американский историк, и либералы, и консерваторы отличались изрядным антикоммунизмом.

Официальная статистика и другие источники свидетельствуют, что ЦРУ комплектуется за редчайшим исключением из белых

американцев, преимущественно англосаксонского происхождения. В управление, особенно в его оперативные подразделения, практически не допускаются стопроцентные негры, пуэрториканцы, индейцы, «чиканос» – выходцы из Мексики, представители других этнических групп из числа граждан США. Воздвигнуты барьеры перед многими американцами азиатского происхождения (китайцы, японцы, филиппинцы и другие). Если говорить, например, о посольской резидентуре ЦРУ в Москве, то на протяжении всего времени своего существования она укомплектовывалась исключительно белыми, так сказать, «исконными» американцами. В управлении немало лиц славянского происхождения – русские, украинцы, поляки, чехи, что, видимо, объясняется потребностями работы. Были они и в резидентуре.

Такое положение с кадрами в разведке (как, впрочем, и других спецслужбах) отражает общую картину в национальном вопросе за океаном. «Настоящими» американцами считаются те, у кого в США прожило уже несколько поколений предков. Конечно, при массовой эмиграции из других частей мира американцы представляют собой причудливый набор разных национальностей, этнических групп, как бы ни переплавлялись они в бурлящем людском котле. И все же привилегированное положение белых американцев налицо.

Несколько особняком в этом ряду стоит вопрос об американцах еврейского происхождения, хотя они, пожалуй, гораздо прочнее других ассимилировались в США. Антисемитизм имеет там довольно глубокие корни, широко распространен в отдельных слоях американского общества, в государственном аппарате, остро ощущается до сих пор в вооруженных силах. В довоенное время был резко ограничен допуск американцев-евреев в спецслужбы, особенно в ФБР и полицию. Но в период Второй мировой войны, на волне антифашистской борьбы, немало американцев еврейского происхождения поступали в разведывательные органы, оказавшиеся на острие противоборства с противником, прежде всего с нацизмом. В послевоенное время американцы-евреи закрепились в ЦРУ. Это произошло при содействии военно-промышленного лобби, банков, средств массовой информации, где их влияние исключительно велико. Лица еврейской национальности – нередкое явление среди сотрудников Оперативного директората, его советского отдела – ныне

отдела Центральной Евразии и московской резидентуры. Их можно встретить в том числе в руководящих звеньях этих структур.

В Центральном разведывательном управлении не принято придерживаться религиозных привязанностей. Там немало атеистов, а среди верующих большинство не стремится выпячивать свою принадлежность к конкретной конфессии. Все же значительная часть сотрудников разведки считает себя связанными с христианством, прежде всего с одной из господствующих на Западе его ветвей – протестантством или католичеством. Причем многие из них вполне искренни в своих религиозных чувствах – сказываются семейное воспитание и традиции. Есть и такие, кто следует религиозной атрибутике в силу законов социальной жизни и требований моды. При посольстве США в Москве действуют для иностранной колонии католический и протестантский приходы, и некоторые сотрудники резидентуры ЦРУ ревностно посещают проходящие в них службы.

В большинстве своем сотрудники оперативных подразделений Центрального разведуправления имеют университетское образование, что, впрочем, не обязательно свидетельствует о глубине и качестве их знаний, об их эрудиции. Обращает на себя внимание, что знания и представления американских разведчиков довольно поверхностны, а зачастую искажены направленной пропагандой и внушенными стереотипами. Это относится и ко многим сотрудникам посольской резидентуры в Москве. Конечно, подготовка разведчика к работе в нашей стране проводится весьма основательно, но она охватывает главным образом специальные дисциплины и обучение (ускоренным методом – в течение 6–8 месяцев) русскому языку.

В профессионализме (о чем уже говорилось и пойдет еще речь впереди) сотруднику резидентуры нельзя отказать, но уровень его общей подготовки, общего развития – весьма средний. Как правило, американские разведчики не обременяют себя серьезными знаниями о нашей стране, ее истории, литературе, искусстве и так далее. Даже находясь в Москве, сотрудник ЦРУ практически не знакомится с достопримечательностями города и страны в целом, не посещает театров, концертных залов, музеев, по существу замкнут в узком мире своих сослуживцев. Из нашей классической литературы ему известно (да и то в «причесанном» телевидением и «дайджестами» виде) лишь о Толстом и Достоевском, довольно бедно выглядит его личная

библиотека (в том числе и дома в США). Вместе с тем сотруднику ЦРУ (как и многим американцам), как правило, нельзя отказать в разумности, большой практичности и аккуратности, цельности в своих склонностях и принципах, развитом чувстве юмора, любознательности, а владение приемами риторики позволяет ему преодолевать проблемы образования.

И еще следует упомянуть об одном качестве, свойственном многим американцам: речь идет о преклонении перед силой. Часто это – личная смелость и решительность, способность справляться с трудными ситуациями, полагаться лично на себя, умение стойко переносить неприятности. Многим американцам вообще свойствен стоицизм. Но это не бездумное терпение в духе мистических воззрений, а умение осознанно и мужественно противостоять жизненным испытаниям. Но, надо сказать, часто культ силы перерастает в суперменство с ковбойскими замашками, в безумную самоуверенность и чувство непогрешимости.

На национальный характер культ силы вообще наносит свой отпечаток. Его проявление можно увидеть во многих чертах и особенностях деятельности ЦРУ. Отсюда – высокомерие и вседозволенность. Но культ силы зачастую соседствует с насилием, с которым американцы сталкиваются довольно часто. В истории США – череда убийств выдающихся государственных и общественных деятелей: президентов Абрахама Линкольна, Джеймса Гартфильда, Уильяма Мак-Кинли, Джона Кеннеди, его брата Роберта, негритянского общественного деятеля Мартина Лютера Кинга, многочисленные криминальные «разборки», разгул расистской организации ку-клукс-клана, покушения на президентов Франклина Рузвельта и Рональда Рейгана. Культom насилия пропитана и деятельность ЦРУ.

Со школьных лет (а может быть, и раньше) американцы знают, что означает сила в жизни общества, в жизни всего государства. Военные, силовые методы решения споров положены в основу государственной политики США. В 1983 году государственный секретарь Джордж Шульц подсчитал, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты 185 раз посылали свои вооруженные силы в различные страны мира, чтобы «защитить» американские политические и экономические интересы.

Американцы уважают и признают силу. Но у них есть и множество добрых, вызывающих уважение качеств – чувство справедливости, сострадание к попавшим в беду, оптимизм, уверенность в себе, умение держать слово, собранность. Отличает многих американцев нетерпимость к принуждению, известный цинизм и некоторая бесцеремонность, но и уважение к чужому мнению, терпимость к другим мировоззрениям. Все эти качества встречались у многих американских разведчиков – сотрудников посольской резидентуры в Москве. Впрочем, все это «умещалось» в рамки служебного долга и внутренней дисциплины.

Взаимоотношения мужчины и женщины, вопросы брака и семьи нередко носят на себе следы той национальной, этнической группы, из которой вышли американец или американка, следы, правда, уже порядком размытые современной цивилизацией и потерявшие чистоту пуританских моральных устоев, если они были характерны для этой группы. Среди сотрудников ЦРУ нередки разводы, повторные браки. Часто встречаются и неженатые (незамужние) разведчики, позволяющие себе многочисленные любовные связи. В ЦРУ, как в целом в американском обществе, смотрят на эти вопросы как на сугубо личное дело, если, конечно, какие-то аспекты личных, семейных отношений не создают так называемую «угрозу безопасности».

В определенной мере библейские заповеди «не согреши», «не возжелай жены ближнего своего» уступили место житейскому «ничто человеческое мне не чуждо». Наличие таких пороков как гомосексуализм, лесбиянство и других половых извращений (пусть не караемых законом) закрывает дорогу в спецслужбы, если о них известно, а при выявлении во время службы их носители решительно изгоняются. Вместе с тем, супружеская неверность, внебрачные связи, половая распущенность, разводы вовсе не служат предметом разбирательства у руководства и каких-то административных мер, если не влекут за собой серьезных скандалов и не создают компрометирующую основу для действий спецслужб противника. Не столь уж исключительны любовные связи и даже браки сотрудников ЦРУ с иностранками из дружественных США государств, но категорический запрет наложен на связи разведчиков с женщинами из стран, которые Вашингтон считает своими противниками, и они жестоко пресекаются, вплоть до прекращения заграничных командировок и

увольнения виновных из разведки. Отношения в американской семье, как правило, основаны на чувствах любви и привязанности, ответственности за детей, их воспитание и обучение. Есть и некоторые другие особенности и отличия. Пожалуй, жена более независима в имущественном отношении, чем у нас. Работающая американка теперь частое явление: немало женщин сегодня служат в вооруженных силах и в спецслужбах. В ЦРУ, однако, женщины редко допускаются к занятию руководящих должностей, но их можно встретить в среднем звене, в том числе среди руководителей резидентуры. Вместе с тем нередки случаи, когда жена сотрудника сама является кадровой служащей разведки, и даже если не состоит в штатах ЦРУ, она – активная помощница мужа в разведывательных делах во время заграничных командировок. И касается это большинства жен сотрудников посольской резидентуры.

Я, конечно, не могу претендовать на абсолютную верность своих впечатлений о сотрудниках Центрального разведывательного управления. Это – результаты моих наблюдений и общения со многими из них, результаты изучения оперативных материалов и общедоступной литературы, в большинстве – американской.

Удался ли автору этот психологический портрет американского разведчика, судить, понятно, не мне, а моим читателям. Я буду рад получить отклики на сей счет от всех, кто прочтет мою книгу, и особенно от американцев. И заранее приношу всем глубокую благодарность.

Глава 4. Посольская резидентура в Москве

Немного истории. Оперативники ЦРУ появились в советской столице под «крышей» американского посольства вслед за созданием самого управления. С 1935 года посольство располагалось в центре Москвы на Моховой улице в импозантном здании, примыкавшем к гостинице «Националь». Там же разместились и подразделения спецслужб Вашингтона, которым диппредставительство предоставило пристанище. До этого полтора года посольство квартировало в нескольких номерах той же гостиницы и в так называемом «Спасохаузе», особняке на Старом Арбате, который ныне служит резиденцией послу Соединенных Штатов.

Первым представителем Центрального разведывательного управления в посольстве был Эдвард Смит, однофамилец тогдашнего американского посла Беделла Смита^[16].

ЦРУ, особенно в первые годы своего существования, питало склонность к военным, прошедшим Вторую мировую войну, и, конечно, к сотрудникам Управления стратегических служб (УСС)^[17], которые, можно сказать, почти автоматически вливались в его ряды. Соглашения с госдепартаментом о предоставлении дипломатических прикрытий у разведслужбы еще не было, и в течение нескольких лет управление использовало «крыши» в посольстве, которые любезно одалживало министерство обороны. Излюбленным местом для сотрудников управления был военно-морской атташат посольства. Так, один из первых руководителей резидентуры Пол Гарблер значился даже военно-морским атташе. Пост, конечно, важный, но не очень-то удобный для ведения агентурной работы.

Сейчас трудно сказать: то ли это была продуманная оперативная акция, то ли разыграли человеческие страсти, но Пол Гарблер решил заняться работавшей у него горничной, советской гражданкой. Любовные утехи шпиона с берегов Потомака окончились для него печально. Гарблер, как вероятный советский агент, попал под подозрение службы контрразведки ЦРУ, возглавлявшейся грозой

«кротов»^[18], ветераном УСС Джеймсом Энглтоном. Болезненно мнительному контрразведчику, вокруг которого группировались так называемые «фундаменталисты», всюду в ЦРУ мерещились советские агенты. До 1974 года, когда его, наконец, убрали из «фирмы», Энглтон попортил крови немалою числу сотрудников разведки – и рядовым, и руководящим. Американский читатель, вероятно, знает о Джеймсе Энглтоне из романа своего соотечественника, великолепного писателя Нормана Мейлера «Привидение Харлота». Российский любитель «шпионской» литературы может проследить за драматическими событиями в Лэнгли, связанными с бурной деятельностью этого «главного ловца иностранных шпионов», в увлекательной книге Дэвида Уайза «Охота на «кротов»», изданной в России в переводе на русский язык.

Разговор о «фундаменталистах» не случаен. Эти сотрудники оставили заметный след в деятельности ЦРУ против Советского Союза. Они настояли на введении совместной программы ЦРУ и ФБР по выявлению советских агентов в спецслужбах США. Контрразведывательная служба Центрального разведуправления в шестидесятых годах вела около двухсот дел на его сотрудников. В разработку были взяты сорок руководящих работников разведки. Сами американцы признаются, что в первые годы существования резидентуры ЦРУ в Москве в ее оперативной работе «не все шло гладко». В руководстве «компании», в значительной мере под воздействием «фундаменталистов» из службы контрразведки, и, как это ни парадоксально, в советском отделе Оперативного директората не было единства по вопросам организации разведывательной работы непосредственно на территории нашей страны. Агентурная и особенно вербовочная деятельность посольской резидентуры в Москве сдерживалась не тем, что в ЦРУ не желали отягощать этим и без того непростые американо-советские отношения, а исключительно боязнью того, что советская контрразведка внедрит в агентурную сеть американцев своих людей.

«Фундаменталисты» невольно сыграли роль «тормоза» в развертывании агентурной работы на территории Советского Союза с позиций московской резидентуры. И все же было бы несправедливо списывать на «фундаменталистов» все неудачи и провалы резидентуры. Основную «вину» придется возложить на советскую

контрразведку, которая создала, как говорят американцы, «жесткий» режим для деятельности московской точки.

Многие американские авторы рисуют в связи с этим страшные картины. Так, Роналд Кесслер, известный в США публицист, пишущий на тему разведки, в книге с претенциозным названием «Московская резидентура» отмечает:

«Разведчики резидентуры сталкивались с почти неразрешимой задачей при проведении шпионских операций в Москве. Советы контролировали граждан своей страны подобно тому, как управляют игрушечными автомашинками по радио. Советские граждане не могли переезжать из одного города в другой, не могли снять квартиру, написать в газету, использовать фотокопировальную технику, выбрать профессию, не могли поступить в высшее учебное заведение или сменить место работы. Их могли расстрелять, если бы они пытались уехать за границу. Чтобы быть уверенными, что никто не убежит, Советы запирали пассажиров ночных поездов Москва – Ленинград в их купе».

Такие вот благоглупости нагромождены почтенным американским автором. Можно посмеяться над этой «страшилкой», но ведь в США многие верили в такую галиматью. Жесткий режим, установленный советской контрразведкой для московской резидентуры ЦРУ, конечно, выглядел по-другому. Читатель может сам сделать нужные выводы, когда познакомится с моей книгой.

В пятидесятых-шестидесятых годах посольская резидентура в Москве, подгоняемая ажиотажем «холодной войны», рвалась в бой, тем более, что иссяк многообещающий, как казалось американской разведке, нелегальный канал заброски агентов спецслужб США в Советский Союз, который использовался для сбора разведывательной информации, корректировки целей для атомных бомбардировок, организации «групп сопротивления». Это была уже известная нам разведывательная программа «Редсокс» – существенное дополнение к разработанным в Вашингтоне и регулярно обновлявшимся планам войны с СССР. Нелегальные агентурные группы, состоящие из 2–3 человек, засылались в Советский Союз по суше, морем или воздушным путем – из скандинавских стран, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана, Японии. Выполнявшаяся московской резидентурой ЦРУ роль в операциях «Редсокс» была вспомогательной

– добывание образцов документов, одежды, «рекогносцировка» районов действий забрасываемых агентурных групп и тому подобное. Подготовка, засылка, последующее руководство по радиосвязи нелегальными группами проводилась советским отделом и подразделениями ЦРУ в Западной Германии и в других странах, с территории которых забрасывались агенты.

Органы госбезопасности СССР обезвредили подавляющее большинство заброшенных нелегальных групп и этим вынудили ЦРУ свернуть операцию «Редсокс». «В 1954 году, – пишет исследователь деятельности американской разведки профессор Американского университета в Вашингтоне Джеффри Ричелсон, – заброска агентов практически прекратилась. Потери были большими, затраты – значительными, а результаты – минимальными. Появились другие возможности».

Активизация разведывательной работы с позиций посольской резидентуры в Москве и должна была быть одной из таких «возможностей». Этому в немалой степени способствовали руководители ЦРУ Ричард Хелмс (хотя он сам находился под влиянием «фундаменталистов»), Уильям Колби, Стэнсфил Тернер и Уильям Кейси, направившие в посольскую резидентуру агентуристов с опытом работы против Советского Союза и передавшие ей на связь нескольких завербованных американскими спецслужбами за границей, в том числе в самих США, агентов из числа советских граждан. Наиболее значительными и ценными для ЦРУ агентами были военные разведчики из ГРУ Генштаба Попов, Пеньковский, Поляков.

Роль московских «призраков» в акциях ЦРУ

После этого небольшого, но необходимого исторического экскурса зададимся вопросом: какое место занимает резидентура в Москве в общем потоке разведывательно-подрывной деятельности спецслужб США против нашей страны? Каковы прикрытия сотрудников ЦРУ в посольстве? Какие разведывательные операции проводились резидентурой? Как выполнялись разведчиками требования безопасности и конспирации?

На все эти вопросы невозможно ответить с исчерпывающей полнотой, как бы этого ни хотелось. Все же я попытаюсь отметить те известные мне моменты в структуре и деятельности резидентуры,

которые определяли необходимость внимательного жесткого контроля за ней со стороны советской контрразведки.

В учебном центре ЦРУ в Кэмп-Пири (на цэрэушном жаргоне он именуется «фермой»), где проходит обучение премудростям оперативной работы, будущие разведчики определяли, что (на том же жаргоне) «стейшн», то есть «станция» – это подразделение ЦРУ в столице иностранной державы, которое действует под «крышей» дипломатического представительства США. Помимо столицы государства, подразделения ЦРУ могут быть в других его городах – в Лэнгли их именуют «оперативными группами». Многоопытный Уильям Колби, возглавлявший до директорского кресла крупные резидентуры в Стокгольме, Риме и Сайгоне, а затем – Оперативный директорат, курирующий работу резидентур, утверждал, что «вся сила Центрального разведывательного управления исходит от его заграничных резидентур». Действительно, резидентуры – это как бы щупальца гигантского шпионского спрута.

Посольская резидентура в Москве задумывалась как основной исполнитель разведывательно-подрывной деятельности американских спецслужб на территории Советского Союза. В ее функциональные задачи должно было входить проведение операций по вербовке и связи с агентами из числа советских граждан, а также проведение акций технической разведки.

Отдельные элементы агентурных операций могли поручаться оперативной группе ЦРУ, созданной под «крышей» генерального консульства США в Ленинграде – единственного в то время американского консульского учреждения в СССР вне посольства. Весь остальной объем разведывательной и информационной работы с позиций посольства и генконсульства в Ленинграде должен был выполняться аппаратом Разведывательного управления министерства обороны (РУМО)^[19], включавшим в себя военные атташаты, размещавшиеся в посольстве, подразделения радиоперехвата АНБ, а также сотрудников госдепартамента и Информационного агентства Соединенных Штатов^[20], которое занималось сбором разведсведений в процессе официальных контактов с советскими гражданами и обработки открытых публикаций. Напомню, что министерство обороны с его мощными разведывательными службами, АНБ и

госдепартамент входят в «разведывательное сообщество» США, которым руководит директор ЦРУ.

Некоторые разведывательные задачи решались через направлявшихся в нашу страну туристов, коммерсантов, журналистов, которые действовали, зачастую минуя посольскую резидентуру. Это могло быть добывание образцов почвы или воды в интересовавших ЦРУ районах СССР, фотографирование, отправка почтовой корреспонденции и тому подобное.

И все же основной упор вольно или невольно делался на разведывательные операции, связанные с риском. Это проведение агентурных акций, закладки автоматических устройств технической разведки, закладки в тайники и выемки из них. И все это поручалось посольской резидентуре. Исполнителями были оперативные работники, прикрывавшиеся посольскими должностями, чтобы в случае провала они, воспользовавшись дипломатическим иммунитетом, могли бы избежать ареста и уголовного преследования.

По своему значению посольская резидентура в Москве относилась к категории наиболее важных, хотя далеко не самых многочисленных зарубежных подразделений американской разведки. Неспроста поэтому в Лэнгли ее называли «святая святых», что подчеркивало ее значение и важность особого засекречивания ее деятельности. Провалы разведывательных операций, проводимых резидентурой в шестидесятые-восьмидесятые годы, выдворение разведчиков из СССР, разоблачение агентов ЦРУ, как правило, либо замалчивались совсем, либо крайне скупно освещались за океаном. Госдепартамент и посольство США в Москве упорно уходили от каких-либо комментариев или вообще уклонялись от вопросов корреспондентов.

В пятидесятые-семидесятые годы резидентуре в Москве пришлось испытать немало неудач и поражений. Был разоблачен и привлечен к уголовной ответственности ряд американских агентов (Попов, Пеньковский, Огородник, Филатов, Нилов, Капустин, Калинин, шпионская пара Капоян – Григорян и другие); задержаны с поличным сотрудники резидентуры Келли, Питерсон, Крокетт и ряд других. Последовала череда неизбежных в таких случаях выдворений провалившихся сотрудников ЦРУ из Советского Союза,

дипломатические демарши Министерства иностранных дел СССР и заявления ТАСС.

В 1975 году советская контрразведка раскрыла разведывательные операции резидентуры, установившей в районе Можайска два специальных радиоэлектронных устройства для перехвата излучений находившихся в этом районе оборонных объектов. Добытая информация должна была передаваться на регулярно пролетавшие над СССР разведывательные спутники США. Эти устройства радиотехнической разведки были конспиративно установлены сотрудниками посольской резидентуры Веттерби и Корбином и хитроумно замаскированы под пеньки деревьев.

Провалы вынуждали ЦРУ временно «сбавлять обороты», «замораживать» деятельность резидентуры, маневрировать прикрытиями, совершенствовать методы агентурной работы и в первую очередь условия и средства связи с агентами.

Если говорить в целом об этом периоде, для него было характерным применение посольской резидентурой разнообразного набора методов и средств связи – личные встречи с агентурой, тайниковые операции, телефонная и почтовая связь, радиосредства, условная сигнализация.

Имелись свои особенности и в вербовочной работе – «классическая» вербовочная разработка кандидатов в агенты (длительные личные контакты, использование наружного наблюдения и так далее) исключалась. Расчет делался на контакт с агентами, завербованными за рубежом, а также на «инициативников» – советских граждан, которые обращались к американцам в СССР с предложениями о шпионском сотрудничестве.

В документах ЦРУ того периода подчеркивалась «жесткость» установленного советской контрразведкой режима для посольской резидентуры, «исключительно сложные условия для деятельности разведки» в нашей стране. По американским данным, были периоды, когда сотрудникам резидентуры приходилось сидеть без дела, и, чтобы окончательно не разлентиться, их заставляли фиксировать как можно больше подозрительных автомашин. Наиболее «отличившихся» оперативников даже награждали денежными премиями.

Грозные раскаты «холодной войны» между тем все больше требовали активизации деятельности ЦРУ с позиций посольской

резидентуры в Москве. Она расширялась количественно, стремилась создавать и укреплять агентурную сеть в Советском Союзе, проводила операции по установке специальных разведывательных устройств. В шестидесятые-семидесятые годы резидентура постепенно обрела тот вид, который и был присущ ей до начала девяностых годов, когда начался распад СССР.

Занимая особое место в разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны, резидентура в Москве по структуре, применяемым методам и средствам вряд ли могла быть отнесена к какой-то уникальной категории в системе заграничных подразделений ЦРУ. И по численному составу (8–10 сотрудников в восьмидесятые годы) она отнюдь не находилась в верхних рядах заграничных подразделений управления. Так, по данным семидесятых-восьмидесятых годов, резидентура ЦРУ в Париже насчитывала 45–50 человек; в составе резидентуры в Риме действовало примерно 30 сотрудников. Крупные подразделения ЦРУ располагались в свое время в Западном Берлине, Франкфурте-на-Майне, Сайгоне, на Тайване, в некоторых странах Латинской Америки, Греции, Ливане. Внушительными были и «домашние» подразделения ЦРУ в самих США – в Нью-Йорке, например, подразделение управления насчитывало 60 сотрудников.

Резидентура в Москве несет на себе многие характерные черты ЦРУ, его сильные и слабые стороны. Жесткий контрразведывательный режим в Советском Союзе обязывал посольскую резидентуру в максимальной степени соблюдать требования безопасности и конспирации, внедрять в свою деятельность приемы и методы, рассчитанные на то, чтобы «обходить» советскую контрразведку. Другое дело, что это далеко не всегда у нее получалось.

По американским оценкам, в посольствах США примерно 25 процентов дипломатических должностей могут занимать сотрудники ЦРУ, и государственный департамент, предоставляющий прикрытие, обязан в связи с этим руководствоваться специальным указом президента США.

Но вот что нужно отметить: резидент ЦРУ имел право нанимать на месте вспомогательный персонал. Как правило, это делалось за счет жен сотрудников резидентуры, тем более что некоторые из них сами в прошлом служили в «компании». Кое-кому из них довелось перед

выездом в Советский Союз проходить специальную подготовку в управлении. И это обстоятельство позволяло привлекать их к разведывательной работе без оформления в штат резидентуры. Иногда это не ограничивалось канцелярскими обязанностями – женам разведчиков поручались личные встречи с агентами, ведение контрнаблюдения и так далее.

Московская резидентура была типична для разведывательных подразделений такого размера и назначения. Ее возглавлял резидент «чиф оф стейшн» – квалифицированный сотрудник разведки, обычно в возрасте сорока-пятидесяти лет, со значительным опытом работы против нашей страны за границей и в центральном аппарате. Положение резидента в Москве – своеобразный трамплин для дальнейшей карьеры. Так, Гарднер «Гэс» Хаттавэй после возвращения в Вашингтон возглавил контрразведывательную секцию Оперативного директората; Бэртон Гербер стал руководителем советского отдела. Джэк Даунинг, получивший от нынешнего директора ЦРУ Джорджа Тенета лестную характеристику «суперзвезды разведки», был в 1997 году назначен руководителем Оперативного директората – заместителем директора по оперативной работе. Вместе с тем, надо сказать, что для некоторых резидентов работа в Советском Союзе была не только тяжелым испытанием, но фактически ломала их разведывательную карьеру.

Резидент ЦРУ в Москве – фигура заметная и влиятельная. Он был известен широкому кругу американских дипломатов, журналистов, бизнесменов, аккредитованных в Советском Союзе. Резидент, как правило, не кабинетный работник, ему приходилось лично участвовать в разведывательных операциях: проводить встречи с агентами, производить закладку и изъятие тайниковых контейнеров. Пожалуй, из руководителей резидентуры восьмидесятых годов лишь шестидесятилетнему Мюрату Натирооффу был свойствен кабинетный стиль. По-видимому, свой авторитет перед подчиненными он поддерживал не работой «в поле», а иным путем.

Посол и резидент

Резидент ЦРУ в Москве и посол – сложная тема. Посол – «верховный главнокомандующий», но и резидент – старший оперативный начальник в отношении всех замаскировавшихся в

дипломатическом представительстве структур разведывательного сообщества.

Можно наверняка полагать, что их отношения носят непростой характер.

С одной стороны, посол, конечно, понимал важное значение разведывательной работы и необходимость поддержки резидентуры ЦРУ, как и других базирующихся в посольстве подразделений спецслужб. Он в общих чертах ориентировался в основных направлениях деятельности разведки в Советском Союзе, с ним согласовывались назначения сотрудников резидентуры, могли сообщаться даты проведения резидентурой разведывательных операций. Посол не информировался о личностях агентов – во всяком случае до разоблачения их советской контрразведкой. В свою очередь, посол обеспечивал дипломатическое прикрытие – зашифровку сотрудников резидентуры, создание условий для оперативной работы, соответствующие меры на случай провалов разведчиков и тому подобное. По распоряжению посла, все сотрудники посольства были обязаны передавать резиденту ЦРУ материалы, необходимые для организации разведывательной работы, например, полученные ими предложения «инициативников» о шпионском сотрудничестве с американской разведкой. Сразу отмечу: это распоряжение выполнялось аккуратно.

С другой стороны, посол должен был отдавать себе отчет в опасностях для американской дипломатии и неудобствах, связанных с проведением разведывательных операций. Так, например, здание посольства использовалось в качестве базы для организации радиосвязи с агентами, «приспосабливалось» под сигнализацию агентуре (скажем, для подачи условных сигналов шпиону Толкачеву в определенных окнах здания посольства мигали светом).

Впрочем, могло быть и похлеще. Так, деликатная ситуация возникла в 1972 году, когда в особняк посла (так называемый «Спасохаус») проник бывший военнослужащий ракетной части Калинин. Он был намерен продать американцам известные ему сведения о ракетных силах СССР. В «Спасохаус» был срочно вызван руководитель резидентуры Роберт Дюмейн. Он и проживавший в особняке личный секретарь посла Вэник, хорошо владевший русским языком, провели многочасовую беседу с Калининым. Потом они

обучили «инициативника» шпионскому ремеслу, и Вэнк конспиративно вывез Калинина из особняка на своей автомашине.

В 1975 году получила громкую огласку в прессе и наверняка причинила немало огорчений послу США в Москве и госдепартаменту неудачная попытка ЦРУ завербовать советского гражданина Л. с помощью второго секретаря посольства Левицки. По поручению неугодного разведчика резидентуры Веттерби Левицки передал Л. письмо ЦРУ с описанием места тайника в одном из районов Москвы, который уже был заложен там.

Ветеран дипломатической службы, посол США в Советском Союзе в 1952 году Джордж Кеннан в своей книге «Облако опасностей» откровенничал: «Разведка как таковая была нормальной государственной функцией, и чистейшая утопия надеяться на ее исчезновение. Но всему должны быть пределы. Я сам был свидетелем того, как американские разведывательные власти раз за разом проводили или пытались проводить операции, которые не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но и сами возможности достичь лучшего взаимопонимания между двумя правительствами».

Шпионский альянс за стенами посольства

Старший оперативный начальник всех подразделений спецслужб в посольстве, резидент ЦРУ, поддерживал наиболее тесные контакты с атташе по вопросам обороны – руководителем аппарата РУМО в диппредставительстве США в Москве. Последний знакомил резидента ЦРУ с добытой военными разведчиками информацией об СССР, обеспечивал использование резидентурой ЦРУ должностей прикрытия – так называемых гражданских помощников в своем аппарате. Оба они направляли деятельность подразделения АНБ, которое своей громоздкой электронной аппаратурой радиоперехвата заполняло верхние этажи посольства. Мощные антенные устройства поста АНБ можно было видеть на крыше дома, потом их «упрятали» под специальные колпаки, чтобы попытаться замаскировать от любопытных глаз, придать, так сказать, более приличный вид.

С подразделением АНБ была связана нашумевшая история с сильным пожаром в здании американского посольства в Москве на Садовом кольце (тогда этот участок назывался улицей Чайковского,

сейчас, после «демократической революции», его перекрестили по-старому в Новинский бульвар). По какой причине возник пожар, разрушивший верхние этажи, американцы умалчивали, а советских пожарных в полыхавшие огнем помещения они старались не допустить, хотя сами же их вызвали. Скорее всего, это произошло не от неосторожного обращения с каким-нибудь бытовым электроприбором, а от перегрузки в сети, поскольку установленная специальная аппаратура поглощала огромное количество электроэнергии. В результате пожара открылось подлинное назначение подразделения АНБ в посольстве, так как на Садовом кольце и прилегавших улицах пожар и ветер разметали вороха документов, в том числе разведывательные задания агентства и оперативные журналы поста радиоперехвата. Миру открылась разведывательная программа АНБ-ЦРУ-РУМО под звучным названием «Кобра Эйс». Она нацеливала посольское подразделение АНБ на ведение радиотехнической разведки, перехват радиорелейной и радиотелефонной связи в районе Москвы и Подмосковья. В зоне особого внимания оказались важнейшие учреждения города, объекты ПВО, ПРО и ВВС. В американской прессе время от времени появлялись сообщения о том, что пост АНБ подслушивал также радиотелефонные переговоры государственных деятелей СССР, которые велись из служебных автомашин. Так или иначе, работы подразделению АНБ хватало, и в Вашингтон еженедельно посылались тюки с бобинами полученных записей перехвата для обработки и анализа в штаб-квартире агентства в Форт-Миде.

После пожара 1977 года, уничтожившего большое антенное хозяйство на крыше посольства, в результате спешных строительных работ и появились огромные будки из «радиопрозрачного» материала для новых антенных устройств коротковолнового и ультракоротковолнового диапазонов. Из США была доставлена новая, более совершенная аппаратура радиотехнической разведки.

Взаимодействие между резидентурой ЦРУ и аппаратом РУМО проявлялось не только в совместном использовании поста радиоперехвата АНБ. Руководитель американских военных разведчиков контактировал с резидентом по вопросам поездок своих подчиненных по различным районам Советского Союза и принимал поручения ЦРУ для них. Примером сотрудничества ЦРУ и РУМО

может быть обращение пары Григорян – Капоян к военному атташе Причарду на трассе Москва-Ереван с предложением шпионских услуг американской разведке. По докладу Причарда в ЦРУ сделали вывод, что шпионская пара Григорян – Капоян была бы для спецслужб США «лакомым куском»: первый выдал себя за советского разведчика (в действительности он работал в службе наружного наблюдения КГБ Армении), а Капоян, передавший письменное предложение «инициативников», был сотрудником ереванского отделения «Аэрофлота».

Соблазн использовать Причарда, знавшего Капояна в лицо, был велик, однако в резидентуре приняли иное решение. В Ереван для установления контакта со шпионской парой направили сотрудника Джона Уайтхеда, занимавшего в аппарате атташе по вопросам обороны должность гражданского помощника. Шел 1973 год, а в 1975 году во время тайниковой операции по связи с новыми агентами советской контрразведкой был задержан другой сотрудник резидентуры – Эдмунд Келли. В последующие годы ЦРУ уже не решалось проводить личные встречи со своими агентами или «инициативниками» в других, кроме Москвы и Ленинграда, городах СССР.

Кто обеспечивает прикрытия?

Итак, государственный департамент, министерство обороны США – «доноры» Центрального разведывательного управления, доноры подневольные, ибо связаны решениями президента и соответствующими ведомственными соглашениями.

Пользуясь своим правом, ЦРУ подбирает себе подходящие прикрытия. В целях «крыши» для разведчиков использовались политический, экономический, консульский отделы посольства, да и многие другие его подразделения. Пожалуй, легче перечислить те структуры, где не было бы сотрудников из Лэнгли. Но есть прикрытия, о которых мне хотелось бы сказать особо. Это платные должности так называемых гражданских помощников в аппарате атташе по вопросам обороны и разведчики «глубокого прикрытия».

Гражданские помощники – категория небезынтересная. Они появились в Москве в шестидесятых годах, и под эту «крышу» направлялись опытные сотрудники ЦРУ Роналд Синал, Джон Уайтхед

(уже упоминавшийся в связи с делом «шпионской пары Капояна – Григоряна), Джон Бауман, Джек Даунинг (будущий начальник Оперативного директората), Дэвид Ролф (в 1991–1993 годах резидент ЦРУ в Москве), Алекс Грищук, Сайте и другие. За гражданскими помощниками тянется шлейф шпионских дел, кое-кто из них нам еще встретится. А вот Крокетт и Сайте в нашей стране уже не появятся, так как были задержаны с поличным при проведении разведывательных операций и выдворены из Советского Союза. Имя Крокетта, наверное, кое-кому из наших читателей еще не забылось в связи с делом агента ЦРУ Анатолия Филатова. Этот шпион работал в аппарате военного атташе при посольстве СССР в Алжире, отличался моральной нечистоплотностью и жадной наживой и всем этим обратил на себя внимание американской разведки. Используя склонность Филатова к легким связям с женщинами, резидентура ЦРУ подставила свою агентессу. Цэрэушники называют таких дам «ласточками». Интимные отношения Филатова с «ласточкой» были негласно зафиксированы. Остальное, как говорится, уже дело техники. Напуганный происшедшим и вдобавок польстившийся на щедрые подачки, Филатов не смог отказать американскому разведчику в «маленькой услуге».

Так в Москве появился новый агент ЦРУ «Блиц» («вспышка» в переводе с английского). Он был обучен условиям связи с резидентурой ЦРУ в Москве и пользованию миниатюрным фотоаппаратом, искусно вмонтированным в газовую зажигалку, для фотографирования секретных документов Главного разведывательного управления советского Генштаба, где он прослужил много лет. Связь с Филатовым должна была поддерживаться через тайники.

ЦРУ в данном случае действовало довольно хитроумно. Представьте себе набережную, тянущуюся вдоль Москвы-реки на несколько километров. Представьте себе далее чету Крокеттов в мчащейся по ней автомашине, из которой после одного из поворотов на обочину в траву выбрасывается неказистого вида предмет. Им мог быть обожженный кусок дерева, грязная тряпка или измятый бумажный пакет из-под молока. Через пару минут выброшенный из автомашины контейнер должен был подобрать Филатов, но ему уже не суждено было это сделать.

Гонку по набережной Крокетту выиграть не удалось: он был задержан сотрудниками нашей контрразведки и препровожден вместе с женой в приемную КГБ СССР. Почему с женой? Да потому, что в этой разведывательной операции она была активной помощницей своего супруга, и это пришлось непременно отразить в протоколе задержания.

Семья Крокеттов была вынуждена покинуть Советский Союз. Взбешенный провалом в Москве, Крокетт с удвоенной энергией принимался за дело в других странах, куда его посылали, учитывая оперативный опыт и знание русского языка. В 1994 году был разоблачен агент ЦРУ Вячеслав Баранов, работавший в аппарате советского военного атташе в Бангладеш. Его привлек к сотрудничеству с американской разведкой именно Крокетт – дипломат посольства США в этом государстве. Так Винсент Крокетт потерпел второе поражение в ожесточенной борьбе со спецслужбами нашей страны.

Вернемся к посольской резидентуре в Москве и посмотрим, как она использует свои «глубокие прикрытия».

Прежде всего хочу отметить, что «глубокие прикрытия» – это не изобретение Советского отдела Оперативного директората, понимавшего сложности работы в СССР посольской резидентуры в нашей столице. Авторство программы «глубоких прикрытий» принадлежит заместителю директора ЦРУ (он же – начальник Управления тайных операций, будущего Оперативного директората) Фрэнку Бисселу, усвоившему с детства, что «нельзя все яйца складывать в одну корзину», и предложившему концепцию «двойной» разведывательной сети.

В соответствии с этой программой, разведчики «глубокого прикрытия» внедрялись в действовавшие за границей коммерческие фирмы, благотворительные общества, религиозные организации и тому подобные структуры, раскинувшиеся по всему миру. Они не были связаны с посольскими резидентурами ЦРУ и самостоятельно вели разведывательную работу. Биссел – один из видных руководителей американской разведки. С его именем связаны многие операции ЦРУ, в частности, сооружение «Берлинского туннеля» (совместно с СИС) и организация рейда американских наемников на Кубу в 1961 году. После провала руководимой ЦРУ военной

интервенции в кубинском заливе Кочинос Биссел покончил жизнь самоубийством. Страшная судьба американского суперразведчика!

Разведчики «глубокого прикрытия» были нужны ЦРУ повсеместно, но в Советский Союз управление не рисковало направлять их не под дипломатическими прикрытиями, опасаясь, по-видимому, того, что в случае провала их нельзя будет уберечь от наказаний.

Вот так в ЦРУ были изобретены «глубокие прикрытия» для разведчиков-агентуристов в самом посольстве США.

Разведчики «глубокого прикрытия» – это тоже кадровые сотрудники ЦРУ, но, в отличие от своих коллег – «штатников», они не обучались в специальной школе в Кемп-Пири, да и распорядок дня у них в посольстве иной. Учеба на курсах госдепартамента как бы растворяла их в массе дипломатов, и, приехав в Москву, они не были «белыми воронами», а как «свои» принимались «чистыми» дипломатами. Знал о принадлежности их к ЦРУ лишь посол. Разведчики «глубокого прикрытия» – золотой фонд резидентуры. Им поручались самые ответственные операции. Поэтому и оберегали их как зеницу ока. Им запрещалось, например, появляться в помещениях резидентуры, не разрешалось общаться с другими сотрудниками, для них, в отличие от других разведчиков, в посольстве установлен полный рабочий день.

Со временем в советской контрразведке научились распознавать, «кто есть кто» в посольстве США, и в том числе выявлять разведчиков «глубокого прикрытия», но это потребовало повышенного внимания к персоналу диппредставительства, особой организации оперативной работы. Была ли гарантия того, что мы знали всех разведчиков «глубокого прикрытия»? Думаю, что нет. Любимец советских и российских читателей, герой знаменитых сатирических романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова Остап Мария Бендер утверждал, что полную гарантию может дать только страховой полис. У контрразведки такого «страхового полиса» не было. Но зато было огромное стремление раскрыть сотрудников резидентуры ЦРУ в Москве, были свои возможности добиваться того, чтобы в картине деятельности резидентуры не оставалось «белых пятен».

Об «операторах» в Москве

Сотрудники резидентуры были, как правило, выходцами из американского среднего класса. Они, конечно, соответствовали требованиям, предъявлявшимся ко всему персоналу разведки – политическая лояльность, антикоммунистическое мировоззрение, преданность американскому образу жизни. Перед командировкой в Советский Союз они проходили проверку на «детекторе лжи» (полиграфе) и, если выявлялись какие-либо пороки или «несоответствия», отводились от направления в Москву или вообще увольнялись из ЦРУ. Такое же тестирование на полиграфе проводилось и после возвращения сотрудника резидентуры из СССР.

Личный состав резидентуры состоял, как правило, из лиц с высшим образованием, полученным в американских университетах. Некоторые ранее служили в вооруженных силах США или в ФБР. Большинство были женаты, имели детей, младших привозили с собой. Жены, как мы видели на примере четы Крокеттов, нередко активно помогали мужьям в разведывательном деле.

Разведчики московской резидентуры были, конечно, людьми с разными характерами, разным интеллектом. Среди них встречались волевые, смелые люди, но попадались и осторожные, свехосторожные и даже трусоватые типы. Были красавцы и супермены, солдафоны и интеллектуалы, трудолюбивые и с ленцой, хорошие семьянины и любители поволочиться, трезвенники и приверженцы зеленого змия. Но огромное большинство из них были настоящими службистами, профессионалами своего дела, дорожащими карьерой в разведке, ангажированные на жесткую конфронтацию с нашей страной.

Подавляющее большинство сотрудников резидентуры были мужчины, но иногда в Москву направлялись и женщины-разведчицы. Последнюю тайную операцию по связи с агентом в советском Министерстве иностранных дел Огородником проводила сотрудница резидентуры Марта Питерсон. Провал этой операции почти с документальной точностью показан в телевизионном сериале «ТАСС уполномочен заявить». Только в нем задержанный американский разведчик – мужчина. Возможно, авторы сценария посчитали, что контрразведке не следует иметь дело со слабым полом. Напрасно, женщины в ЦРУ подчас действуют ничуть не хуже, чем сильная половина человечества.

В своей массе сотрудники резидентуры (как, впрочем, и ЦРУ в целом) были представителями американского среднего класса. Время аристократической интеллигенции, характерное для УСС и первых лет существования Центрального разведуправления, безвозвратно прошло. Конечно, все сотрудники резидентуры относили себя к американцам, но среди них в этническом плане было немало выходцев из стран Восточной Европы и царской России.

Сталкиваясь с довольно частыми провалами ЦРУ за границей, в разведшколе, расположенной, как я уже упоминал, в Кемп-Пири под Вашингтоном, ввели специальную программу тренировок будущих разведчиков на случай задержания контрразведкой или милицией. На практических занятиях их инструктировали, как нужно вести себя в условиях задержания, как использовать свой дипломатический иммунитет. Надо отдать должное сотрудникам московской резидентуры: когда их захватывали с поличным, они быстро брали себя в руки, не теряли самообладания, добивались быстрее установления связи с американскими дипломатическими и консульскими представительствами, не признавали своими изъяты у них разведывательные материалы, ничего не подписывали, отказывались от предлагавшихся воды или чая.

Можно понять состояние сильнейшего стресса и депрессии, в которое впадали задержанные советской контрразведкой американские разведчики. У одних это проявлялось в форме молчаливой подавленности и вялости, у других – в неумной подвижности, разговорчивости. Но у большинства были явно видны результаты тренировок в разведшколе, дававшие им возможность быстро восстанавливать самообладание в экстремальных ситуациях.

Советская контрразведка была к этому готова, и поэтому оформление документов в отношении сотрудников резидентуры, задержанных при проведении разведывательных операций, проходило по заведенному стандарту. Вызванный через Министерство иностранных дел СССР дежурный дипломат посольства или консульский работник (дело, как правило, случалось поздно вечером) охотно удостоверял личность задержанного разведчика, сам подписывал все акты и благодарно забирая виновника происшествия с собой.

Посольство отказывалось от комментариев, с готовностью принимало сердитые ноты МИД СССР, но недоразумений никогда не возникало, и провалившийся сотрудник резидентуры быстро собирал свои вещички и отправлялся в Штаты. Кстати, в отношениях нашей контрразведки с ЦРУ всегда действовало правило: «Не пойман – не вор». Но если уж попался, то последствия были очевидны.

Крах бизнеса господина Бакатина

После переезда из дома на Моховой в новое здание на улице Чайковского резидентура ЦРУ оказалась отнюдь не в комфортных условиях. Ей досталось сравнительно небольшое помещение на седьмом этаже здания. Неудобства размещения и теснота были усугублены большим пожаром в 1977 году. Тогда огонь едва не добрался до самой резидентуры. Опасаясь советских пожарных, которых американцы вызвали тушить огонь, тогдашний резидент ЦРУ Гарднер «Гэс» Хаттавэй «стоял насмерть» в проломе разрушенной стены, блокируя доступ посторонним в помещение резидентуры.

После этого потрясшего «призрачный» мир ЦРУ в советской столице происшествия резидентуру буквально забаррикадировали – окна этажа, на котором она располагалась, были заделаны кирпичом, внутренние помещения перестроены. В распоряжении разведчиков оставили две крохотные комнатухи без дневного света. А между тем их работа должна была идти своим чередом, количество оперативников в резидентуре увеличивалось, росло число сейфов и полок с документацией. Поэтому с таким нетерпением в Лэнгли ждали переезда посольства в новый комплекс, который начал строиться в 1979 году. Но произошли события, о которых пришлось бы рассказывать долго. А если говорить кратко, переселение затянулось на долгие годы.

В чем же дело? Началось с обвинений КГБ в установке в посольстве аппаратуры подслушивания. В отсутствие доказательств рождались мифы о «гигантском микрофоне», который, мол, представляло собой все административное здание нового комплекса, об «изошрэнном» и «необъяснимом для американских специалистов» принципе съема информации, дескать, примененном КГБ, и так далее.

Чем дальше – тем громче становились шум и трескотня вокруг вопроса о «проникновении КГБ». Не удержались от своих

«расследований» и некоторые наши средства массовой информации. Ими занялись люди, видевшие в этом деле лишь одну сторону медали, причем именно ту, которую так хотелось бы выпятить Белому дому и ЦРУ. Поднятая в США пропагандистская кампания была сродни другим инспирированным акциям о «советской военной угрозе», «военном превосходстве СССР», «опасном для здоровья людей облучении посольства США в Москве», «применении КГБ вредных химических препаратов против американских дипломатов». Разная была масштабность, но суть – одна: в Лэнгли надеялись, что конгресс отвалит разведке дополнительные ассигнования, и это позволит развернуть в Советском Союзе в еще более крупных размерах операции, потратить новые миллионы долларов на приобретение и подкормку агентов, на создание дорогостоящих оперативно-технических устройств.

Не могу не вспомнить о том, с каким удовольствием смаковали в 1997 году тему «проникновения настырного КГБ» в административное здание нового посольского комплекса США в информационной программе нынешней «телезвезды» Е. Киселева по каналу НТВ и в еженедельнике «Итоги». Проявилось стремление не отстать от «демократической» моды охаивать все, что связано с Советским Союзом. Проявилось и желание (совсем как в известной басне И. А. Крылова) «лягнуть» КГБ, когда он уже не мог ответить.

Статья в журнале была броско озаглавлена «Длинные уши Москвы». Наряду с тем, что выпячивалась лишь одна сторона дела – действия КГБ (да и то тенденциозно и гипертрофированно), наряду с тем, что НТВ и журнал «Итоги» вознамерились гальванизировать тему «советского проникновения», когда в самих США ажиотаж вокруг этого вопроса уже поутих, и обозначились пути выхода из сложившегося (во многом по вине Вашингтона) тупика. Так вот, наряду со всем этим явно прослеживалась попытка взять под защиту тогдашнего руководителя КГБ СССР Вадима Бакатина, «героя» этой нашумевшей истории. Как в заурядном триллере, повторялись заявления американской стороны о том, что их новое посольство напичкано «жучками», а само здание представляет собой «огромный микрофон».

Главная цель телепередачи и статьи в журнале «Итоги» – это, по-видимому, «отмыть» В. Бакатина от получивших широкое хождение в

нашей стране обвинений в государственной измене и предательстве за передачу американцам «70 листов эскизов мест установки подслушивающих устройств» в посольстве США в Москве.

Для пущей объективности было предоставлено слово самому бывшему председателю КГБ, который в безапелляционной, а порой просто грубой форме излагал свои «аргументы». Чуть ли не главным из них был такой: «с кем надо, с тем и согласовал» выдачу американцам секретов КГБ.

Теперь разложим по полочкам аргументацию В. Бакатина.

Аргумент первый: «аппаратура не секретна и устарела».

Вначале сошлюсь на помощника В. Бакатина Вячеслава Никонова, участвовавшего, кстати, в телепрограмме. «Передача схемы устройства не открывает никаких секретов, которые не были известны американцам», – заявил этот политолог корреспонденту «Итогов». В. Никонов не утверждает, что документация, врученная американцам, была лишена секретов. Просто она не содержала сведений, которые американцам не были бы известны. А это не одно и то же. Между понятиями «несекретность» и «устарелость» никак нельзя ставить знак равенства.

«Мнение технических специалистов КГБ, – утверждает верный помощник, – было в пользу передачи». Даже если это так (*в чем я сомневаюсь. – Р.К.*) – это ведь еще «не истина в последней инстанции». Очевидно, что свое заключение должны были представить все заинтересованные службы КГБ.

Второй аргумент: «аппаратура неработоспособна, потому что нами же разрушена».

Не вдаваясь в существо дела, отмечу только: разве этот довод должен был определять решение о передаче американцам секретной информации?

Третий аргумент: «аппаратура известна американцам».

Смею сказать, что В. Бакатину не суждено было этого знать. Здесь больше от самооправдания, чем от объективной оценки сложившегося положения вещей. Вопрос о передаче документов такого характера иностранному государству – это не компетенция «технических специалистов», на которых любят ссылаться и В. Бакатин, и его помощник. Это – дело руководителей страны, к числу которых надо отнести Бакатина и президента СССР Горбачева, да и других лиц,

возможно, принимавших участие в решении вопроса. «Согласовал с кем надо», – защищается В. Бакатин, не называя, впрочем, от кого он получил «добро» на «подарок» американцам.

В нашей прессе были сообщения, что Бакатин будто бы получал санкцию от М. Горбачева, и «не только от него одного». Но вот что существенно: на что именно получил «добро» (если все же получил) председатель КГБ? На передачу документов или на что-то иное? И было ли это оформлено документально, или же в данном случае мы сталкиваемся с очередным актом столь любимого в горбачевские времена «телефонного права»? Если верить еженедельнику «Итоги», М. Горбачев, верный своему стилю уклончиво реагировать на неудобные предложения, на записке Бакатина написал: «Бакатину, Панкину (*в то время – министр иностранных дел СССР. – Р.К.*). Обсудите и определитесь, при согласии, по шагам». Блестящая государственная мудрость, не говоря уже о языке резолюции!

У меня есть основания полагать, что умалчивание В. Бакатиным существа дела и возможное лукавство его некогда верного оруженосца связаны с тем, что они оба знают правду и выкручиваются: один – чтобы найти выход из положения, а другой – чтобы прикрыть эти позорные действия своего бывшего шефа.

Может быть, г-ном Бакатиным делался расчет на ответный доброжелательный жест Белого дома? Например, передачу нашей стране информации о многочисленных технических устройствах, внедренных спецслужбами США в наши дипломатические и иные зарубежные представительства и квартиры их сотрудников? Напрасные надежды!

Многие ответственные работники Комитета госбезопасности, верные долгу и Родине, пытались предостеречь Бакатина. Увы! Он не внял голосу разума.

«Экспромт» В. Бакатина (и иже с ним), рассчитанный, возможно, на достижение политического компромисса с Вашингтоном, провалился. Многолетняя тяжба по поводу здания посольства затронула интересы и Соединенных Штатов, и Советского Союза. Американская сторона выдвинула нам жесткие финансовые требования: оплатить расходы на строительство нового здания в Москве, а также наложила запрет на ввод в эксплуатацию уже построенного нового комплекса советского посольства в районе

Маунт-Авто столицы Соединенных Штатов. Кстати, Кремль тоже мог бы предъявить «дяде Сэму» за поисковые и восстановительные ремонтные работы в своем новом посольском комплексе в Вашингтоне, где были обнаружены и обезврежены сотни элементов систем подслушивания ФБР. Думаю, что понесенные нашей страной затраты были не меньшими, если не большими по сравнению с теми, на которые пришлось пойти американцам.

Но лукавство Вашингтона состояло в том, что ему было хорошо известно действительное положение вещей: ведь по каналам КГБ в ЦРУ была своевременно передана информация (*я свидетель этому. – Р.К.*) о том, что в новом посольском комплексе нашей аппаратуры подслушивания нет, и у американцев имелись возможности в этом убедиться. Резидентура ЦРУ тем временем продолжала готовиться к переезду – новое административное здание, в котором она рассчитывала занять более просторные и удобные помещения, было практически построено, в Москву доставили для нее специальное оборудование, новые сейфы и шкафы. Но резидентуре было велено ждать с переездом. Ссылка была на то, что конгресс «стоял насмерть» и блокировал переселение в новый комплекс. Перевесили интересы дальнейшего взвинчивания конфронтации с Советским Союзом.

Решение все же было найдено благодаря разумным позициям сторон – американцы отказались от своих финансовых претензий, но получили согласие Москвы на то, чтобы надстроить здание административного корпуса. Российской стороне было разрешено занять новый посольский комплекс в Вашингтоне. Резидентуре ЦРУ в Москве ждать новоселья оставалось недолго – до 1999 года.

Кстати, новый комплекс посольства США в Москве уже в течение нескольких лет фактически существует: заняты жилые здания, эксплуатируются нижние этажи административного корпуса, работает вместительный подземный гараж. Однако большая часть разведчиков-агентуристов резидентуры предпочитало жить в квартирах домов, раскиданных по всей Москве, специально построенных для иностранцев. Растаскивание сил наблюдения контрразведки – одна (но не единственная) причина такого необычного явления. Контрразведке были известны и другие немаловажные причины «пренебрежения» разведчиками резидентуры комфортабельными квартирами в новом посольском комплексе – квартиры в отдаленных от посольства районах

города служили удобными базами для контактов резидентуры с агентами путем использования быстродействующей радиоаппаратуры двусторонней связи.

Московская резидентура ЦРУ подчинена отделу, который именовался по-разному в разное время: «отдел СССР и Восточной Европы», «отдел советской России», «отдел советского блока», наконец, просто – «советский отдел». Так я его и называю на страницах книги. Последнее из известных мне названий – «отдел Центральной Евразии». Понятно, что речь идет о времени, когда Советского Союза уже не существовало: он распался на Российскую Федерацию и четырнадцать других суверенных государств.

Советский отдел был одним из шести географических отделов Оперативного директората, руководивших резидентурами в своих регионах. Этот отдел ведал странами Варшавского Договора, но фактически нависал над всем земным шаром. В период борьбы с главным противником – Советским Союзом – его именовали в кругах американской разведки «сердцем и душой ЦРУ».

Внушительные размеры советского отдела (примерно 120 человек в восьмидесятых годах) определялись тем, что он не только руководил деятельностью резидентур в СССР и странах Восточной Европы, но и занимался разведывательными операциями против нашей страны с позиций подразделений ЦРУ в Западной Европе, Африке, Южной и Центральной Америке, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Практически во всех резидентурах в названных регионах существовали и активно действовали специальные оперативные группы по Советскому Союзу, укомплектованные опытными разведчиками. Известное по американским источникам общее число оперативных сотрудников ЦРУ, непосредственно вовлеченных в операции против нашей страны – свыше 900 человек, – не может не поражать воображение.

Советский отдел недаром считался элитарным подразделением в Лэнгли. Неспроста руководители Центрального разведывательного управления постоянно подчеркивали: основная функция этого подразделения состоит в том, чтобы вербовать советских граждан.

Деятельность ЦРУ, его посольской резидентуры в Москве создавала большую угрозу национальной безопасности и интересам Советского Союза. Она, эта подрывная деятельность, требовала от

наших спецслужб принимать решительные меры с тем, чтобы оградить наши государство и общество от происков американской разведки. Задача контрразведки состояла как раз в том, чтобы выявлять, предупреждать и пресекать разведывательно-подрывную деятельность спецслужб Вашингтона. Выполнение этой задачи в сфере противодействия посольской резидентуре ЦРУ в Москве было возложено на первый отдел Второго главного управления КГБ СССР.

Глава 5. На передовом рубеже

Становление первого отдела

Первый отдел Второго главного управления КГБ был тем подразделением контрразведки, которому пришлось долгое время занимать передовые рубежи в противоборстве со спецслужбами США. Его сотрудники ежедневно, да что там – ежечасно сталкивались с деятельностью посольской резидентуры ЦРУ – главного исполнителя агентурных акций американской разведки на территории нашей страны.

Из двух видов оперативных подразделений, действовавших во Втором главном управлении, – «географических» и «функциональных», – наш отдел относился к первому виду. Впрочем, пользовались в другие времена иными наименованиями – «посольский», «линейный» отдел. «Географическим» он был потому, что занимался определенным регионом; «посольским» – поскольку имел дело с подразделениями спецслужб Вашингтона, действовавшими с позиций посольства; «линейным» – потому, что вел контрразведывательную работу по «линии» конкретной иностранной разведки.

Последний метод очень помогал нашей службе контршпионажа срывать усилия иностранных разведок, скрывать национальную принадлежность своей подрывной деятельности.

Американские спецслужбы не были исключением. Достаточно вспомнить об одной из тех операций, где их сотрудников не удалось схватить за руку.

В 1986 году ЦРУ направило в Советский Союз лабораторию для разведки ядерных объектов. Этот шпионский комплекс был замаскирован в железнодорожном контейнере, посланном из Японии в ФРГ транзитом через СССР. Составлявшие его блоки и элементы представляли собой продукцию различных иностранных фирм. Когда контейнер был захвачен советской контрразведкой, американская сторона несколько не старалась, чтобы вывести из-под удара своих японских и западногерманских союзников. И вовсе не заботой о репутации Токио объяснялось устроенное ЦРУ поспешное бегство из

Японии его агента – японца, над которым нависла серьезная угроза привлечения к судебной ответственности за снаряжение и отправку шпионского контейнера. Тут сработала установка директивы СНБ 10/2 от 1948 года. В соответствии с ней, все разведывательные акции американских спецслужб планируются и проводятся так, чтобы в случае их провала можно было бы до конца «правдоподобно» отрицать причастность к ним США. Впрочем, история со шпионским контейнером будет предметом моего особого разговора.

Этого же правила Центральное разведуправление стремилось придерживаться и в работе с другими агентами. Поставлявшийся агентуре шпионский реквизит, переписка с агентами не должны были носить каких-либо «американских следов».

Требования соблюдения контрразведкой «линейности» поэтому были совершенно обоснованными, но многое здесь зависело от информированности, умения и настойчивости самих руководителей контрразведывательных подразделений, и в первую очередь головных подразделений в Центре. А это, как известно, далеко не всегда определяется только приказами и распоряжениями.

К моему приходу в первый отдел в конце 1979 года его вряд ли можно было назвать классическим «линейным» подразделением. Дело в том, что борьба с деятельностью американских спецслужб, представленных в посольстве США в Москве, была разбавлена изрядным довеском в виде посольств Южной и Центральной Америки. Этот феномен объяснялся вовсе не географией (Канада, например, к первому отделу не относилась), а будто бы существовавшими между США и остальными странами Америки тесными связями. Что касается этого довода, то с ним спорить было трудно. Все это как-то совершенно не вписывалось в картину деятельности спецслужб данного региона против нашей страны. Здесь никаких тесных связей между разведками США и других стран Америки просто не существовало. По крайней мере, они не выступали в качестве спарринг-партнера в противоборстве с Советским Союзом, а сотрудничества с ЦРУ вообще избегали. Утверждение о существовании некоего «разведывательного альянса» между США и другими странами этого региона, направленного против СССР, было опровергнуто оперативной практикой нашей контрразведки.

Через несколько лет мне удалось добиться «чистоты» американской линии – регион Южной и Центральной Америки поручили другому подразделению второго главка. Думаю, это было правильным и совершенно рациональным решением руководства КГБ. Оно позволило первому отделу сконцентрироваться на важнейшей проблеме того времени – разработке резидентуры ЦРУ и других подразделений спецслужб США, действовавших с позиции посольства Вашингтона в Москве.

Американский отдел не всегда был «первым» во Втором главном управлении. До середины шестидесятых годов он звался отделом 2-Б, где цифра «2» определяла его принадлежность ко второму главку, а буква «Б» показывала его порядковый номер в структуре управления: первое место в начальной фазе послевоенного периода занимала разведка Великобритании, и прежде всего Сикрет интеллидженс сервис (секретная разведывательная служба – по-русски). Разрабатывал ее в то время отдел 2-А. Объяснялось это устойчивым историческим антагонизмом к руководящим кругам Великобритании, сложившимся в нашей стране задолго до Октябрьской революции. С Великобританией и ее разведкой связывались также подрывные интриги Запада против советской власти – организация военной интервенции стран Антанты в нашу страну, «дело Локкарта», «заговор послов», авантюры Сиднея Рейли^[21] и многие другие события. Зловещей представлялась предпринятая Лондоном и связанная с именами Уинстона Черчилля и фельдмаршала Монтгомери попытка в самом конце Второй мировой войны повернуть недобитую немецко-фашистскую армию против союзника Великобритании – Советского Союза – в организации вооруженного сопротивления националистических банд в первые послевоенные годы на Украине и в Прибалтике. Даже начало «холодной войны» больше ассоциировалось с Уинстоном Черчиллем, нежели с Гарри Трумэном. Совместное детище спецслужб США и Великобритании, знаменитый шпионский «Берлинский туннель», сооруженный в 1954 году, виделся больше как порождение злой воли Лондона. А известное «дело супершпиона Пеньковского» (1963 год) связывалось больше с Сикрет интеллидженс сервис, нежели с Центральным разведуправлением. Конечно, ведущее место спецслужб Великобритании в разведывательно-подрывной работе против СССР представлялось больше по инерции, чем это было

на самом деле. В советском руководстве, в спецслужбах Москвы к пятидесятым годам уверенно знали, кто в действительности «правил бал». Но это был как раз тот случай, когда сознание не всегда поспевало за бытием.

Мои старшие начальники

Прежде чем продолжить свой рассказ о первом отделе, я хочу очень коротко представить читателям моих старших начальников, руководивших нашей работой и сделавших меня настоящим контрразведчиком. Я вечно благодарен им – Юрию Владимировичу Андропову, Григорию Федоровичу Григоренко, Ивану Алексеевичу Маркелову и всем другим, о которых идет речь в книге.

Ю. В. Андропов. Он возглавил Комитет государственной безопасности в 1967 году. Его отношение к важнейшему делу определялось не карьерными соображениями, а незаурядным интеллектом, высокой порядочностью, честностью и человеколюбием. Недаром Юрий Владимирович был горячим и искренним приверженцем политического принципа, выдвинутого председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Время Андропова считается поистине «золотым веком» КГБ. Юрий Владимирович за пятнадцать лет руководства комитетом сделал очень многое для его становления в системе органов государственной власти страны, для укрепления профессиональных основ этого сложного ведомства, для развития демократических подходов в его работе. Советские спецслужбы при Ю. В. Андропове добились значительных результатов, заняли достойное место в мире. С ними поневоле вынужден был считаться главный противник Москвы в «холодной войне» – США. В силу своей принципиальности, стремления проникнуть в самую суть оперативного процесса, трудолюбия, нетерпимости к интригам председатель комитета пользовался большим уважением у сотрудников, у всех тех советских граждан, кто сталкивался с ним. На авторитете Андропова органы госбезопасности держались еще долгое время после ухода его из жизни.

Да, Ю. В. Андропов был рожден партийно-административной системой. Она не могла не влиять на его поступки и решения. Но он

был одним из лучших ее представителей, далеким от тех, кто мыслил догматическими категориями, кто делал ставку только на карательные меры как средство укрепления государственной дисциплины. Андропов решительно отстаивал авторитет и интересы советского государства. Он методично и последовательно вел дело к серьезным преобразованиям в нашем государстве и обществе, которые должны были вывести СССР из застойного периода и обеспечить ему достойное место в мире. К несчастью, смерть перечеркнула его замыслы.

Положение Ю. В. Андропова можно сравнить с тем, в которое попал Джордж Буш, побывавший до избрания президентом США в кресле директора ЦРУ. Оба они – и Дж. Буш, и Ю. Андропов – пришли к руководству страной. Но на этом чисто внешнее сходство между двумя лидерами кончается. Кое-кто в Соединенных Штатах направлением Буша в ЦРУ, похоже, стремился устранить его с политической сцены. Техасца, возможно, спас лишь очень непродолжительный срок работы в разведке. Положение Андропова было иным. Длительная работа в КГБ, наряду с его исключительными государственными способностями, помогла ему укрепить позиции в руководстве СССР. Между тем, положение Ю. В. Андропова – и тогда, когда он возглавлял КГБ, и позже – было далеко не простым. Обстановка в стране была беспокойной, среди интеллигенции, особенно научной и творческой, развивалось диссидентское движение. Подавить его силой было невозможно, нужны были иные методы. Они были найдены, и КГБ под руководством Андропова смог, не прибегая к силовым, репрессивным методам, практически свести на нет поддерживавшееся из-за рубежа антисоветскими кругами диссидентское движение. Стало улучшаться положение дел в экономике, налаживалась государственная дисциплина, были нанесены сильные удары по коррупции в государственном и партийном аппарате, по теневой экономике.

Трудно было переломить развитие международной обстановки не в пользу Советского Союза, но и здесь, за счет главным образом достижения военного паритета СССР и стран Варшавского Договора с США и НАТО, укрепления вооруженных сил СССР, наметились позитивные сдвиги. С приходом Андропова в КГБ советские спецслужбы укрепились организационно, значительно

активизировалась разведка. Отошли в прошлое карательные рычаги управления общественными процессами, и хотя уголовное преследование за государственные преступления продолжалось, преимущественное место в пресечении антиобщественных проступков заняла профилактика.

Юрий Владимирович поражал многих своей работоспособностью, стремлением освоить нелегкое ремесло спецслужб. Знаю об этом по своему опыту, так как мне довелось испытать на себе силу и обаяние его личности.

Думаю, что поскольку Ю. В. Андропов являлся кандидатом, а затем и членом могущественного Политбюро ЦК КПСС, он сам и КГБ в целом в меньшей степени сталкивались с подчинением органов госбезопасности партийным инстанциям. Тем не менее, ему приходилось считаться с жестким контролем ЦК, который проявлялся на разных уровнях, а главное – с тем фактом, что его первые заместители были выдвиженцами Л. Брежнева. Речь идет о Г. К. Диневе и С. К. Цвигуне, которые в силу обстоятельств должны были играть роль «нянек», а на деле скорее являли собой систему «сдержек и противовесов», которой так любят «гордиться» и в нынешней Российской Федерации. Важным фактором вместе с тем было то обстоятельство, что Первое и Второе главные управления, разведка и контрразведка находились под непосредственным кураторством председателя КГБ, в зоне его постоянного внимания и воздействия.

Г. Ф. Григоренко и И. А. Маркелов. В семидесятых годах и в первой половине восьмидесятых начальником Второго главного управления был генерал-полковник Григоренко. Он и его первые заместители генерал-лейтенанты Федор Алексеевич Щербак и Виталий Константинович Бояров сыграли важную роль в моей оперативной судьбе, в моем становлении как руководителя отдела. Так случилось, что в 1973 году я был переведен из Управления внешней контрразведки Первого главного управления во Вторую главку и назначен начальником второго отдела, занимавшегося преимущественно «английской линией» – организацией противодействия посольской резидентуре Сикрет интеллидженс сервис.

В 1979 году состоялось мое назначение в первый отдел Второго главного управления. Я никогда не спрашивал своих руководителей (это у нас не принято), почему они остановили свой выбор на моей кандидатуре. Возможно, приняли во внимание мой оперативный опыт по резидентурам ЦРУ и СИС в Бейруте, где мне пришлось работать в 1965–1970 годах. Не исключено, что сказались положительные результаты деятельности второго отдела, который я возглавлял более шести лет. Во всяком случае, для меня это было хотя внешне престижное, но исключительно ответственное назначение, тем более, что пришлось оно на острейший период противоборства нашей службы контршпионажа с американской разведкой.

Конечно, американские спецслужбы были далеко не единственным противником Советского Союза, и бремя ответственности начальника Второго главного управления КГБ, понятно, намного превосходило то, за что приходилось отвечать начальнику отдела, даже такого как американский. У нас были совершенно разные «весовые категории». Я, как и многие другие оперативные работники, с уважением отношусь к Г. Ф. Григоренко, к его большому оперативному и житейскому опыту, организаторским способностям, высоким человеческим качествам. Начав службу в органах госбезопасности в труднейшее для страны время Великой Отечественной войны, Григорий Федорович прошел путь от рядового оперработника до крупного руководителя – заместителя председателя КГБ. В КГБ он оставил значительный след не только как руководитель крупнейшего контрразведывательного подразделения, много сделавший для формирования соответствующей времени структуры, но и как человек, последовательно внедрявший в практику контршпионажа передовые методы. Многим Г. Ф. Григоренко imponировал чуткостью в отношениях с подчиненными, умением находить в каждом наиболее сильные профессиональные качества. Несмотря на огромную загруженность оперативными делами, он считал важным теоретически осмыслить контрразведывательные проблемы и находил для этого время. Я должен сказать, что настойчивые требования начальника главка быстрее внедрять в нашу работу комплексный метод, систему взаимосвязанных мер влияли на мое понимание контрразведывательного процесса, находили полное

отражение в моей оперативной деятельности на посту начальника второго, а затем первого отделов.

Важно отметить следующее: Григорий Федорович удачно сочетал в себе отличные способности руководителя с глубоким пониманием государственных интересов и целей. Я неоднократно наблюдал это лично во время поездок делегаций КГБ СССР в другие страны мира, где он в полной мере проявлял эти свои качества.

Должности первых заместителей начальников Второго главного управления занимали Ф. А. Щербак, заслуженно именованный «патриархом» и «ходячей энциклопедией» советской контрразведки, и мудрый и дальновидный В. К. Бояров. Оба они способные организаторы, прошедшие чекистскую школу, что называется, от «А» до «Я». Мне повезло, что у меня были такие кураторы – Бояров в период, когда я возглавлял английский отдел, а Щербак – после моего перевода в американский. Последний отличался волевым, решительным характером, порой бывал чересчур категоричным, но всегда прислушивался к мнению подчиненных ему по службе сотрудников.

Бояров же обладал незаурядным умом и развитым оперативным чутьем. Я учился у моих руководителей профессиональному мастерству, умению ладить и взаимодействовать с людьми в интересах дела, короче, нелегкой житейской науке.

Конечно же, высоко ценил доброе отношение ко мне начальника Второго главного управления и его заместителей, поддержку ими инициатив возглавлявшегося мною отдела, их оценку сложности задач и достигнутых результатов. У всех моих руководителей было чему поучиться. Начальников, как и родителей, не выбирают, но ко мне, считаю, судьба была благосклонной.

Ф. А. Щербак и В. К. Бояров выступали в важных ролях во многих операциях советской контрразведки против спецслужб США, Великобритании, Франции, ФРГ и других государств. Кстати, Григоренко и Бояров стали персонажами уже упоминавшегося мною популярного телесериала «ТАСС уполномочен заявить...», в котором показано разоблачение агента ЦРУ, сотрудника МИД СССР Огородника. В этом сериале роль начальника контрразведки («генерал Федоров») талантливо сыграна актером Михаилом Глузским, а его заместителя («генерал Константинов») – Вячеславом Тихоновым,

прославившимся на весь мир в роли резидента советской разведки Штирлица. События показаны правдиво, кроме эпизодов, образующих, так сказать, художественно-занимательную ткань произведения. Существа дела в части, касающейся деятельности ЦРУ в СССР, это не меняло.

Годы работы Г. Ф. Григоренко и сменившего его на посту начальника советской контрразведки в 1983 году И. А. Маркелова пришлось на период жесточайшего противостояния КГБ и ЦРУ. Американскую разведку в те времена возглавляли, в частности, такие асы как многоопытный Уильям Колби, агрессивный и напористый Уильям Кейси, методичный Уильям Уэбстер. Советская контрразведка не просто отбивалась от мощных атак ЦРУ, обладавшего несравненно большими материальными ресурсами, но сумела нанести американской разведке ряд тяжелых поражений. Провалы Лэнгли, обезвреживание контрразведкой нашей страны значительной части агентурной сети Центрального разведуправления – это были вынуждены признать и в самих США.

У Ивана Алексеевича Маркелова был свой «почерк», выработанный за многие годы работы в Центральном аппарате КГБ и ряде территориальных органов. Он обладал богатейшим оперативным опытом и широким диапазоном знаний в специальных областях. Немногословный, сдержанно вдумчивый, прошедший нелегкий путь от рядового оперработника до заместителя председателя КГБ, всегда по-доброму, ровно относившийся к своим подчиненным, он пользовался большим уважением в органах госбезопасности. Мне приходилось довольно часто общаться с И. А. Маркеловым, поскольку начальник контрразведки взял первый отдел под свое непосредственное кураторство. На посту начальника главка он оставался до самой своей кончины в 1989 году.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов Второе главное управление КГБ возглавляли последовательно Виктор Федорович Грушко, Геннадий Федорович Титов, Владимир Александрович Клишин, Федор Алексеевич Мясников. С их именами связан труднейший период в жизни советской контрразведки. В декабре 1991 года Советский Союз прекратил свое существование, а с ним завершилось существование и Комитета государственной безопасности. Его место заняли другие подразделения специальных

служб. Однако до самого конца, несмотря на все сложности, Второе главное успешно противостояло разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб против СССР. Был проведен ряд масштабных операций по вскрытию и пресечению деятельности Центрального разведывательного управления, его посольской резидентуры в Москве.

В. Ф. Грушко, назначенный вскоре первым заместителем председателя КГБ, и Г. Ф. Титов – сотрудники внешней разведки. Они пришли в ВГУ из Первого главного управления и в деятельность контрразведки внесли свой богатейший опыт оперативной работы за рубежом, свое понимание международных процессов, внешнеполитических аспектов деятельности специальных служб. Говорю об этом еще и потому, что по ряду причин не разделяю восторга тех, кто радуется тотальной дезинтеграции КГБ, в частности, разделению разведки и контрразведки в наших спецслужбах.

Плюсы и минусы

Одна из этих причин – значительное усложнение ротации сотрудников разведывательных и контрразведывательных подразделений. По своему опыту, по опыту многих наших оперработников знаю, что взаимные обмены кадрами обогащали Первое и Второе главное управления. Наряду с прочим, это был и важный ключ к взаимодействию. И дело не только в комплексном характере деятельности спецслужб (этого можно достигнуть, скажем, в рамках единого координирующего органа), не только в отсутствии дублирования многих долгосрочных и текущих задач защиты национальной безопасности и интересов страны, в экономии сил и средств. Ротация сотрудников разведки и контрразведки (конечно, в определенных пределах) – существенный элемент ознакомления с оперативной обстановкой, с деятельностью спецслужб противника, усвоения основ контрразведывательной работы, проникновения в тот внутренний мир вещей, который зачастую бывает скрыт ведомственными барьерами.

Тема разъединения разведки и контрразведки как-то выплыла в разговоре сотрудников КГБ и ЦРУ в ходе неофициальных контактов наших ведомств – было это в конце 80-х годов. В размышлениях американцев просматривалась какая-то двойственность: с одной

стороны, им imponировала самостоятельность Центрального разведывательного управления, а с другой – проскальзывала зависть по поводу того, что наша разведка и контрразведка находились в одном ведомстве, под единым руководством. Сотрудники ЦРУ сетовали на плохое взаимодействие с ФБР, на разобщенность, мешавшую работе, на преобладание в ЦРУ и ФБР ведомственных интересов.

Во Второй главк я пришел с так необходимым контрразведчику опытом оперативной работы за рубежом. Мне очень помог в те дни легендарный Ким Филби и другой отважный советский разведчик Джордж Блейк, с которыми меня связывали многолетние товарищеские отношения. Оба они серьезно повлияли на мое понимание не только сущности Сикрет интеллидженс сервис (что вполне естественно, ибо оба были кадровыми сотрудниками британской разведки), но и целей и методологии деятельности ЦРУ. Филби был представителем СИС по связям с ЦРУ в Вашингтоне, а Джордж Блейк поддерживал прочный контакт с американцами в период своей работы в резидентуре СИС в Западном Берлине.

Контакты с Филби и Блейком побудили меня переосмыслить некоторые оценки в отношении посольских резидентур СИС и ЦРУ в Москве и были полезными в организации противодействия их акциям на территории Советского Союза.

Уже через непродолжительное время я смог увидеть и изрядную разницу – и количественную, и качественную – в работе против СССР спецслужб Великобритании и США, и значительное сходство между ними. Причина понятна: англичане стояли у истоков создания Управления стратегических служб США и его преемника – ЦРУ. В дальнейшем, опираясь на свой огромный материальный потенциал, спецслужбы Вашингтона перещеголяли своих учителей и союзников, и все это отчетливо проявилось в деятельности ЦРУ и СИС на территории нашей страны.

Но кое в чем англичане продолжали опережать американцев. Говорю об этом ответственно, так как наблюдал тех и других в деле и имел возможность сделать конкретные сравнения. Речь шла, конечно, и о полной координации действий ЦРУ и СИС, координации, определявшейся в рамках «особых отношений» между США и Великобританией и в соответствии с теми договорами, которые заключались в Вашингтоне и Лондоне. В частности, они договорились

о том, чтобы «не мешать друг другу» в Москве, и поэтому устанавливались соответствующие «зоны действий». Думаю, что СИС в целом была более осторожной в операциях по связи с агентами, англичане больше заботились о конспирации сотрудников резидентуры СИС в Москве. Хотя, безусловно, масштабность целей и задач по Советскому Союзу у ЦРУ была несравненно большей.

Масштабный размах и напористость действий посольской резидентуры ЦРУ диктовали необходимость организации работы первого отдела таким образом, чтобы, во-первых, знать противника, его устремления и планы, применяемые методы и средства, знать личный состав резидентуры в Москве и подконтрольной ей оперативной группы в Ленинграде. Предстояло иметь дело с «лучшими разведывательными возможностями мира», как не раз утверждали американские политики и руководители Лэнгли. И хотя во многом эти заявления делались по соображениям рекламы, они были справедливы, если принимать во внимание материальную сторону и организацию разведывательного дела. А во-вторых, требовалось противопоставить спецслужбам США не просто глухую оборону, а активные наступательные действия.

Концепция государственной безопасности нашей страны в послевоенные годы исходила из того, что главным противником Советского Союза являются Соединенные Штаты, их шпионские службы, действовавшие в тесном контакте со своими союзниками. Наша доктрина ставила перед советскими спецслужбами, в том числе перед контрразведкой, в качестве важнейшей задачи выявление и срыв разведывательно-подрывной деятельности противника, своевременное выявление угрозы нападения или нарушения сложившегося военного равновесия сторон.

По-видимому, этим объяснялось отношение контрразведки к американскому посольству в Москве, считавшемуся (что во многом было справедливым) «гнездом» враждебных акций против Советского Союза. По этой причине размывались место и значение подразделений спецслужб, базировавшихся в посольстве, нивелировалась роль резидентуры ЦРУ как исполнителя акций агентурной разведки.

В некоторых работах, даже в таком серьезном исследовании как «Белая книга российских спецслужб», утверждается, например, что послы США в СССР Бедделл Смит и Джордж Кеннан одновременно

являлись руководителями американской разведки. Это было не так, но характерно для суждений о роли и месте американских дипломатических представительств в Советском Союзе. Вынужден отметить с сожалением, что в шестидесятых-семидесятых годах в советской контрразведке не было реального представления о посольской резидентуре ЦРУ в Москве. Ее численный состав преувеличивался в несколько раз, полностью не был оценен ущерб от ее деятельности. Это положение удалось в определенной мере поправить позднее усилиями коллектива первого отдела, собиравшего по крупицам оперативные результаты.

Разная методика контрразведывательной работы, разные подходы определялись тем, что первый отдел должен был противодействовать спецслужбам США на различных каналах разведывательного проникновения к секретам нашей страны, применявшихся американцами методов и средств. В посольстве США в Москве сотрудникам отдела приходилось сталкиваться практически со всеми основными службами разведывательного сообщества Вашингтона – с Центральным разведывательным управлением, имеющим под «крышей» посольства свою резидентуру; Разведывательным управлением Минобороны и разведками вооруженных сил, представленными в военных атташатах; Агентством национальной безопасности, специальное подразделение которого располагалось в здании посольства; Управлением разведки и исследований госдепартамента, сотрудники которого направлялись в политический отдел диппредставительства. К этому необходимо добавить службу безопасности посольства, укомплектованную бывшими работниками полицейских органов (в последнее время в посольстве разместилось и представительство ФБР).

Личный состав первого отдела можно было считать коллективом единомышленников, и прежде всего в том понимании, что оперработники этого подразделения были приверженцами идее эффективного противоборства со спецслужбами США. Они были людьми разных национальностей, разных возрастов, разных человеческих качеств и темперамента, разной оперативной квалификации и житейского опыта. Но всех их объединяло понимание важности работы на американском направлении, честное служебное рвение, творчество и изобретательность, самоотверженность, когда

люди работают, не считаясь со временем, в выходные, праздничные дни, болеют за результаты, радуются успехам и переживают неудачи.

Глава 6. Восемидесятые годы: новый «крестовый поход»

Уильям Кейси – шпион № 1 Америки

...1981 год. Вашингтон, Пенсильвания-авеню. Временная резиденция кандидата от республиканской партии Рональда Рейгана, одержавшего трудную победу над демократом Джимми Картером.

В это январское утро на встречу с Рейганом торопится директор ЦРУ, руководитель центральной разведки адмирал Стэнсфилд Тернер. Назначенец проигравшего президента Картера, в прошлом кадровый военный моряк, окончивший знаменитую военно-морскую академию в Аннаполисе, человек консервативных убеждений. Он едет, чтобы доложить новому хозяину Белого дома о наиболее важных делах разведки.

Рональд Рейган принимает адмирала, рядом с ним – вице-президент Джордж Буш, сам в недалеком прошлом занимавший пост директора ЦРУ. Рейган вежлив и приветлив. Профессии спортивного комментатора и актера Голливуда, профсоюзного босса и губернатора штата научили его быть обаятельным и милым, когда это было необходимо. Новый хозяин Белого дома уже решил: в новых условиях, когда Соединенные Штаты должны обрушить на Советский Союз всю свою мощь (не доводя лишь дело до ядерной войны), Стэнсфилд Тернер не годится быть во главе разведки. Он, Рейган, предназначает для ЦРУ ударную роль в новом «крестовом походе» против «империи зла».

«Нет, Тернер не подходит по многим причинам, – думает Рейган и приветливо улыбается 56-летнему адмиралу. – Тернер очень осторожен. Он не любит рисковать, предпочитает использовать специальные технические средства, делающие разведку более безопасной, а значит – и более академичной».

Рейгану сообщили: Тернер считает главной задачей разведки сбор разведывательной информации, а не тайные операции. Удельный вес таких акций при Тернере в разведке резко упал. Президент знает: Стэн Тернер не пользуется авторитетом в ЦРУ, особенно у ветеранов.

Последние считают адмирала чужаком, не принявшим заповеди настоящей разведки.

Хозяину Белого дома не очень понятна смешанная с философским мистицизмом христианская закваска Тернера с его благостными заклинаниями о правах человека. И, наконец, – а это для Рейгана, наверное, важнее всего – директор разведуправления служил презируемому им Картеру, а ему нужен не просто лояльный, пусть и очень способный чиновник, а свой человек, которому можно бы доверять без оглядки. По совету и рекомендации одного из своих самых доверенных помощников Эдвина Миза Рональд Рейган уже сделал выбор: он назначает на пост директора ЦРУ руководителя своей избирательной кампании Уильяма Кейси. Тот тоже приглашен на встречу. Президентский указ о его назначении только что подписан, обиженному Тернеру, надевавшемуся на то, что новый президент оставит его в кресле директора управления, об этом сообщили буквально несколько часов назад.

Адмирал, мало сведущий в политических интригах в администрации президента и конгресса, так до конца и не поймет, почему новый глава Соединенных Штатов выкинет его из кресла директора Центрального разведывательного управления и предпочтет ему мультимиллионера Уильяма Кейси, плохо знакомого с делами современной разведки. Ведь жесткий курс Вашингтона по отношению к Советскому Союзу уже обозначился и набирал силу, особенно после событий в Польше и Афганистане. Уже при президенте Картере ставились те цели и задачи, которые будет развивать Рейган, вступив в новую фазу противоборства с СССР. Что касается его, Тернера, как руководителя разведки, то он был послушным исполнителем воли руководства США, будь это Картер или Рейган. К тому же и опыта в разведывательной работе ему не занимать. Стэнсфилд Тернер считался способным организатором шпионажа – на посту директора Агентства национальной безопасности, который адмирал занимал ранее. Там он добился впечатляющих результатов.

Собственно говоря, встреча с адмиралом Тернером ничего для Рейгана не значит: новый политический курс намечен и будет энергично проводиться в жизнь. Самые ближайшие цели – Никарагуа, Иран, Ливия, Польша, Афганистан. Рейган уже обдумывает, как вырвать Польшу из рядов союзников СССР и превратить ее в бастион

США и Запада, как сделать Афганистан советским Вьетнамом и надолго приковать Советский Союз к этому кровотокающему очагу напряженности.

Уильям Кейси – весь внимание. Его самолюбие, самолюбие политика, жаждавшего получить должность государственного секретаря или министра обороны, более высокую в правительственной иерархии США, чем директор ЦРУ, теперь удовлетворено. Ему обещан портфель члена кабинета, такого статуса прежде глава разведки не имел.

Кейси внимательно следил за докладом Тернера. Он умел слушать, и поэтому недаром считался хорошим политиком. Кейси привык иметь дело с самой разной аудиторией – строптивыми и придирчивыми конгрессменами, строгими и молчаливыми банкирами, юристами и бизнесменами, рядовыми избирателями из народа.

С адмиралом Кейси еще не раз встретится и будет говорить о делах разведуправления. Он проведет немало часов с бывшими директорами ЦРУ Ричардом Хелмсом и Уильямом Колби. С ними обоими Кейси служил в Управлении стратегических служб. Ветеран УСС, Кейси досконально владел методикой разведывательной деятельности в период Второй мировой войны, участвовал во многих операциях по заброске нелегальных групп УСС на оккупированную немецкими фашистами территорию Европы, в подготовке разведчиков и агентов для этих целей. Но технология современной разведывательной работы ему была неизвестна. Поэтому-то он с таким удовольствием внимает обстоятельному докладу Тернера. Но тот не спешит называть президенту и Бушу наиболее засекреченных американских агентов и рассказывать о разведывательных операциях, которые спецслужбы США ведут по всему миру. Адмирал излагает свое понимание баланса сил США и СССР, свою оценку положения в Советском Союзе. Начинает Тернер с экономики: по оценкам разведуправления, она находится в стадии развития, но переживает серьезные трудности. У Советов огромные демографические проблемы, порождающие нехватку рабочей силы. Ожидается, что рост внутреннего валового продукта упадет с 5 до 2 процентов.

Такой анализ устраивает президента, но он настораживается, когда адмирал начинает говорить о ядерном противостоянии. Его настороженность усиливается и постепенно переходит в раздражение

по мере того, как Тернер докладывает выкладки разведуправления, которые расходятся с его, Рейгана, программными заявлениями и установками. Получалось так, что яркие речи президента в ходе избирательной кампании о «советское военном превосходстве», о серьезном отставании США – пропагандистский трюк, обман доверчивых избирателей. А в действительности существует военный паритет, и Соединенные Штаты даже в случае ядерного нападения Советов смогут нанести сокрушающий ответный удар. Как многие политики, Рейган не отличается самокритичностью. В годы его правления американская пропаганда взвинтит темы «советского военного превосходства» и «необходимости значительного увеличения ассигнований на вооруженные силы» до настоящего психоза. ЦРУ во главе с Кейси примет самое активное участие в этой грандиозной политической спекуляции.

Президент остается равнодушным к оставшейся части доклада, хотя именно в ней содержатся прелюбопытные вещи: ведь речь идет о специальных операциях шпионского сообщества Вашингтона, о ценной агентуре разведуправления. Зато Кейси – весь внимание. Очень скоро ему предстоит управлять сложнейшей разведывательной машиной, командовать огромной армией агентов.

Специальные технические операции – особая гордость адмирала. Они должны давать большой объем разведывательной информации. В АНБ и ЦРУ ее будут обрабатывать тысячи высококвалифицированных специалистов. ««Айви белз», – докладывает Тернер, – это перехват советских кабельных коммуникаций в районе Охотского моря. Операция выполняется субмаринами, которые размещают на подводных кабелях специальные устройства съема информации... Это фантастическая аппаратура, – с гордостью подчеркивает адмирал, – она не присоединяется к кабелям, а улавливает сигналы на некотором расстоянии. Но сам процесс установки связан с огромным риском для жизни экипажей подводных лодок и тех специалистов АНБ, которые проводят операции в территориальных водах Советского Союза. «Нэйви спешиэл» – тоже героический подвиг, это – слежение за подлодками противника. Американские субмарины не только заходят в советские территориальные воды, но им приходится забираться в гавани, где расположены стоянки кораблей».

Адмирал сел на своего любимого конька. С неподдельным восхищением он докладывает о других технических операциях спецслужб США...

Отмечу в скобках, что практически все эти хитроумные акции, по крайней мере те из них, что практиковались против Советского Союза, были раскрыты и обезврежены советской контрразведкой. В музее КГБ-ФСБ, что на Лубянке, можно ознакомиться с захваченной специальной аппаратурой, увидеть фотографии шпионского оборудования, которое там не экспонировано.

Стэнсфилд Тернер понижает голос до шепота: он знакомит Рейгана, Буша и Кейси с информацией о перехвате Агентством национальной безопасности (при поддержке ЦРУ) иностранных шифров и кодов двадцати государств. Это очень секретные операции, ибо ведутся не только против противников США, но и тех государств, которые можно назвать дружественными. «Разведывательные операции в отношении наших друзей и союзников с использованием спутников, перехвата линий связи, микрофонного подслушивания, агентурной разведки, – резюмирует адмирал, – необходимы и их следует расширять, но упаси нас Боже от огласки и провалов этих операций!» В голосе Тернера слышны извинительные нотки, но собеседники нисколько не удивлены и не возмущены признаниями шефа ЦРУ.

«На десерт» руководитель центральной разведки приготовил еще один сюрприз: ЦРУ удалось завербовать очень ценного агента в Советском Союзе. Это – старший инженер в одном московском институте. Его информация – это «драгоценность из драгоценностей».

И это действительно так. Речь идет об агенте под оперативным псевдонимом «Сфера». Это Адольф Григорьевич Толкачев. Но уже скоро советские контрразведчики нападут на его след, а спустя еще некоторое время он будет разоблачен и арестован, что вызовет в Центральном разведуправлении настоящий шок. Мой рассказ о Толкачеве, одном из самых известных теперь американских шпионов в СССР, – впереди. А пока заглянем в некоторые тайные закоулки Вашингтонской политической кухни.

Победа Рональда Рейгана на президентских выборах 1980 года, смена караула в Белом доме ознаменовали очередной крутой виток в политике Вашингтона в американо-советских отношениях.

Обострение этих отношений отбрасывало назад уже замаячившую на горизонте разрядку международной напряженности. В кресле президента США оказался политик, одержимый, как и поддерживавшие его правые силы, идеями «отбрасывания коммунизма», завоевания Соединенными Штатами мирового господства. Главная задача администрации Рейгана – устранение СССР как соперника США.

Новый президент привел в Вашингтон правительство миллионеров – людей богатых и влиятельных в мире финансов и бизнеса, представителей торгово-промышленных компаний. Многие, наверное, еще не забыли воинственного и шумливого генерала Александра Хейга, назначенного государственным секретарем, и министра обороны Каспара Уайнбергера, поборника ядерной войны с Советским Союзом. Богатейшим дельцом, ярким ненавистником СССР был и новый директор ЦРУ – руководитель шпионского сообщества Вашингтона Уильям Кейси. Он снискал расположение Рейгана своим рвением и напористостью как организатор президентской избирательной кампании, своими щедрыми пожертвованиями в пользу республиканской партии. Кейси, как и Уайнбергер, и Джордж Шульц, сменивший Хейга на посту государственного секретаря, входили в круг «ближних бояр» президента, пользовался его неограниченным доверием.

По докладам Центрального разведывательного управления Рейгану и его администрации было известно, что в восьмидесятые годы СССР вступил в качестве второй по своей мощи сверхдержавы (после США). Он прочно удерживал второе место в мире по производству внутреннего валового продукта. Разветвленные международные связи, масштабы торговли, кредитоспособность не вызывали сомнений относительно его силы и влияния. Советский Союз обладал мощной индустриальной и сырьевой базой, был фактически независим от поставок сырья. Сельское хозяйство в основном обеспечивало спрос населения продуктами питания. Постановка образования, положение с культурой и наукой (в том числе в области фундаментальных исследований), медицинским обслуживанием – на хорошем уровне, превосходящем по некоторым параметрам мировые стандарты. Социальное напряжение возникает из-за некоторых проблем (качество и недостаток товаров, очереди в

магазинах, низкий уровень обслуживания). Но преступность – небольшая, наркомания почти отсутствует. В военной области, сообщали аналитики ЦРУ, продолжают придерживаться концепции паритета вооруженных сил и ракетно-ядерных потенциалов с Соединенными Штатами. В СССР энергично работают над новыми разработками в области вооружений, но они вряд ли изменят баланс сил двух стран.

«В целом положение с экономикой в Советском Союзе трудное, – докладывало разведуправление, – она испытывает сильное напряжение, СССР вынужден нести большие расходы; имеется ряд проблем во внешней и внутренней политике. Слабости Кремля в известном перенапряжении сил, вызванном необходимостью содержания крупных вооруженных сил, в недостаточной технологической базе, качестве производимых товаров, демографических проблемах населения».

Оценки ЦРУ часто не совпадают с теми выкладками, которыми Рейган и его «ближние бояре» оперировали в ходе президентской избирательной кампании и уже после вхождения бывшего губернатора Калифорнии в Белый дом. Но это уже не проблема разведки: реализация, использование ее информации – дело политиков, дело государственного руководства.

Для Рональда Рейгана есть еще один немаловажный нюанс: он должен знать, что США уже с семидесятых годов начали утрачивать свое преимущество как страна с самым высоким уровнем жизни в мире, что темпы экономического роста здесь сокращаются. Вьетнамская война завершилась не в их пользу. Реально стала вырисовываться опасность сокрушительного экономического кризиса. Нельзя было допустить, чтобы гонка вооружений, эта питательная среда многих промышленных и финансовых корпораций, пошла на убыль. Первые шаги нового хозяина Белого дома сделаны именно в этом направлении.

Результаты – налицо. Военные расходы США уже за первые три года правления Рейгана выросли в два раза – до 305 миллиардов долларов. Дальше – больше, аппетит, как известно, приходит во время еды, а аппетит у американского военно-промышленного комплекса отменный. В 1981–1986 годах потрачено на военные приготовления столько, сколько за предыдущие тридцать пять лет.

8 июня 1982 года в выступлении в английском парламенте Рональд Рейган обнародовал свою программу наступления на Советский Союз – был объявлен новый «крестовый поход».

Последовательно вводились в действие программы и планы, имевшие целью нанести разящие удары по СССР и его союзникам. Так, директивой СНБ-32 (1982 год) предусматривалось провести серию тайных операций в странах Восточной Европы. Директива СНБ-66 (тот же год) намечала меры по подрыву советской экономики. Главный рычаг здесь – технологическая блокада, использование механизма КОКОМ для того, чтобы не допустить Советский Союз к новейшей высокой технологии в масштабе всего зависящего от Вашингтона и Запада мира. Низвести Советский Союз до положения источника сырья, лишить его возможности развивать обрабатывающую промышленность.

А вот еще одна директива – 1983 года (СНБ-75). Она ставила цель – добиваться «фундаментальных изменений» в государствах Восточной Европы и в других странах социалистической ориентации. Средства достижения поставленных задач замаскированы под «публичную дипломатию» и «демократию». Витиеватые фразы не оставляют сомнений: речь идет об отрыве стран Варшавского Договора от СССР, ликвидации социалистического строя на Кубе, дестабилизации положения в советских прибалтийских республиках, подрыве режимов в Анголе, Мозамбике, Южном Йемене, Вьетнаме, Эфиопии, Лаосе, Камбодже, Никарагуа и других развивающихся странах, идущих в фарватере Кремля. Но особое внимание – Польше и Афганистану. Это – «болевые точки» СССР, считают в Белом доме. Победа «Солидарности» – это отрыв Польской Народной Республики от Советского Союза, это – удар большой силы по Варшавскому Договору.

Что касается Афганистана, – решают в администрации Рейгана, – он должен стать предметом особой заботы ЦРУ. В разведке морализировать не будут. Поддержка вооружением и всем необходимым для нанесения потерь Советам – важнейшая задача. Американцы умеют воевать и чужими руками – это хорошо понимал еще в самом начале Великой Отечественной войны будущий президент Трумэн, надеявшийся обескровить СССР в ходе войны с фашистской Германией.

В Министерстве обороны директивы СНВ быстро и оперативно перевели на язык военных планов. В «Руководящих указаниях в области обороны», где изложены цели Пентагона, лаконично формулируется главная задача: США должны быть в состоянии вести ядерную войну с Советским Союзом и одержать в ней победу. Для этого нужно в первую очередь усовершенствовать и нарастить запасы ядерного оружия и средства его доставки. Цели в СССР для ядерных ударов необходимо методично фиксировать и уточнять в соответствии с недавно развернутым «Единым интеграционным оперативным планом». Для выявления и корректировки целей используются: фотосъемка с помощью разведывательных спутников, наблюдения военных разведчиков из состава военных атташатов посольства США в Москве, возможности и средства ЦРУ. Поражению ракетами и авиационными бомбами с ядерными зарядами подлежали, наряду с объектами военного назначения, все крупные и средние города Советского Союза.

Для нанесения ударов по объектам в европейской части СССР на территории стран НАТО размещаются ракеты среднего радиуса действия «Першинг» и крылатые ракеты. Разрабатывается «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), фактически означающая милитаризацию космоса, подготовку так называемых «звездных войн». В основе СОИ – зловещая идея создания противоспутникового оружия.

Все это придумано, чтобы изменить в пользу США баланс сил. Но не только. Предполагается также втянуть Советский Союз в безудержную гонку вооружений, измотать его, подорвать его экономику, разрушить промышленность безмерными расходами.

Военная мощь США, полагали в Вашингтоне, должна сыграть свою роль в противостоянии с Советским Союзом, но ударной силой объявленного президентом Рейганом «крестового похода» против СССР предстояло стать Центральному разведывательному управлению. Рейган был убежден: Уильям Кейси на посту директора шпионского ведомства справится с порученной ему задачей сокрушения «империи зла». Ему поможет в этом его упорство, эдакая ковбойская лихость, патологическое неприятие Советского Союза. А тем временем изощренный ум нового директора ЦРУ, облеченного доверием президента, лихорадочно изобретал планы развертывания

разведывательной работы против СССР. Им предстояло в недалеком будущем вылиться в конкретные операции посольской резидентуры в Москве.

У Кейси, вошедшего на правах министра в кабинет Рейгана, были развязаны руки. Президент полностью реабилитировал ЦРУ, простил ему «прегрешения», вскрытые конгрессом в предыдущие годы. Популярность Рейгана среди сотрудников Лэнгли была высока. Рейган неоднократно посещал штаб-квартиру центральной разведки. Многоопытный политик и профессиональный актер, он знал, как подбодрить, пришпорить разведчиков. Он был готов предоставить шпионской службе все условия и возможности действовать безо всяких помех и ограничений. Рейган и его вице-президент, побывавший на посту руководителя разведки, хорошо представляли могучее воздействие тайных разведывательных акций, силу и значение разведывательной информации. У Уильяма Кейси было свое кредо: разведке нужны специальные тайные операции, она должна организовывать «движение сопротивления» в советском лагере.

Время правления Рейгана и сменившего его Буша называли «десятилетием шпионажа», эпохой широкой активизации разведывательно-подрывной деятельности против Советского Союза. Но одновременно оно, это время, прославилось крупнейшими провалами и неудачами американских специальных служб.

Сигнал к атаке ЦРУ на Советский Союз был дан без промедления, как только Уильям Кейси взял в свои руки бразды управления разведкой. Ее подразделения в Москве и за рубежами нашей страны развернули бурную деятельность. Надо полагать, что в восьмидесятые годы ЦРУ за счет целенаправленных усилий по вербовке советских граждан как в самом СССР, так и за рубежом удалось создать агентурную сеть в наших важных ведомствах и учреждениях, в частности, в Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны, на некоторых объектах оборонной промышленности, в нескольких научно-исследовательских институтах. К сожалению, не составили исключения внешняя и военная разведка и даже контрразведка. С некоторыми из завербованных шпионов конспиративную связь поддерживали сотрудники посольской резидентуры ЦРУ в Москве, получая от них важную информацию.

Подавляющее большинство агентов в Советском Союзе были разоблачены и обезврежены спецслужбами нашей страны. Тем не менее, ущерб они нанесли немалый. Агентурные акции Центрального разведуправления дополнялись специальными операциями технической разведки. (О некоторых из них автор уже упоминал.)

Советский Союз, и в первую очередь Москва и Ленинград, оказались в эпицентре ожесточенной схватки КГБ и ЦРУ. Именно здесь разворачивались многие события «десятилетия шпионажа». Это не случайно. Главное шпионское ведомство Вашингтона предприняло здесь лобовую атаку на главного противника. Американскую разведку не смущали и не останавливали неудачи и провалы. Срочно нужна была разведывательная информация: что предпринимает СССР во внешней и внутренней политике? Каково состояние его вооруженных сил? Разрабатывает ли Москва новые виды вооружений? Как Кремль выдерживает навязанные ему бешеные темпы военного противостояния?

Разведка лезла напролом. Лишь в самом конце восьмидесятых годов, когда горбачевская перестройка уже вызвала серьезный экономический и политический кризис в Советском Союзе, в ЦРУ решили несколько «сбавить обороты» деятельности своей резидентуры в Москве. Сказались катастрофические провалы агентов и оперативников.

«Действия КГБ, – сетовали в Лэнгли, – буквально разрушили московскую резидентуру, привели к ее дезорганизации. Она перестала быть боеспособной». А вот еще одно красноречивое свидетельство руководящего работника ЦРУ, которое проводит в своей книге «Шпион, который скрылся» американский публицист Дэвид Уайз:

«Были раскрыты методы и источники получения информации, провалены агентурные операции. Агентурная сеть в Москве создавалась многие годы, и теперь будет весьма трудно ее восстановить. И дело не только в агентурных источниках информации. Все обстоит гораздо сложнее. Были свернуты все технические устройства. Размер понесенного ущерба огромен. Для нас там обрублены все концы».

Представляется, вместе с тем, что разгром советской контрразведкой московской резидентуры – не единственная причина снижения активности ЦРУ непосредственно на территории нашей

страны. В конце концов, в управлении, выражаясь боксерским языком, умеют «держать удары». Дело, возможно, заключается еще и в том, что в Вашингтоне в условиях наступавшего внутривластного кризиса в СССР решили временно упрятать в тень деятельность резидентуры американской разведки в Москве. И одновременно в порядке компенсации резко усилить шпионские акции против Советского Союза за его пределами. Дальнейшее разоблачение ЦРУ не соответствовало замыслам вашингтонских политиков, а открывавшиеся возможности для разведывательной работы после развала СССР сулили США и их спецслужбам немалые дивиденды.

Первые огорчения

Новый директор Центрального разведывательного управления доволен. В его руках – мощный аппарат разведки для развертывания наступления на главного противника по всем направлениям. Он окидывает взглядом карту мира, мысленно отмечая те страны и регионы, где намечается ударить по Советскому Союзу, по зонам его влияния, по его «болевым точкам». «И в самом СССР, – думает Кейси, – для ЦРУ предстоят горячие дни».

Да, Уильям Кейси доволен. Ему нравится просторный кабинет директора в Лэнгли. Он доволен тем, что один из важнейших комитетов Сената – Комитет по разведке – возглавляет республиканец Барри Голдуотер. С ним Кейси придется тесно сотрудничать, и в этом он всегда найдет понимание с его стороны. По крайней мере в том, что касается противоборства с Советским Союзом. Неплохо складываются у директора отношения с двумя ведущими членами кабинета: государственным секретарем Хейгом и министром обороны Уайнбергером. Шеф центральной разведки доволен установившимся деловым сотрудничеством с руководителем разведывательного управления Министерства обороны генерал-лейтенантом Юджином Таем. Кейси знает: у РУМО большие силы и возможности в Москве, и подразделения военной разведки неплохо взаимодействуют с посольской резидентурой ЦРУ.

Известно Кейси и об огромных возможностях Агентства национальной безопасности, раскинувшего свои опорные пункты в американских посольствах и на многих из четырехсот военных баз США по всему миру. Поэтому понятно желание хозяина Лэнгли

поддерживать постоянный деловой контакт с руководителем АНБ генерал-лейтенантом Линкольном Форером. В отличие от своего предшественника, Кейси установит более четкий порядок взаимодействия со всеми членами разведывательного сообщества, куда входят и РУМО и АНБ. Теперь так называемые «дозорные» встречи, на которых обсуждаются текущие вопросы взаимодействия применительно к складывающейся ситуации в мире, будут проходить не один раз в месяц, как раньше, а каждую неделю.

Для Уильяма Кейси вполне приемлем его первый заместитель – адмирал Роберт Инмен. Кейси знает: Инмен – протеже Барри Голдуотера, который считает его «гением разведки» и даже предлагал Рейгану сделать его директором ЦРУ. Что ж, что правда, то правда. Бобби, так зовут Инмена друзья и коллеги, действительно блестящий специалист в разведывательных делах, был руководителем АНБ, разбирается в делах Министерства обороны, потому что занимал пост главы этого ведомства. Кроме того, он толковый, выдержанный политик, умеет ладить с конгрессом.

Что же касается другого своего заместителя – Макса Хьюгела, преуспевающего бизнесмена-миллионера, то Кейси сам привел его в ЦРУ и поставил во главе ведущего подразделения – Оперативного директората. Опыт в разведывательном деле у Хьюгела невелик – непродолжительная служба в военной разведке после Второй мировой войны. У Хьюгела, как и у Кейси, речь не всегда понятна, но это не важно. Самое существенное – он «свой» и будет хорошим противовесом Инмену. Уильям Кейси уверен, что оба заместителя разделяют его честолюбивые планы, что руководители подразделений поддерживают своего директора. Он знает настроения большинства сотрудников разведки, рвущихся «к настоящему делу» и увидевших в нем человека из разведки. Авторитет нового шефа ЦРУ вырос после того, как он возвратил на службу многих сотрудников, уволенных из разведки его предшественниками – Дж. Шлессинджером, У. Колби, С. Тернером.

Правда, скоро Уильяму Кейси придется столкнуться с чехардой новых назначений: уйдет Инмен, недовольный тем, что новый шеф поручил ему кураторство второстепенных подразделений; не удастся удержаться в ЦРУ Хьюгелу, который подвергнется со всех сторон обвинениям в некомпетентности. Вместо них в высший эшелон

шпионского ведомства придут Джон Макмэхон и Джон Стейн. Произойдут и другие перемены, неизбежные в огромном бюрократическом механизме. Но Кейси неплохо сработается и с новыми назначенцами, которые примут его разведывательную философию и энергичные планы, привыкнут к некоторым странностям его темпераментной натуры.

Но пройдут один-два года, и некоторые руководители разведывательного сообщества, да и многие сотрудники управления не станут скрывать своего неприятия Уильяма Кейси, его трудновыносимого нрава, высокомерия и заносчивости. Скандал с Хьюгелом, которому припомнят совершенные в недавнее время финансовые махинации, затронет и самого директора ЦРУ. И дело не в том, что Хьюгел при поддержке своего шефа задумал ряд переворотов в странах «третьего мира» и готовил силами разведки покушения на ливийского лидера Муаммара Каддафи и некоторых других иностранных руководителей. И не в том, что он назначил на ведущий пост в Центральном разведывательном управлении непрофессионала. Дамоклов меч над Кейси навис в связи с публичными обвинениями его в контактах с уголовным миром, в нарушении налогового законодательства, а это в Соединенных Штатах одно из самых тяжких преступлений.

С некоторым опозданием противники напомнили Уильяму Кейси о неприглядной истории с похищением его командой секретных документов Картера во время избирательной кампании по выборам президента, что помогло Рейгану определить стратегию и тактику предвыборной борьбы. Американская пресса назвала случившееся «Дебатгейтом» – по аналогии с «Уотергейтом», имея в виду теледебаты Картера и Рейгана, во время которых последний удачно использовал выкраденную информацию. Но внутривнутриполитическое положение в стране было иным, чем во времена Никсона, и в отличие от него Рейгану удалось избежать импичмента. Хотя ситуация была абсолютно идентичной «Уотергейтскому скандалу».

Отношение к Кейси, в том числе среди сотрудников ЦРУ, в результате несколько изменилось. Подчиненных директора еще удерживала в рамках дисциплина и зависимость по службе. Труднее пришлось партнерам по разведывательному сообществу: даже если Кейси им совершенно неприятен, у него прекрасный авторитет

личного друга президента. Да и отказа спецслужбам ни в чем нет, и это немалая заслуга Кейси. Рональд Рейган будет опекать своего друга до самой его смерти в 1987 году. Чтобы поддержать «друга Билла», президент Рейган использует все свое красноречие: «Кейси является необычайно талантливым и опытным человеком. Как никто другой он подходит для того, чтобы занимать этот критически важный пост в данный момент истории».

Опираясь на поддержку могущественного друга и покровителя, Кейси удержится в седле. Он устоит перед обвинениями и в том, что в первые годы своего правления разведкой его состояние удвоилось – с шести до двенадцати миллионов долларов, и в том, что помогал компаниям, в которых он был одним из владельцев или крупным держателем акций, и в том, что использовал информацию ЦРУ в биржевой игре. Кейси сохранит пост директора управления, пока его не сразит быстротечная смертельная болезнь. Ну, а пока Уильям Кейси рвется в бой. И Центральное разведывательное управление, послушное его воле, развивает наступление на Советский Союз.

Советская контрразведка уже вскоре заметила, как развернулся «крестовый поход» спецслужб Вашингтона. Широкие масштабы приняла, в частности, визуальная разведка военных атташатов американского посольства. Деятельность военных дипломатов доставила нам немало хлопот. В восьмидесятых годах их поездки по Советскому Союзу приняли массовый характер. И всем этим вояжам сопутствовали многочисленные противоправные действия, приводившие к задержаниям американцев при проникновении в закрытые для иностранцев районы и при тайных фотосъемках оборонных объектов, к изъятию разведывательной аппаратуры и записей.

С большой нагрузкой работали расположенные в диппредставительстве США подразделения радиоэлектронной разведки АНБ. Активизировались дипломаты посольства из специальной группы по «правам человека», занимающейся сбором разнообразной политической информации, что называется, «на грани фола».

В центре всей этой разведывательно-подрывной деятельности находилась посольская резидентура ЦРУ. В отличие от других подразделений спецслужб, в посольстве ей было доверено

прорываться к нашим государственным и военным секретам методами агентурной работы, а также с помощью специальных технических средств. В Центральном разведуправлении убедились, что резидентура сможет приспособиться к сложным условиям разведывательной работы в СССР. Задача состояла в том, чтобы обеспечить высокий уровень конспирации и безопасности проводимых операций. Необходимо было усиливать работу по привлечению к шпионскому сотрудничеству «инициативников», более активно использовать «глубокие прикрытия», привлекать к операциям жен сотрудников резидентуры, шире применять маскировочные средства и другие приемы ухода от контроля контрразведки. Существенным подспорьем должны были стать услуги дипломатов посольства и других американцев, находившихся в Советском Союзе.

Хотя условия вербовочной работы резидентуры на советской земле были очень трудными, оперативникам из Лэнгли удалось приобрести агентов из числа «инициативников». Нужно отдать должное шефу посольской резидентуры Гарднеру Хаттавею. Он рассеял опасения директора ЦРУ Тернера и пошел на контакт с одним из таких людей. Это известный нам агент «Сфера», ставший тогда ценнейшим источником информации.

... Питер Богатыр приехал в Москву в начале 1981 года. Плотная посаженная крупная голова, черная кудрявая шевелюра, такого же цвета борода и усы делали его похожим на сказочный персонаж. С паспортом третьего секретаря посольства США он старался не выделяться из среды американских дипломатов. Это была новая должность прикрытия для сотрудников посольской резидентуры.

Богатыр был направлен в Москву для установления контакта и привлечения к работе с американской разведкой работника одного из московских научно-исследовательских институтов, занимавшегося лазерами. Разведчик рассчитывал: ему удастся договориться с «Семеновым» (назовем кандидата в шпионы условной фамилией). Подруга «Семенова», выехавшая в США на постоянное место жительства, которую Богатыр дотошно опрашивал о всех ее знакомых, сообщила все, что знала. А известно ей было и то, где «Семенов» работал, какими проблемами занимался, и то – самое главное, – почему она уверена, что ее приятель не прочь эмигрировать в США и «воссоединиться» с ней. ЦРУ щедро оплатило ценную информацию и

получило от подруги рекомендательное письмо для него, побеспокоившись и о ценных подарках. Вербовку полагалось поставить на солидную основу.

И вот, вооруженный рекомендациями и сувенирами, Питер Богатыр связывается с «Семеновым» по телефону. Тот соглашается на встречу с человеком, у которого «приятные вести» о его подруге, уехавшей за океан. Он пока еще не знает, что Богатыр – разведчик ЦРУ. В телефонном разговоре последний представился простым американским туристом.

Свидание состоялось. Но резидентура осторожничает. Хотя Богатыр и не заметил за собой слежки, применяются тщательные меры проверки. Определяется маршрут следования на встречу и места, где разведчик должен убедиться: советская контрразведка не наблюдает за ним. План непрост. Вот какие указания в письменном виде получил Богатыр: «В связи с тем, что очень трудно легендировать вашу поездку в раннее субботнее время, вам следует создать впечатление, что вы собираетесь ехать в посольство (помыть машину, повозиться с инструментами, попытаться что-либо отремонтировать наскоро). По пути в посольство запланируйте остановку на автозаправочной станции для дипломатов (улица Красина) и позже, если это необходимо, у Ленинградского рынка. Поезжайте по проспекту Вернадского, затем по Ломоносовскому проспекту, Минской улице к Филям, поверните направо на Большую Филевскую улицу, пересеките мост вдоль Шмидтовского проезда, проследуйте мимо станции метро «Улица 1905 года». От этой точки продолжайте путь по Беговой улице к улице Нижняя Масловка. От нее проезжайте в район Ленинградского рынка. Если обнаружите за собой наблюдение, заканчивайте маршрут здесь, если нет – припаркуйте машину в этом районе. Продолжайте движение пешком. Пройдите по улице Вальтера Ульбрихта и садитесь в троллейбус № 6 или № 43. Остановку вы знаете».

Питер Богатыр был доволен: он выполнил четко все предписания. Наружного наблюдения не видно. «Семенов» рад встрече со знакомым подруги и, похоже, не догадывается о подвохе. Между тем разведчик, сославшись на «особые обстоятельства», на извечные подозрения советских властей ко всем американцам, уговорил «Семенова» прийти на новую встречу, ведь тому, наверное, захочется переслать что-нибудь знакомой в Штаты. Питер вручил ему заготовленные в резидентуре

условия встреч: даты, точное время и места, вызов на встречу – условным телефонным звонком.

Питер Богатыр уверен в успехе. Он не сомневается в желании «Семенова» уехать в США и уверен, что тот примет предложение о сотрудничестве с ЦРУ в обмен на будущую безбедную жизнь за океаном. Для решающей встречи резидентура намечает еще более хитроумную комбинацию: Богатыр повезет свою жену в Хельсинки, чтобы показать ее врачам. Это необходимо, так как она собирается стать матерью. Поездки в Финляндию дипломатов посольства практикуются по разным причинам регулярно. Но ключевой момент плана не в этом. Богатыр вернется в Москву на день раньше того срока, который будет им объявлен при отъезде. КГБ, конечно, станет известно о поездке американского разведчика в Хельсинки, ведь телефоны посольства прослушиваются. Но резидентура не ведает, что советской контрразведке уже известно об интересе американцев к «Семенову»: он рассказал нашим сотрудникам о Питере Богатыре, действия которого сначала вызвали у него недоумение, а потом и подозрение.

Фотокопия письма ЦРУ «Семёнову», изъятого у разведчика Богатыра. Приложением к письму является «Расписание времени звонков».

В контрразведке размышляют над непростой дилеммой. Дать ли событиям развиваться и выявить цели и устремления американской разведки, методы работы посольской резидентуры? Это заманчиво, но рискованно. Или же сразу пресечь операцию Центрального разведуправления? Так проще и спокойнее. Побеждает вторая точка зрения: нельзя допустить, чтобы в руки американцев попали секретные документы и материалы, а без этого в Лэнгли быстро поймут, что «Семенов» ведет «двойную игру». Поймут и прекратят с ним контакт. В советской контрразведке хорошо знают, какими критериями руководствуются в ЦРУ при вербовке агентов. Главный из них – доступ к важной секретной информации. Только это может оправдать большой риск поддержания связи с агентом на территории Советского Союза.

Задержание с поличным давно вошло в разряд довольно рутинных событий в противоборстве КГБ и ЦРУ. Недаром на «ферме» будущих разведчиков усердно тренируют на случай захвата их контрразведкой.

Им внушается, что стойкое выполнение всех правил поведения в этой чрезвычайной обстановке не влечет за собой наказания и, напротив, может послужить поводом к служебному поощрению или награждению государственной медалью.

Но восьмидесятые годы превзошли по части поимок с поличным весь предыдущий период «холодной войны». Эту неприятную процедуру пришлось испытать разведчикам посольской резидентуры в Москве Люису Томасу, Ричарду Осборну, Полу Стомбау, Эрику Сайтсу, Майклу Селлерсу. Она затронула и Ленинград: там задержали разведчика оперативной группы в генконсульстве США Аугустенборга и его жену, участницу агентурной операции. А начало серии таких провалов положил Питер Богатыр, от которого оперативная удача отвернулась в момент, когда он уже собрался праздновать свой блестящий успех.

Надо воздать должное Богатыру: он быстро обрел привычное самообладание в приемной КГБ, куда его доставили после задержания. Питер отказался вести разговор и только зло поводил глазами на изъятые у него материалы ЦРУ.

Богатыра выслали из Советского Союза как нежелательное лицо – персону нон грата. Март-август, и полугодом нет – не очень продолжительный срок работы в СССР. И похоже, что стойкое поведение при задержании не пойдет ему на пользу.

Гусарская атака на «Семенова» в Москве кое в чем походила на историю вербовки работника завода во Львове Альберта Георгиевича Петрова. В этой истории также действует «наводка», полученная ЦРУ от эмигранта, некоего Израилевского, уехавшего из Советского Союза в Израиль, а затем оказавшегося в США. Израилевским, пользовавшимся во Львове репутацией картежного шулера и тунеядца, руководили сугубо меркантильные мотивы. Он продавал американцам «живой товар» поштучно. Израилевский заверял сотрудников американской разведки – покупателей его информации, что перед отъездом из СССР уговорил охочего до «легкой жизни» Петрова уехать в США, но предупредил: право на это придется получить, предварительно поработав на ЦРУ.

Шпионская карьера Петрова длилась недолго. Он попал в поле зрения советской контрразведки и был разоблачен. Американская разведка потеряла агента, но ей удалось на этот раз избежать потерь в

личном составе резидентуры. Некоторый ущерб все же имел место. В руки контрразведки попали задания агенту по сбору информации об оборонном заводе, где он работал, инструкции, как принимать радиопередачи разведцентра во Франкфурте-на-Майне, заранее заготовленные письма бытового содержания на подставные адреса в США, тайнопись, с помощью которой шпиону предлагалось наносить на них тексты посылаемой информации. Первому отделу ВГУ стало известно и о том, что в Советском Союзе операции по связи с Петровым проводил разведчик-агентурист посольской резидентуры в Москве Чарльз Ливен.

1981 год принес еще одну неприятность для посольской резидентуры. Как говорится, пришла беда – отворай ворота! Советской контрразведкой был арестован Евгений Капустин, тридцатилетний молодец, парень с богатой воровской биографией, польстившийся на легкую наживу. По всей вероятности, Капустин был уверен, что американская разведка оценит его за одно лишь желание служить ей. Он не ошибся. ЦРУ действительно приняло его предложение о шпионском сотрудничестве.

У Капустина при аресте были обнаружены задания разведцентра, инструкции по организации приема кодированных передач, пачка писем «туристов» на подставные адреса в США. Весь этот набор, тщательно упакованный в целлофановый пакет, поместили в грязную рукавицу и тайно заложили 17 ноября 1981 года у телефонной будки на одной из московских улиц. Конкретно с величайшими предосторожностями это сделал сотрудник резидентуры Джон Боумен, который в посольстве значился гражданским помощником атташе по вопросам обороны. Капустину было предложено изъять рукавицу в тот же день.

Расчеты ЦРУ на то, что удастся успешно переквалифицировать бывшего вора в шпионы, были быстро перечеркнуты нашим первым отделом. Резидентуре «повезло». Боумен не пострадал. В 1981 году он «благополучно» покинул Советский Союз, и его роль в деле разоблачения агента американской разведки в то время оставалась нераскрытой. Теперь об этом можно сказать.

Остается вопрос: знали ли в Лэнгли об уголовном прошлом Капустина, о его судимостях? Думаю, что для разведуправления это не имело значения. Американцев в первую очередь интересовало, имеет

ли он, лично или через свои связи, доступ к секретной информации. Ценность потенциального агента для них определялась именно этим. И размер «гонорара» назначался соответственно. Думаю, что такое положение в оценке кандидатов на вербовку сохраняется и в настоящее время. С той только разницей, что ныне уже немало лиц в нашей стране связано с организованной преступностью или с коррумпированными чиновниками госаппарата.

Неудача с вербовкой «Семенова», задержание советской контрразведкой Питера Богатыра, разоблачение американского агента Альберта Петрова – это лишь эпизоды, неприятные, но вполне преодолимые. Они только подстегнули директора ЦРУ Уильяма Кейса и его подчиненных скорее превратить территорию Советского Союза в широкомасштабный театр разведывательных действий.

Разведспутники на службе ЦРУ

В начале восьмидесятых годов в Лэнгли приступили к проработке возможности использования для контактов с агентами специальной аппаратуры радиосвязи через искусственные спутники Земли системы «Марисат». Три таких спутника уже находились на стационарных орбитах: «Марисат-1» – над Атлантическим океаном, «Марисат-2» – над Тихим и «Марисат-3» – над Индийским. Связь с агентами через ИСЗ «Марисат» устраивала ЦРУ с многих точек зрения. Она казалась более удобной и безопасной, чем применявшиеся в Советском Союзе посольской резидентурой способы контактов с агентами путем личных встреч и через тайники. Вся территория СССР теоретически входила в зону действия спутников «Марисат». Они уже доказали свою надежность и эффективность в работе с агентами в других странах мира.

Поздней осенью 1982 года советская контрразведка среди многих тысяч радиосигналов выявила кодированные передачи в режиме быстрогодействия, следовавшие из района Москвы на ИСЗ «Марисат-3». В начале 1983 года такие радиосигналы повторились еще дважды. Это резидентура ЦРУ продолжала настойчиво проверять условия прохождения радиосигналов из Москвы. Четвертая конспиративная радиопередача, которую провел первый секретарь американского посольства Ричард Осборн из Филевского парка Москвы, стала для Центрального разведуправления роковой. Не помогло ни то, что

резидентура замыслила представить его поход в Филевский парк как семейную прогулку, ни то, что комплект радиоаппаратуры был упрятан в хозяйственную сумку. Вторым главным управлением КГБ при активном содействии Службы радиоконтрразведки и Седьмого управления КГБ Ричард Осборн был задержан во время сеанса радиосвязи, а специальная аппаратура попала в наши руки.

В рубрике «В Комитете государственной безопасности СССР», ставшей в восьмидесятых годах уже обычной для читателей, советская печать сообщила: «7 марта 1983 года во время работы со шпионской радиоаппаратурой был задержан с поличным первый секретарь посольства США Ричард Осборн. У него изъят комплект портативной разведывательной аппаратуры специального назначения для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи «Марисат» и собственноручные записи, исполненные в блокноте из быстрорастворимой в воде бумаги, изобличающие Р. Осборна в шпионской деятельности. За действия, несовместимые со статусом дипломата, Р. Осборн объявлен персоной нон грата».

Юридически противоправная для американцев сторона дела состояла в том, что специальная аппаратура, которую ЦРУ предполагало использовать для агентурной связи в нашей стране, представляла собой радиопередатчик. Как таковой, он подлежал обязательной регистрации, как и другие радиосредства, которые московская резидентура применяла в операциях по поддержке связи со своей агентурой в СССР. Понятно, что американцы не могли обращаться к советским властям с просьбой зарегистрировать в установленном порядке такую аппаратуру.

Изъятые у Ричарда Осборна спутниковые устройства включали электронный шифратор-накопитель с 33 кнопками, соответствующими буквам латинского алфавита (при использовании аппаратуры агентом – советским гражданином легко устанавливаются русские буквы). Объем памяти шифратора-накопителя – около тысячи знаков. При максимальной «загрузке» радиопередача проходит за 20 секунд.

Радиосвязь может осуществляться в любое время суток с открытой местности или из помещения. Малые габариты (размеры 310*10*18 миллиметров), вес 2,3 килограмма позволяют без труда закамуфлировать его в бытовых предметах – портфеле, хозяйственной сумке, чемоданчике и тому подобном, учитывая, что запуск

аппаратуры может производиться с помощью выведенного тросика. Антенну агент должен сориентировать на юг, где находится «Марисат-3».

Остается назвать имена участников этой операции, сотрудников посольской резидентуры в Москве: второй секретарь Уильям Планкерт, атташе Филип Рейнолдс, а также сам резидент Карл Гебхардт (он прикрывался должностью первого секретаря диппредставительства). Четвертого вы уже знаете: Ричард Осборн, действовавший, так сказать, в «поле».

Резонанс плана «Редсокс»

За много лет до описываемых событий, участником которых стал атташе посольства США в Москве Люис Томас, задолго до того, как президент Рейган провозгласил новый «крестовый поход» против Советского Союза, американская и английская разведки развернули нелегальную засылку в СССР многочисленных агентурных групп по плану «Редсокс». Это была крупномасштабная послевоенная разведывательно-диверсионная операция спецслужб Соединенных Штатов и Великобритании. Однако в середине пятидесятых годов ЦРУ и СИС вынуждены были свернуть операцию «Редсокс». Точнее, отказаться от нее их заставила советская контрразведка.

Но в то время это было важнейшее направление разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Вашингтона и Лондона, скопированное с акций гитлеровской военной разведки и контрразведки в период войны против нашей страны. Перед американскими и английскими агентами, которые засылались на советскую территорию, ставились задачи совершать диверсии, корректировать цели для ядерных бомбардировок, вербовать новую агентуру, организовывать «группы сопротивления» и другие.

«Агенты ЦРУ, – заявил руководящий сотрудник управления Гарри Розицки, – засылались в Россию всеми возможными путями: по суше, морем или с воздуха, из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Ирана и Японии. Операции ЦРУ являлись настоящим огненным рубежом. Они прорывали фронт противника, прощупывали на месте его оборону, наводняли население подрывной пропагандистской литературой, призывали его к вооруженному сопротивлению существующему режиму».

Нелегальные агентурные группы состояли из 2–4 человек, были хорошо обучены и надлежащим образом экипированы. Они формировались с помощью эмигрантских националистических организаций из оказавшихся за рубежом так называемых «перемещенных лиц» и перебежчиков. Вот в одной из таких групп и оказался молодой парень из Белоруссии, попавший в самом начале войны в окружение и в плен к немцам. Называю его кодовой фамилией «Борисов» – не его подлинной, чтобы не напоминать о прошлом. Он уже был достаточно наказан и своей последующей честной жизнью искупил совершенное преступление.

...Разведывательно-диверсионная школа ЦРУ в пригороде Мюнхена. Сюда после многолетних скитаний по лагерям военнопленных и пунктам для «перемещенных лиц» и попал «Борисов». Белорусским националистам не стоило большого труда привлечь его в одну из своих организаций, а затем передать американской разведке. В школе «Борисов» стал «Карлом».

В августе 1952 года «Борисова»-«Карла» и троих его сокурсников – «Бена», «Джо» и «Фина» – привезли на американский военный аэродром, и отсюда начался роковой для него полет. Конечный пункт ночного воздушного десанта – один из глухих районов Белоруссии. Группа «Карла» – одна из многих, которые должны были служить планам подготовки к атомной войне с Советским Союзом, разработанным американскими стратегами. Ее снабдили всем необходимым – автоматами, пистолетами, ножами, взрывчаткой, специальными авторучками, которые выбрасывали смертоносный газ, радиопередатчиками, картами, компасами. При задержании группы советскими контрразведчиками агенты-диверсанты отчаянно отстреливались. «Карла» ожидало бы суровое наказание, если бы не молодость и раскаяние.

Когда многие годы спустя в ЦРУ узнали, что «Карл» живет в Белоруссии, посольской резидентуре поручили связаться с ним, чтобы вознаградить за прошлую службу и решить его дальнейшую судьбу. Мне трудно судить, что побудило «Борисова»-«Карла» сообщить о полученном им письме из Москвы. Возможно, чувство возмездия в отношении американской разведки, искорежившей его жизнь. Но как бы то ни было, письмо пришло, и в нем говорилось: «Мы хорошо

помним тебя, помним дорогого Карла. Давай встретимся побыстрее». Назывались конкретное место и дата.

Для первого отдела Второго главного управления поездка «Борисова»-«Карла» и встреча с разведчиком ЦРУ «в скверике на улице Чайковского» представлялись многообещающими с оперативной точки зрения. Слишком вызывающими были действия посольской резидентуры в последнее время, слишком часты стали вербовочные подходы со стороны американских разведчиков к работникам советских учреждений за границей. Выбить из игры разведчика-агентуриста резидентуры, несколько остудить горячие головы в ЦРУ, а заодно и напомнить о провале программы «Редсокс», дорого стоившей нашей стране, – об этом думали в контрразведке. Догадывались, кто мог выйти на контакт с «Борисовым», и не ошиблись. Люис Томас, атташе отдела безопасности посольства, сотрудник резидентуры, жил недалеко от того небольшого сквера, где в одиннадцать часов вечера должна была состояться встреча. Тем более, что предлог для вечернего гулянья у Томаса был хороший – вывести собаку.

Поздним вечером 2 июня 1983 года Томас с черным пуделем вышел из своей квартиры в здании посольства и направился к скверу. «Борисов» уже там, он прячется в темноте. Томас видит «Карла» и, подойдя поближе, со словами: «Это вам, там инструкции», передает ему пачку мятных конфет. В следующий момент Томас в руках контрразведчиков, черный пудель с удивлением наблюдает, как растерянного и потрясенного хозяина сажают в подошедшую автомашину. Его увезут в приемную КГБ, ставшую уже привычным местом для провалившихся американских разведчиков. Ну, а пуделя отведут в посольство.

В упаковке мятных конфет действительно была спрятана инструкция о месте закладки тайника для «Карла» в сквере у Ростокинского проезда. Его легко обнаружили. В контейнере, замаскированном под булыжник, находились шпионские материалы и деньги.

Выяснилось, что закладывал этот «булыжник» разведчик московской резидентуры Роберт Моррис, сотрудник отдела строительства посольства. Запомним и это имя, оно нам еще встретится.

И снова Министерство иностранных дел СССР сделает представление посольству США, и снова появится в прессе сообщение: «В Комитете государственной безопасности...».

Нет, советская контрразведка не рассчитывает, что выдворение Люиса Томаса приведет к резкому снижению активности резидентуры ЦРУ. Для этого понадобится еще немало провалов, в результате которых резидентура, по выражению американцев, станет «хромой уткой».

Провал «Ролфа Даниэла»

Представитель западногерманской Федеральной разведывательной службы (ФРС) с увлечением рассказывает своему собеседнику о новом контакте – сотруднике Арктического и Антарктического НИИ Госкомгидромета СССР. «Юрий Павлов – очень осведомленный человек, – говорит немец, – сам он физик-ядерщик, работал на объектах военно-морского флота, знаком с проблемами атомных судов, в том числе подводных лодок». Собеседник – сотрудник ЦРУ – внимательно слушает, потом просит рассказать, как все началось. «Он регулярно выходит в плавание в научные экспедиции и во время одного из рейсов направил письмо в наше консульство в Норвегии, – сообщает представитель ФРГ, – написал, что в Советском Союзе его не признают, он не может реализовать свой метод получения искусственных алмазов. В контакт с ним, – продолжает немец, – наши вступили в 1982 году в Гамбурге, а в этом году мы уже провели с ним несколько встреч. Нет сомнений: он хочет заработать, а не просто получить признание как специалист».

Павлов для Лэнгли – неплохая находка. Но и немцам тоже нужен советский агент. Однако они уступают его американцам, понимают, что у ЦРУ гораздо больше возможностей использовать агента в Советском Союзе. Ведь Павлову не вечно быть в плавании. К тому же конспиративные встречи с ним в иностранных портах довольно обременительны.

Сделка состоялась. Павлова передают на связь Центральному разведуправлению, а американцы будут делиться с Федеральной разведслужбой его информацией. Это несложно. Между ЦРУ и ФРС давние и тесные связи. Последняя выросла из созданной в 1946 году гитлеровским генерал-лейтенантом Рейнхардом Геленом на

американские деньги шпионской организации. Она, эта организация, до 1956 года была фактически огромной резидентурой разведки Вашингтона. «Дело Павлова» – разделение труда между двумя разведслужбами. Это классический пример вербовки, когда кандидат, еще не осознав полностью, к чему приведут его обида и поиск покровителей, окажется вовлеченным в шпионскую работу.

Как и ожидали в ФРС, передача Павлова американцам, состоявшаяся во время захода его судна в Монтевидео, прошла без каких-либо затруднений, буднично и быстро. По-видимому, и сам агент был заинтересован в новых хозяевах, рассчитывал, возможно, что его денежные дела пойдут несравненно лучше. Надеждам на солидное вознаграждение так и не суждено будет сбыться.

Следующие после Монтевидео стоянки «Профессора Зубова» – судна, на котором плавает Павлов, – Порт-Луи на острове Маврикий и Копенгаген (Дания). На каждой из них – моментальные встречи с разведчиками из Лэнгли. На последней они вручат агенту «план связи» в Советском Союзе. Он искусно заделан в обложку блокнота. Павлов вскроет его дома в Ленинграде. В нем подробная инструкция о тайнике, заложенном в Москве. В ЦРУ ценят Павлова, план предусматривает многие способы связи – тайники в Москве и Ленинграде, условные сигнальные метки, радиопередачи, которые агенту предстоит принимать. Павлову присваивается оперативный псевдоним – «Ролф Даниэл», и персональный номер – 2. Этой цифрой он должен будет помечать в условных пунктах в Ленинграде, что готов к изъятию тайников и закладке контейнеров для своих хозяев из ЦРУ.

Двадцать четвертого июля 1983 года супруга вице-консула США в Ленинграде Дениз Аугустенборг поставила свой автомобиль в условном месте «Влад». Это Владимирская площадь в Ленинграде. Автомашина припаркована багажником к тротуару – значит, заложен тайник в Москве, и агенту нужно срочно выезжать туда, чтобы изъять из него новые задания и материалы для шпионской работы. А четыремя днями раньше разведчик посольской резидентуры Алекс Грищек уже заложил в кустарнике у Серебряно-Виноградного пруда в Измайловском парке Москвы контейнер для «Ролфа Даниэла». Грищек промок под проливным дождем, когда доставил и спрятал в обусловленном месте громоздкий булыжник. В эту ночь он промок до

нити не в одиночку. Его сопровождал разведчик резидентуры Филип Рейнолдс.

В булыжнике – детальные задания по советскому военно-морскому флоту, различные инструкции – о тайниках, радиосвязи, шифровании, расшифровке сообщений, использовании тайнописи. Во вместительном контейнере – шифровальные таблицы, таблетки для изготовления тайнописи, письма на подставные адреса разведки в США, ловко замаскированные под переписку американских туристов, специальное устройство для приема и записи радиопередач разведцентра, которое агенту необходимо подключить к своему бытовому радиоприемнику. И деньги. В ЦРУ знают, как заинтересовать «Ролфа Даниэла».

Между тем, Юрий Павлов уже давно контролируется советской контрразведкой. Его действия в Ленинграде и Москве находятся под неослабным наблюдением. Как и действия тех разведчиков ЦРУ в Москве и Ленинграде, которые причастны к работе с «Ролфом Даниэлом». Дальнейшие события развиваются стремительно.

Вернувшись из Москвы, Павлов на стене старого дома на улице Пестеля поставил свой персональный знак – «2». Разведчики ЦРУ теперь знали: тайниковый контейнер в Измайлово изъят. Оперативная группа ЦРУ в Ленинграде готовилась к приему от агента шпионских материалов, которые он подготовит в соответствии с полученными заданиями. Место закладки тайника с условным названием «Сорок» осмотрели и тщательно проверили. Оно находится на сороковом километре Приморского шоссе. В нескольких километрах от него, в Зеленогорске, – дача генерального консульства. Удобно и конспиративно. В адрес «Ролфа Даниэла» идут радиogramмы ЦРУ – агент должен быть спокоен и уверен в себе и своих партнерах.

Проворачивается еще один эпизод разведывательной операции. Десятого сентября на проспекте Добролюбова в условном месте «Добро» появляется очередная цифра «2». «Ролф Даниэл» готов к закладке тайника «Сорок». На следующий день руководитель оперативной группы ЦРУ в Ленинграде Ричард Мюллер проезжает по проспекту Добролюбова и убеждается, что метка поставлена. Теперь он отправляется на дачу генконсульства, чтобы сообщить об этом Лону Аугустенборгу, сотруднику опергруппы и вице-консулу США, который ждет это известие. Затем Мюллер сразу же возвращается в Ленинград.

По дороге он еще раз проверяет, нет ли засады контрразведки в районе тайника «Сорок».

Чета Аугустенборгов с двухлетней дочерью садится в автомашину и едет к Ленинграду – это решающий этап тайниковой операции. У столбика с пометкой «40 км» Аугустенборг тормозит у обочины шоссе, в двух метрах от тайника. Вокруг ни души. Дениз Аугустенборг выскакивает из автомашины с детским одеяльцем в руках. Она делает неловкое движение, и оно вдруг падает на землю. Да так, что точно накрывает лежащую в траве консервную банку, завернутую в грязную тряпку. В банке шпионские материалы «Ролфа Даниэла». Дениз подбирает драгоценную ношу и спешит к машине. Но сесть в нее ей уже не удастся...

И снова – неизбежная в таких случаях процедура оформления задержания, на этот раз супружеской пары, вызов представителя генконсульства США, вручение ноты диппредставительству, сообщения в средствах массовой информации. Аугустенборг и его шеф Мюллер были объявлены нежелательными лицами, и им пришлось покинуть Советский Союз.

Взаимодействие контрразведывательных подразделений, как и спецслужб в целом, – вещь абсолютно необходимая. Это – истина, и доказательств она не требует. Особенно же такое взаимодействие было важно в том, что касалось первого отдела Второго главного управления и Управления КГБ по Ленинградской области, которое вело контрразведывательную работу по оперативной группе ЦРУ, маскировавшейся в генеральном консульстве в Ленинграде. Разоблачение агента Павлова и задержание супружеской четы Аугустенборгов при изъятии тайниковой закладки от него – один из ярких примеров слаженной оперативной работы подразделения центрального аппарата КГБ СССР и Ленинградского управления, возглавлявшегося в то время Д. П. Носыревым. Успеху контрразведывательной операции способствовала огромная изобретательная работа ленинградских чекистов, руководящих работников управления С. Е. Мануйлова, Ф. А. Маяникова и других.

Шпионское трио в американском посольстве

Деннис Макмэхен и Джозеф Макдональд, третий и второй секретари в административном и экономическом отделах – кадровые

разведчики ЦРУ. Питер Сэмлер, карьерный дипломат, – советник посольства, руководитель экономического отдела, номинальный шеф Джозефа Макдональда.

Что же объединило их? Свел их вместе военнослужащий одного из объектов Министерства обороны СССР Александр Иванов. Летом 1983 года он тайком передал случайно встреченному им на пляже Москвы-реки Питеру Сэмлеру записку, в которой выразил желание послужить американской разведке. Иванову срочно нужны были деньги, и он надеялся поправить свои дела за счет шпионажа. Правда, уже потом, на следствии, «самоинициативный» шпион скажет, что он всерьез помогать американцам не думал. Наивные расчеты – кандидату в шпионы неведома мертвая хватка ЦРУ!

Записка Иванова попадает по назначению. Питер Сэмлер – законопослушный американский гражданин, он хорошо усвоил указания госдепартамента: все сотрудники посольства обязаны активно содействовать разведке. Помощь дипломата весьма кстати – посольская резидентура ищет новых агентов.

Однако продолжать контакт Сэмлера с Ивановым небезопасно. Американец женат на дочери одного из лидеров Народно-трудового союза (НТС), зарубежной антисоветской организации, и, скорее всего, находится под наблюдением КГБ. Так считают в ЦРУ и готовят план: с Ивановым свяжется разведчик резидентуры Деннис Макмэхен. Сэмлер покажет ему Иванова на пляже, куда тот регулярно приходит.

Расчет удался: на московском пляже Макмэхен, получив сигнал Сэмлера, нашел Иванова и вручил ему спичечную коробку «с начинкой». Произошло это незаметно для окружающих, но – не для всех...

Советник Сэмлер был не первым и не последним из американских дипломатов, которые оказывались втянутыми в шпионские операции московской резидентуры. Вспомним 1975 год, когда будущий американский посол в Болгарии, а тогда скромный второй секретарь посольства в Москве Левицки участвовал в вербовке советского гражданина. От этой заманчивой практики ЦРУ не откажется и в последующем. Уже когда Питер Сэмлер «сделает свое дело», нам придется столкнуться еще не с одним подобным случаем.

В спичечном коробке, который Макмэхен старался незаметно передать Иванову, несколько листков тончайшей бумаги небольшого

размера. На одном – письмо ЦРУ. Вот выдержки из него:

«Дорогой друг, мы очень рады, что установили с вами контакт. Глубоко уверены, что наши отношения по мере их развития будут взаимовыгодными. Мы предлагаем вам 5000 рублей, зная, что вы нуждаетесь в деньгах. Они помогут поправить материальное положение, рассчитаться с долгами...».

И вопросы, их много. Вот некоторые из них:

«К какой информации и к каким военным изданиям имеете доступ? Перечислите лиц, с кем вместе служите, их должности. Точно укажите место своей службы и схематически сделайте привязку его к местности...».

На последнем листке – график встреч на четыре месяца вперед. И подробное описание места встречи «Дыб», на улице Дыбенко.

Свидание Денниса Макмэхена, назвавшегося Иванову именем «Володя», с агентом произошло точно по графику. Оба были пунктуальны. Макмэхен явно надеялся на то, что Иванов станет источником ценной информации. А агент был доволен тем, что получил обещанные ему пять тысяч. Прошлись по аллее лесопарка. Пачка из-под сигарет «Пэлл мэлл», куда Иванов запрятал ответы на вопросы, перекинулась в карман разведчика. Для верности Макмэхен записал беседу с агентом, в которой повторил вопросы, на крошечный магнитофон, замаскированный в футляре из-под очков.

Вскоре на этом же месте состоится вторая встреча Денниса Макмэхена с Ивановым. На этот раз разведчик придет не один. Его будет сопровождать жена Лесли. Она, стоя в стороне, будет наблюдать за встречей и потом уйдет вместе с мужем. Но перед уходом Деннис Макмэхен оставит агенту пакет, в котором окажется миниатюрный фотоаппарат с десятью пленками к нему, каждая на двести тридцать снимков, шифроблокнот, инструкция по составлению тайнописных сообщений, тайнописная копия и новый план связи.

Последняя встреча с Александром Ивановым уже согласно этому плану – на новом месте, у входа на Даниловское кладбище. К этому времени Иванова переведут на службу в другой город. Вызвать на очередную встречу американского разведчика ему предстоит условным сигналом, поставленным на Бережковской набережной.

В восемь часов тридцать минут вечера Иванов, держа в левой руке свернутую газету, у «Роши» – так называлось новое место

встречи – ждет «Володю». Но на свидание с агентом приходит не он.

Перед Ивановым предстал незнакомый ему высокий брюнет в очках и с небольшими усиками. Он назвался «Алексом». Это – Джозеф Макдональд, который для маскировки надел очки и приклеил усы. Агент не удивился: «Володя» предупреждал, что на встречу может прийти другой человек, важен был лишь пароль, а он был точен.

Макдональд, как и Макмэхен до него, учинил агенту настоящий допрос. Беседа вновь записывалась на портативный магнитофон. В заключение разведчик вручил Иванову авторучку, на ее стержень была намотана тонкая пленка с новыми планом связи и заданиями ЦРУ. Это была не обычная шариковая ручка. Она содержала специальное вещество, которым можно было исполнять тайнописные сообщения.

Джозефу Макдональду следовало бы поблагодарить судьбу за то, что встреча с агентом прошла для него без осложнений. Возможно, в КГБ посчитали, что «норма» задержаний с личным разведчиков резидентуры уже выполнена, возможно, были другие причины...

Год 1983-й был тяжелым испытанием для посольской резидентуры в Москве. Потери агентов, неудачные вербовки, выдворение из Советского Союза провалившихся разведчиков – все это не могло не побудить кое-кого в ЦРУ подумать: «А не зачехлить ли ракетку?».

В Лэнгли решили по-своему: нет причин и необходимости делать это, наоборот, шпионскую теннисную партию надо продолжать, вести ее сверхэнергично. Нужно не свертывать разведывательные операции в Советском Союзе, а множить их, настойчиво и упорно создавать агентурную сеть, не допускать, чтобы приток информации оттуда иссякал. Иными словами, перед Уильямом Кейси не стоял гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Директор Центрального разведывательного управления знал: деятельность американских спецслужб против Советского Союза должна активно продолжаться, несмотря ни на какие потери.

Солдаты «психологической войны»

Деятельность посольской резидентуры ЦРУ представляла собой самую замаскированную часть разведывательно-подрывных акций, которые велись против Советского Союза в рамках «холодной войны». Ее другими составными частями были: действия разведчиков РУМО

из военных атташатов, радиоэлектронная разведка постов АНБ, акции «психологической войны», в которые были вовлечены многие дипломаты из посольства и генконсульства США в Ленинграде, а также аккредитованные в СССР журналисты из американских информационных агентств, газет и журналов. Разведчики-агентуристы резидентуры в восьмидесятые годы держались от них в стороне – в Центральном разведывательном управлении опасались раскрытия своих людей, им предписывалось решать другие задачи. Так проявлялось своеобразное разделение труда. Но все нити сходились в «разведывательном сообществе» США. Директор ЦРУ был, как известно, руководителем Центральной разведки, координатором деятельности всех американских спецслужб.

В конце семидесятых годов в США вышла книга уже известного нам Г. Розицки «Тайные операции ЦРУ». В ней автор раскрывает цели и механизм этих операций:

«Бороться с коммунистическим режимом на его собственной территории, оказывать помощь движению сопротивления, ослабляя лояльность граждан передачами по радио, листовками и литературой». «Вероятно, – пишет далее Розицки, – самым ощутимым результатом психологической войны было налаживание американских контактов с диссидентами в Советском Союзе. Началась публикация советских подпольных материалов на Западе, и во многих случаях их тайком провозят назад в Советский Союз для более широкого распространения».

Розицки утаивает самое существенное: организацию и руководство акциями «психологической войны» со стороны США и непосредственное участие в них американских дипломатов и журналистов в СССР. По существу беспардонное вмешательство во внутренние дела нашей страны!

Основной внутренней контингент «психологической войны» в Советском Союзе в восьмидесятых годах составляли так называемые «инакомыслящие» – диссиденты, лица, пожелавшие эмигрировать из СССР, в том числе «отказники», то есть советские граждане, которым отказывалось в предоставлении виз на выезд из страны по причинам работы на объектах, связанных с военными секретами. Такие недовольные есть в любой стране, в любом обществе, но далеко не везде они становятся предметом политических спекуляций со стороны

другого государства, объектом манипулирования со стороны его специальных служб. За рубежом они – объект постоянной изощренной антисоветской пропаганды, своеобразной политической рекламы, их именуют не иначе как «борцами за права человека», «узниками совести», «жертвами тоталитарного режима».

Посольством США проводится линия на то, чтобы иметь среди них информаторов, своих доверенных лиц. Поставляемые ими материалы направляются с дипломатической почтой в Вашингтон. Тайные, невидимые постороннему глазу нити связывают американское диппредставительство в Москве с опекаемыми ЦРУ радиостанциями «Свобода» и «Голос Америки», антисоветскими эмигрантскими организациями типа «Народно-трудового союза». «Продукцией» посольства пользуются такие организации как «Международная амнистия», «Всемирная антикоммунистическая лига», «Объединенный совет в защиту советских евреев», «Межпарламентская группа по правам человека в СССР». К созданию и функционированию подобных структур приложило свою руку Центральное разведуправление. Рэй Клайн, бывший заместитель директора ЦРУ, говорит об этом с предельной откровенностью:

«Без нашей помощи эмигрантские группы из СССР не могли бы публиковать множество документов, которые они получали из Советского Союза. В это число входят некоторые известные самиздатовские произведения».

К «психологическим операциям» против Советского Союза привлекались и другие государственные органы США. Вот пример. Еще в 1972 году конгрессом по настоянию проеврейского лобби к одному из законов, регулирующих внешнюю торговлю, была принята известная ныне поправка Джексона-Вэника. Она вводила серьезные ограничения в торговле Соединенных Штатов с Советским Союзом, устанавливала дискриминацию ввозимых советских товаров. Объявленная цель поправки – наказать Москву за ограничения эмиграции лиц еврейской национальности из СССР. Любопытно вот что: ограничений на эмиграцию давно уже нет, но поправка Джексона-Вэника стоит как скала, препятствуя нормализации торговых отношений между нашими странами.

В восьмидесятые годы операциям «психологической войны» против Советского Союза администрацией США был придан

широчайший размах. В ней активно участвовали государственный департамент, Информационное агентство (ЮСИА), другие федеральные ведомства. Ее основой стала принятая администрацией Рейгана так называемая «Программа демократии и публичной дипломатии». На «психологическую войну» были выделены многомиллионные средства из бюджета. Применялось «разделение труда» – тайные операции проводились Центральным разведывательным управлением, за открытые внешнеполитические акции с использованием пропагандистских каналов отвечали госдепартамент и Информационное агентство. Пропагандистское обеспечение возлагалось на ЮСИА. В рамках специальной программы «Истина» была создана координационная группа, которая проводила ежедневные совещания. Она состояла из представителей ЮСИА, госдепартамент, ЦРУ и Пентагона. Согласованные и обработанные должным образом материалы передавались на радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа». Особое значение придавалось сообщениям «очевидцев».

После этого небольшого, но необходимого пояснения пора, пожалуй, поведать об истории с двумя дипломатами посольства США – Пернелом и Глассом, тот и другой – вторые секретари, и о приключении второго секретаря американского диппредставительства Брюса Розенберга. Они не просто были курьерами штаба «психологической войны», передававшими подрывные листовки, литературу, не просто наблюдателями за обстановкой в среде инакомыслящих. Они являлись активными проводниками политического курса Вашингтона на формирование и поддержку оппозиции. Связь с ее представителями обставлялась ими по всем правилам конспирации. Они выполняли нелегкую задачу: гальванизировали угасающее диссидентское движение, сплачивали ряды «отказников», внушали веру в поддержку США, а главное – обеспечивали поступление информации, которую можно было бы использовать в «психологической войне».

Джон Пернел и Джордж Гласс вошли в специальную группу, которую в посольстве торжественно нарекли группой «по правам человека». Оба дипломата владели русским языком, отличались общительностью, умели расположить собеседника к себе. Это позволяло им легко обзаводиться знакомствами и выуживать нужную

информацию. Пернел и Гласс искали контакты, вроде бы нужные для обычной дипломатической работы, особенно Пернел, которому определили место в политическом отделе посольства. Но на самом деле они стремились установить связи, которые были нужны для целей «психологической войны».

Вскоре выяснилось, что Пернел и Гласс, используя дипломатические каналы, пересылали полученные материалы в НТС и на радиостанцию «Свобода». В числе связей американских дипломатов оказалась некая Т. Она обильно снабжала Пернела и Гласса информацией об «отказниках» и других недовольных лицах. За границей их печатали в сборниках «Хроника текущих событий», переправляли в Советский Союз, где Т. выдавала их за выходявшие в СССР издания и распространяла среди своих знакомых. Советские власти, естественно, обратили внимание на эту аферистку и предупредили «диссидентку», которая, в общем-то, не имела ничего общего с идейным инакомыслием.

Вскоре Гласс ввязался в затеянную посольством США некрасивую историю с семейством К. из Алма-Аты. Посольство направило К. вызов в США от имени вымышленного родственника. Когда обман вскрылся, было уже поздно: отец К., не желавший уезжать в США, не выдержал тяжбы с американцами и скончался от инфаркта.

Пернел тем временем зачастил в Московскую хоральную синагогу. Но не потому, что испытывал тягу к иудаизму. Он рассчитывал вести там подстрекательскую работу с лицами, вынашивающими эмигрантские настроения, в том числе с «отказниками».

Противоправные действия Пернела и Гласса не могли не вызвать отрицательной реакции со стороны советских учреждений. МИД СССР сделал представление посольству США, а в печати была опубликована разоблачительная статья «Подоплека одной провокации». В ней убедительно излагалось, как Пернел и Гласс переправляли с дипломатической почтой полученные ими тенденциозные материалы, полученные от некоторых советских граждан. Однако оба дипломата своих противоправных действий не прекратили, а лишь стали прибегать к еще большим мерам конспирации в контактах со своими «клиентами». Наряду с этим контрразведкой была получена информация об участившихся

контактах Пернела с разведчиками посольской резидентуры ЦРУ. Имелись основания заподозрить второго секретаря в связи с американской разведкой.

Во время одного из конспиративных контактов с уже известной нам Т., Пернел и Гласс были задержаны советской контрразведкой. У них изъяли две большие сумки с материалами, которые Т. передала американцам для пересылки на радиостанцию «Свобода» и публикации в «Хронике текущих событий». Пришлось прибегнуть ко всей необходимой в таких случаях процедуре задержания с вызовом представителя посольства. Пернел и Гласс поубавили свою прыть, а вскоре покинули Советский Союз. Что касается Т., то ей пришлось отвечать за свои правонарушения в суде.

В 1983 году посольство США вынуждено было отослать домой еще одного дипломата – второго секретаря экономического отдела Брюса Розенберга. Чем провинился он, если после отъезда из Советского Союза был уволен из госдепартамента? По-видимому, не тем, что был одним из исполнителей операций «психологической войны», не тем, что поддерживал многочисленные связи с «отказниками» в Москве и других городах Советского Союза и распространял среди них антисоветскую литературу. Убрали его из посольства и госдепартамента вовсе не потому, что он являлся ярким еврейским националистом и склонял к выезду из нашей страны советских граждан. «Секрет» откомандирования Розенберга был более прозаическим: он оказался заурядным спекулянтом и ввязался в нечистоплотные сделки с советскими гражданами.

В деле Брюса Розенберга обнаружился след, видимо, активно опекавшего его ЦРУ. Он сетовал на то, что это ведомство не смогло защитить его в трудных обстоятельствах. Не могло или не захотело?

Это дело – лишь одно из проявлений коммерческой деятельности американских дипломатов в нашей стране. Так, бывший вице-консул США в Санкт-Петербурге Роберт Свансон занимался покупкой квартир и сдачей внаем иностранным бизнесменам, а также перепродажей за границей российского антиквариата, который он раздобывал наряду со сбором секретной политической и экономической информации. А между тем сам Брюс Розенберг считал, что он исправно служит ЦРУ. И не понимал, почему люди из Лэнгли не пришли ему на помощь. Беда дипломата в том, что он наряду со

спекуляцией, как и многие его коллеги, любил изрядно выпить. И вот в пьяном угаре ему чудились странные видения. Например, загадочное исчезновение предметов одежды или наручных часов, которые потом почему-то оказывались в холодильнике (!). Он с какой-то непонятной тоской жаловался своему шефу из резидентуры ЦРУ на постигшие его злоключения. Тот согласно внимал Розенбергу, выражал сочувствие, но почему-то рассказ о необычных перемещениях вещей по квартире показался разведчику следствием обильного винного возлияния. Все-таки во всем надо знать меру! Возможно, в госдепартаменте, когда там принимали решение уволить Розенберга, оценили по достоинству и эту его порочную слабость.

Глава 7. Лэнгли идет напролом

Директор разведслужбы размышляет...

В каких бы из многочисленных заграничных резидентур ни находился хозяин Лэнгли, о чем бы он ни задумывался, его мысли неизбежно обращаются к Советскому Союзу. Он поглощен грандиозными планами массивной атаки на «главного противника», планами «отбрасывания коммунизма». Кейси раздумывает об операциях американской разведки, успешных и неудачных.

Наибольший успех в восьмидесятых – это, конечно, Гренада. Маленькое островное государство в Карибском море могло превратиться в форпост советского и кубинского влияния. Вооруженное вторжение США, решительные действия их спецслужб предотвратили такое развитие событий.

Уильям Кейси доволен тем, как идут дела в Афганистане. Похоже, Советский Союз увяз там надолго. Руками моджахедов надо русским нанести максимально возможный урон.

Успешно развиваются операции ЦРУ в Никарагуа. Директор ЦРУ надеется, что в конечном счете удастся вырвать эту центральноамериканскую страну из-под влияния СССР.

«Болевая точка» Советского Союза – Польша. Кейси уделяет акциям в этой стране самое большое внимание. Агентурная сеть разведки управления действует в ПНР очень активно. Правда, в 1981 году пришлось спасать одного из суперагентов – полковника генштаба польской армии Рышарда Куклиньского. Его вывезли с берегов Вислы прямо на берег Потомака.

Ангола – еще одна «головная боль» Советского Союза. Кейси доволен ставленником ЦРУ Джоном Савимби. Хозяин Лэнгли знает, как обойти запрет конгресса на помощь боевикам.

Конечно, не все получается, как планировалось. Устоял режим Муаммара Каддафи в Ливии. Никак не удается справиться с Фиделем Кастро. Убит американский агент ЦРУ Бешир Жмайель, на которого делалась серьезная ставка в Ливане. Зато удалось вывести из игры

одного из крупнейших советских союзников на Ближнем Востоке – Египет.

Да, не все идет гладко. Не удалось, например, приплести Москву к покушению на Рональда Рейгана, совершенному в марте 1981 года неким Джоном Хинкли. Зато ЦРУ попыталось отыграть на покушении турецкого террориста Агджи на Папу римского. Версию о причастности Советского Союза к международному терроризму необходимо поддерживать всеми силами...

Но главное, к чему все время возвращался в мыслях Уильям Кейси, это дела в самом Советском Союзе, операции московской резидентуры, а также акции американской разведки против советских граждан за рубежом.

Энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки», изданный в 1988 году, дает достаточно емкую характеристику советско-американских отношений в период первого президентства Рональда Рейгана:

«Военно-политическая конфронтация двух государств из-за размещения ракет средней дальности на Европейском континенте; безрезультативность проходивших в 1981–1983 гг. советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе и о сокращении стратегических наступательных вооружений; плохой политический климат и рост недоверия и подозрительности сторон друг к другу; сведение к минимуму контактов и связей в сферах двусторонних советско-американских отношений».

На таком фоне разворачивалось противоборство спецслужб двух стран.

Как директор центральной разведки, куда сходилась вся информация, добываемая службами разведывательного сообщества, Уильям Кейси был достаточно осведомлен об ухудшении экономического положения и о сложных внутривнутриполитических проблемах Советского Союза. Директору ЦРУ известны те меры, которые наметил предпринять Вашингтон, чтобы этот процесс усиливался, чтобы продолжали тормозиться американо-советские торгово-экономические связи, чтобы в СССР не попадало современное оборудование и высокие технологии.

Однако уровень агентурной информации непосредственно из СССР, особенно о положении в высших эшелонах власти, столь

необходимой сейчас, удручающе низок. Виной тому, считает Кейси, слабость и неэффективность предыдущих усилий по вербовке источников в Советском Союзе. Да, при Стэнфилде Тернере посольской резидентурой в Москве было завербовано несколько советских граждан, но лишь один-два действительно могли давать информацию, достойную внимания. К тому же большая часть агентов выявлена советской контрразведкой.

Хозяину Лэнгли трудно отделаться от впечатления, что Тернер и его предшественники не принимали должных мер, чтобы повысить эффективность вербовочной работы в СССР и шли на поводу у тех, кто считал ее делом малоперспективным из-за сложности оперативной обстановки и противодействия советской контрразведки, почти исключая возможность приобретения агентов на территории нашей страны. Нет, директор ЦРУ не против специальных технических операций. Правда, одна из них (ее кодовое название «Айви белз») уже при нем закончилась провалом. Но Кейси не жалеет: операция уже принесла свои плоды, получены ценные материалы, а главное, приобретен серьезный опыт, и он пригодится.

Хозяин Лэнгли уже информирован о том, что улучшилось общее наблюдение за СССР, за запусками ракет и передвижением подводных лодок благодаря использованию новейших разведывательных средств. В ближайших планах ЦРУ – новые специальные технические операции. Имеется в виду проводить их непосредственно на территории Советского Союза. Не надо бояться риска.

Но главное – это надежная и эффективно действующая агентурная сеть ЦРУ в Советском Союзе. Над созданием и использованием ее и должна трудиться московская резидентура. И не только она, другие подразделения американской разведки во всем мире тоже.

Уильям Кейси точно знает о неудачах и потерях резидентуры в Москве в 1981–1983 годах. Но особенно не переживает. Все это случайные эпизоды, издержки в работе всегда неизбежны. У каждого агента – свой отведенный ему судьбой срок. Московская точка хорошо работает с наиболее ценным источником ЦРУ в Советском Союзе – агентом «Сфера». Его информация радует Кейси – это действительно «драгоценность из драгоценностей».

Как обойти препоны, которые ставит КГБ? Для Кейси очевидно: во-первых, следует еще больше усилить вербовочную работу по

советским гражданам за пределами СССР; во-вторых, должна использоваться любая возможность, любая «зацепка» в самом Советском Союзе. А это прежде всего «инициативники». Кейси уверен: сотрудничество с ЦРУ – мечта многих советских людей. Конечно, необходимо тщательно проверять каждого, кто предлагает свое сотрудничество. Будет ли он хорош как поставщик нужной информации и не является ли подставой советской контрразведки? В то же время «инициативники» дают ЦРУ серьезное преимущество. Не требуется применять трудоемких и дорогостоящих методов и способов вербовки. Ведь они, «инициативники», уже созрели для шпионского сотрудничества...

Провал агента «Сфера»

Адольф Григорьевич Толкачев, ведущий конструктор с тридцатилетним стажем работы в НИИ «Фазотрон», где разрабатывалось электронное оборудование для оборонных систем, был полон решимости реализовать свою навязчивую идею. Он горел желанием установить контакт с американской разведкой. Им двигала не только жадность к деньгам. Важным побудительным мотивом было свойственное «супермену», «сверхчеловеку» – а он всегда считал себя таковым – стремление совершить поступок, на который не способен простой смертный. И обида, которая пряталась в глубине души, обида на то, что его, как он считал, выдающиеся способности не замечают и по достоинству не оценивают. Вот почему «супермен» решает бросить вызов государству и обществу.

План «инициативника» был несложен. Толкачев передает кому-нибудь из посольства США записку с предложением о шпионском сотрудничестве. Он не сомневался: его личность, его информация не могут не заинтересовать ЦРУ.

Но Толкачев не знает, что выбранный им момент для установления контакта с американской разведкой в 1978 году крайне неудачен. Не так давно советская контрразведка разоблачила агентов «Тригона» и «Блипа». Резидентуре пришлось поплатиться за это задержанием и выдворением из СССР двух разведчиков ЦРУ – Марты Питерсон и Винсента Крокетта. Указания тогдашнего хозяина Лэнгли Стэнфилда Тернера лаконичны и недвусмысленны: связь с агентурой

приостановить, опасаться «инициативников», среди них наверняка окажутся «подставы» КГБ.

Толкачев не знает об этом, и его первая попытка связаться с американской разведкой оказалась неудачной. Руководителю московской резидентуры Гарднеру «Гэсу» Хаттавею категорически запретили выходить на встречу с ним.

Неудача не остановила Толкачева. Он продолжал искать связь с людьми из посольства. Спустя две недели настырный «сверхчеловек» передает американцам вторую записку. На этот раз к ней приложен секретный чертеж одной из радарных систем, которые разрабатывает НИИ. И снова – молчание. Осторожный Тернер не хочет рисковать. Взбешенный Хаттавей рвет и мечет. И лишь после четвертой записки, когда резидент предложит безопасный с его точки зрения способ контакта с «инициативником», директор ЦРУ сдался и нехотя дал согласие.

Однажды вечером, это было уже в начале наступившего 1979 года, Хаттавей позвонил Толкачеву на квартиру (в одной из записок тот указал номер своего телефона). В очень коротком разговоре разведчик сообщил, что для него в одной из телефонных будок спрятан пакет, который тот должен немедленно забрать.

Джон Гюльшер, заместитель Хаттавея, со стороны осторожно наблюдал, как Толкачев изъясил послание. В нем вопросы, и довольно трудные. Ответы на них должны убедить специалистов из Лэнгли, что они имеют дело не с «подставой» контрразведки, а с настоящим «инициативником».

Разведчик демонстрирует свою заинтересованность: в пакете пятьсот рублей, сумма немалая по тем временам. Кстати, когда цэрэушники убедятся в ценности информации, денежное вознаграждение агенту значительно возрастет.

Толкачеву предлагается оставить свои ответы в другой телефонной будке. Ее своевременно подберут разведчики резидентуры.

Информация Толкачева не вызвала сомнений. Московской резидентуре разрешили провести с ним личную встречу. Результаты ее окончательно убедят, что американцы имеют дело с самоуверенным человеком, склонным к авантюризму, тщеславным и корыстолюбивым. Но важнее всего для разведки то, что Толкачев действительно имеет

доступ к ценнейшей информации. Это определяет решение: с ним надо наладить регулярные встречи. Отныне он – агент ЦРУ, псевдоним «Сфера». Была у него и другая кличка – «Победа». Какая из них появилась первой – не могу сказать. Одно мне известно определенно: в практике ЦРУ часто меняются псевдонимы агентов и названия разведывательных операций.

В поле зрения советской контрразведки Толкачев попал не сразу, но уже на первом этапе действия разведчиков не остались незамеченными. Полученные оперативные материалы пригодились в ходе нашей разработки агента «Сфера», а потом и в расследовании всех обстоятельств дела.

В ЦРУ строго соблюдают правила обращения с «инициативниками» в Советском Союзе. Ими обязана строго руководствоваться московская резидентура. Порядок использования «инициативников» жестко регламентирован. Он может меняться, если меняется обстановка. Но всегда он требует максимальной осторожности. В Лэнгли боятся, что таким путем советская контрразведка может внедрить в его агентурную сеть своих агентов. Но ведь недаром говорится: «Волков бояться – в лес не ходить». ЦРУ идет на риск. Еще Аллен Даллес, один из первых руководителей на заре управления, призывал не отказываться от «инициативников», ибо даже если из нескольких предложений полезным окажется лишь одно, полученные дивиденды оправдают риск и затраченные усилия.

«Проникновение к секретам, находящимся за железным занавесом, – отмечает Даллес, – облегчается для Запада добровольцами, переходящими на нашу сторону».

Тактика ЦРУ относительно «инициативников» предельна ясна. Остается воплотить ее в скрупулезные правила контакта с такими лицами. От этапа получения обращений «инициативников», проверки их личности и переданной информации, отсеивания опасных, ненадежных и ненужных людей до закрепления отношений с теми, кто окажется действительно ценным источником, и «выкачивания» всех сведений, что могут пригодиться разведке. Но это уже дело профессиональных аналитиков, бдительных работников управления контрразведки Центрального разведуправления, сотрудников посольской резидентуры.

Адолф Толкачев прошел первичную проверку. Пока подозрений в отношении его нет. Лэнгли и московская резидентура разрабатывают план использования агента «Сфера». Для начала предусматриваются безличные условия связи. Они относительно безопасны. В ЦРУ понимают: агент еще не закреплен, к нему не может быть полного доверия. Но потом Толкачеву предлагается более сложная система конспиративной связи, включающая использование тайников, односторонние передачи европейского радицентра, письма на подставные адреса разведки в США. Такая связь уже опробована в работе с другими агентами и дает хорошие результаты.

Агента «Сфера» вооружают необходимым шпионским реквизитом: подробным планом связи, описанием мест тайников, шифровальными и дешифровальными таблицами, тайнописной копиркой, заранее заготовленными письмами, исходящими от будто бы иностранных туристов. В них Толкачев должен посылать свою информацию в шпионский центр. Несколько позже ему передали специальную портативную аппаратуру для ближней радиосвязи с посольской резидентурой.

Агент запаниковал. Он не справится со всей этой громоздкой системой связи, не уверен в ее надежности и безопасности и предпочитает личные контакты в Москве. Кураторы в Лэнгли в конце концов соглашаются. Они не хотят терять агента, который по своим возможностям должен представлять немалую ценность для разведки. К тому же в управлении и резидентуре рассчитывают на эффективность тех мер, которые будут приниматься при личных встречах с агентом, и, конечно, на то, что разведчик защищен дипломатическим статусом.

Итак, ЦРУ приняло условия агента: личные встречи в Москве с предварительной постановкой сигналов. В управлении всегда соглашаются, когда видят выгоду, а тут она несомненна. В советском отделе Оперативного директората и посольской резидентуре разрабатывается рассчитанный на несколько лет график. Личные встречи – два-три раза в год, продолжительностью по пятнадцать минут каждая. Места встреч подобраны в различных окраинных районах Москвы. Это малолюдные улицы, площади, скверы. Местам встреч присвоены условные наименования, в основном женские и мужские имена: «Нина», «Анна», «Петр» и так далее. Это позволит

разведчикам для вызова агента на встречу использовать телефонный звонок, конечно, из автомата. Такой звонок всегда можно представить как ошибочный. Ответ Толкачева тоже должен быть «со значением»: готов к встрече или такой возможности у него пока нет. Можно легко представить разговор по телефону. Скажем: «Позовите, пожалуйста, Нину». И это означает вызов на встречу к месту под кодовым названием «Нина». Два варианта ответа агента – «Вы ошиблись, у нас таких нет» или «Вы не туда попали» означали бы его готовность или неготовность к встрече.

Телефонный вызов можно при необходимости повторить в другое время. Во всяком случае, у агента всегда под рукой постоянный график встреч.

В других, не экстренных, случаях обязательным условием готовности Толкачева к встрече была постанова им заранее обусловленного сигнала. Сначала таким сигналом был электрический свет, который агент зажжет в определенное время в своей квартире. Потом – открытая настежь форточка в одном из окон. Поскольку агент жил в доме на Садовом кольце и недалеко от посольства, появление на маршруте у дома кого-либо из сотрудников резидентуры не должно вызвать никаких подозрений у контрразведки.

План связи определял и порядок вызова агентом на встречу разведчиков. Готовность резидентуры к встрече в этом случае – зажженный свет в известном агенту окне здания посольства США на улице Чайковского.

Резидентура предупредила агента «Сфера», что встречи с ним могут проводить разные разведчики. На этот случай были предусмотрены вещественный и словесный пароли. Вещественный пароль – агент держит в левой руке книгу в белой обложке. Это действительно было необходимо – с Толкачевым за период его шпионского сотрудничества встречалось пятеро оперативников резидентуры. С шестым, Полом Стомбау, который готовился к контакту с агентом «Сфера», мы уже знакомы и скоро встретимся еще раз.

Сотрудники резидентуры, поддерживавшие контакт с Толкачевым (Джон Гюльшер, Уильям Планкерт, Дэвид Ролф, Роберт Моррис, Джон Якли), были, как правило, разведчиками с большим опытом в Советском Союзе. Если же его недоставало, это компенсировалось

специальной подготовкой в Лэнгли, многочасовой проверкой при выходе на встречу, применением маскировочных средств, наконец, расчетом на везение.

При всей их рискованности личные встречи с Толкачевым были крайне необходимы для ЦРУ. Они позволяли резидентуре оперативно передавать агенту задания и инструкции, специально изготовленные минифотоаппараты, закамуфлированные под брелоки для ключей, а также стимулировать его активность как агента рассказами о важности его шпионской деятельности для руководства США, вручением крупных денежных сумм в качестве вознаграждения, различных подарков.

В Лэнгли знали, как велика сила материального воздействия. Стимулятором считалось и открытие на имя агента долларового счета в одном из банков США. Мне приходилось слышать от американских источников, что такие счета закрываются и деньги изымаются в пользу управления, если по каким-либо причинам агенту не удастся перебраться за океан. Интересно, воспользовались ли подобными банковскими счетами те разоблаченные советской контрразведкой шпионы, которые в недавнее время были амнистированы в России и, как, например, Владимир Поташов, уехали в США?

На каждой встрече разведчики резидентуры заверяли агента «Сфера» в его благополучии. «Следование нашим инструкциям – полная гарантия вашей безопасности, – так или примерно так говорилось на встречах, – КГБ никогда не узнает о нашем контакте, если вы будете четко выполнять наши указания». Толкачев действовал предельно осторожно, старался не привлекать к себе внимания, полученные от ЦРУ деньги почти не тратил, прятал их в потайных местах до лучших времен. И все же, как признавался агент после задержания следователям КГБ, он постоянно испытывал гнетущее чувство страха и приступы отчаяния. Стал сильно пить, пришлось обращаться к наркологу, не помогли и транквилизаторы, которые просил у американцев. Однажды не выдержал и сжег полученные деньги, сотни тысяч рублей.

С агентом «Сфера» неоднократно обсуждались варианты его нелегального выезда за границу. Один из них – тайный вывоз на специальном американском самолете, который еженедельно доставляет в Москву дипломатическую почту, снаряжение и различные

товары для посольства. Другой – в Финляндию автомашиной с дипломатическим номером. Сняли «мерку», выяснили размеры тела, чтобы можно было сконструировать специальный ящик для размещения в нем агента.

Секретные документы агент «Сфера» в обеденный перерыв выносил из НИИ «Фазотрон» и фотографировал дома. Для этого в ЦРУ, по предложению Толкачева, изготовили поддельный пропуск на выход, поскольку свой настоящий он должен был сдавать в отдел технической документации взамен полученных материалов. В ЦРУ для него были изготовлены еще два подложных документа, так называемые карточки – разрешения на право пользоваться технической документацией. Что это за карточки? Для чего они понадобились агенту? Хитроумная уловка эта была нужна для маскировки действий Толкачева, когда он брал документы в отделе документации для того, чтобы в подлинном разрешении не потребовалось бы записывать такое большое количество материалов, которые агент получал в отделе документации. Записи о взятых документах можно было теперь делать в «запасных» карточках, в которых умельцы из Лэнгли искусно подделали подписи руководителей института, разрешающих ознакомление.

Через некоторое время агент «Сфера» для пущей безопасности своей перестанет выносить документы домой и будет фотографировать их с величайшими предосторожностями в туалете института. Но недаром существует поговорка о «веревочке», которой не суждено долго «витья»...

А пока агент в поте лица своего добывал материалы для американской разведки, которой от него самого было хорошо известно, чем занимается институт. Задания ЦРУ вращались вокруг тематики работы НИИ – электронного оборудования военных самолетов и других систем, применяемых в советских вооруженных силах. Предоставим слово руководителю американской разведки. Вот еще некоторые выдержки из писем агенту «Сфера»:

«Еще раз благодарим вас за ценную информацию. Потеря такой информации была бы тяжелым ударом. Риск потерять вас для нас просто неприемлем... Сердечно вас благодарим за сугубо важную письменную информацию. Она высоко оценена нашими экспертами».

А вот еще одна оценка кураторов шпиона:

«Толкачев с лихвой оправдал расходы на него ЦРУ. Он выдал нам информацию о советской электронной технологии, применяемой в авиации. Если бы началась война, у нас было бы бесспорное превосходство в воздухе».

На одной из встреч агент «Сфера» получил от ЦРУ «драгоценный», но опасный «сувенир» – авторучку с ампулой, в которой содержался быстродействующий смертельный яд. Американские источники утверждают, что Толкачев сам попросил об этом, и разведчики резидентуры его, мол, долго отговаривали от этого шага. Оперативные и следственные материалы по делу не дают ясного ответа на этот вопрос. Во всяком случае, не выявлено, что Толкачева «отговаривали». Наши специалисты установили, что такой же «подарок» передавался в свое время агенту «Тригону», который сумел воспользоваться ядом и, к радости цэрэушников, не попал живым в руки советской контрразведки. Директор ЦРУ Стэнсфилд Тернер, при котором был завербован агент «Сфера», утверждал в конгрессе США, будто ЦРУ отказалось от применения ядов и психотропных препаратов. Наша оперативная практика опровергает эти утверждения. Яд в руках агента – удобный случай избежать разоблачения деятельности американской разведки. «Тригон»-Огородник смог им воспользоваться, а вот «Сфере»-Толкачеву этого сделать не удалось: арест оказался для него неожиданным.

В связи с делом агента «Сфера» удалось избежать задержания с поличным разведчику резидентуры Джону Якли. Скромный атташе отдела кадров американского посольства провел последнюю встречу с агентом на Ходынской улице, в месте, названном в инструкции именем «Саша». Провалился и был захвачен с поличным другой сотрудник резидентуры, разведчик «глубокого прикрытия» Пол Стомбау. С описания этого эпизода я и начал свою книгу. Добавлю.

Для отвлечения внимания советской контрразведки от предстоящей встречи Стомбау с агентом «Сфера» ЦРУ прибегло к хитроумному трюку – руководитель московской резидентуры Мурат Натирбофф отправляется из Москвы на Северный Кавказ. Он – уроженец тех мест. Расчет прост: в контрразведке никогда не подумают, что во время проведения серьезнейшей агентурной операции резидент будет отсутствовать в Москве. Трудно

предположить, что Мурат Натирбофф решился на «бегство с поля боя» без санкции Лэнгли.

...Двадцать два часа. Напряженное ожидание контрольного телефонного звонка в квартире заместителя руководителя резидентуры Уильяма Норвилла. Но условного звонка от Пола Стомбау, который означал бы успешное окончание встречи с агентом, все нет и нет.

Норвилл нервничает, но продолжает ждать. Наконец, следует телефонный звонок, но это не долгожданный сигнал. Норвиллу сообщают, что Пол Стомбау задержан советской контрразведкой. Он сразу же все понимает. Ему придется разбираться с провалом разведчика и готовить телеграмму в Лэнгли. Занятие не из приятных. Но заместитель резидента должен нести свой крест!

А что Пол Стомбау? В момент задержания он, конечно, не знал, что агент, которого он ожидал на Кастанаевской улице, арестован советской контрразведкой, находится в следственном изоляторе КГБ в Лефортово и полностью признал свою шпионскую связь с ЦРУ. Да, американский разведчик мог наблюдать в сотне метров от него, как «задерживают» и усаживают в автомашину мужчину с книгой в белой обложке. Но это был не агент «Сфера», а загримированный под него сотрудник КГБ. Стомбау не подозревал и о том, что в руках контрразведки находятся неоспоримые улики, раскрывающие контакт Толкачева с американской разведкой. Во время негласного обыска в квартире Толкачева была обнаружена злополучная ампула с ядом, имелись основания полагать, что аналогичную ампулу шпион носит с собой. Вот этим-то и объяснялся неординарный способ задержания и ареста агента, который избрали контрразведчики, чтобы воспрепятствовать ему воспользоваться капсулой с ядом. Все это видно на фотографии, где запечатлен эпизод задержания шпиона: контрразведчики окружили его по рукам и ногам и зажали голову, чтобы он не крутил ею (вдруг капсула зашита в угол воротника рубашки).

Сейчас некоторые подробности задержания Толкачева известны из опубликованного в журнале «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки» (№ 2, 1993 год) рассказа «Захват», автор которого – сотрудник специального оперативного подразделения «Альфа». Должен сказать, что подключение «Альфы» к аресту агента «Сфера» было идеей начальника Седьмого управления

Е. М. Расщепова. Он, как руководитель подразделения, был вправе распределять силы и средства своего управления. Сотрудники «Альфы» принимали участие в этой операции контрразведки и задачу свою выполнили блестяще. Но, не в обиду будет сказано им, основная роль в ней принадлежала тому подразделению Седьмого управления, которое возглавлялось Н. Прохоровым, П. Пальчуновым и В. Шароватовым, с которым первый отдел Второго главного управления постоянно и плодотворно контактировал в ходе всей работы по посольской резидентуре в Москве.

Сотрудники этой структуры находились на посту днем и ночью, не считаясь со временем и сложными погодными условиями, трудились самоотверженно и результативно, решая сложнейшие задачи контроля за действиями разведчиков посольской резидентуры.

Толкачева постигла суровая кара. Верховным судом СССР он был приговорен к исключительной мере наказания. Агент «Сфера» не мог ожидать снисхождения от страны, которую он сознательно и дерзко предавал и безопасности которой нанес большой ущерб.

Телеграмма резидентуры о задержании советской контрразведкой Пола Стомбау на месте встречи с агентом «Сфера» была для ЦРУ громом среди ясного неба. Там поняли, что это означает провал самого агента. Когда в Лэнгли оправились от первого шока, стали лихорадочно искать причины провала агента и разведчика резидентуры. Было выдвинуто немало версий. Конечно, всегда хочется отвлечь внимание от собственных ошибок и недоработок и свалить вину на «чужого дядю» или на какие-то объективные обстоятельства, вплоть до самых фантастических. По понятным причинам, я не смогу удовлетворить любопытство ЦРУ. Скажу лишь, что ни одна выдвинутая там версия не дает точного и ясного ответа на вопрос о причинах провала резидентуры. Ни по делу агента «Сфера», ни по ряду других разведывательных операций в Советском Союзе. Хочу в связи с этим напомнить «яйцеголовым» аналитикам американской разведки старинную англосаксонскую поговорку: «Нельзя найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет».

Операция на Калужском шоссе

Когда на штаб-квартиру ЦРУ во второй половине 1985 года обрушился поток панических телеграмм из московской резидентуры о

«непонятных» провалах и неудачах, некоторые из них имели прямое отношение к разведывательной операции под кодовым названием «Бильярдный шар». В Лэнгли восприняли сообщения резидентуры с тревогой, ведь речь шла об особо секретной операции по установке и эксплуатации автоматического устройства технической разведки (АУТР) на телефонной линии Москва-Троицк, что на Калужском шоссе, недалеко от Московской кольцевой автомобильной дороги.

Там эту операцию относили к «чувствительным» специальным акциям, то есть к таким оперативно-техническим мероприятиям разведки, которые затрагивают национальные интересы США, и раскрытие которых сопряжено с компрометацией руководства страны. Ведь санкцию на их проведение дает лично президент страны.

Операция «Бильярдный шар» приносила обильную информацию, но всегда была связана с большим риском. Поэтому, как заверяла резидентура, она обставлялась строгими мерами конспирации и безопасности.

Что же произошло?

Начать придется издалека.

Московская кольцевая автомобильная дорога (МКАД) – важная артерия страны. Как шумные ручейки в полноводную реку, в нее со стороны Московской области «впадают» автострады, шоссе и просто проселки. Один такой ручеек – Калужское шоссе.

В пятнадцати километрах от МКАД стоит Троицк, провинциальный городок, каких немало в нашей стране. Он из тех городов, которые «на карте генеральной кружком означены не всегда». В городе все знают друг друга. Пожалуй, всем известно, что в нем находится учреждение, которое принято называть «почтовым ящиком». Это объект оборонной промышленности, связанный с разработкой лазеров. «Троицкий объект», как, впрочем, и многие другие, давно как магнитом притягивал к себе внимание американских спецслужб. ЦРУ, по всей вероятности, стало известно о нем от одного из советских эмигрантов, проживавшего в этом районе. Далеко не секрет, что в американской разведке разработана и действует специальная программа опроса эмигрантов из нашей страны, средств на нее не жалеют. Щедро оплачивается информация о войсковых частях и военных аэродромах, складах вооружения и боеприпасов, о промышленных предприятиях и научных учреждениях.

Однако подобраться к «Троицкому объекту» «по суше» для ЦРУ и РУ МО было просто невозможно. Городок находился в так называемой закрытой зоне, куда доступ для иностранцев был строго запрещен. Небо – другое дело. Помните, наверное, как настойчив был президент Эйзенхауэр в попытках создать условия для воздушной разведки, как негодовали в Вашингтоне, когда Советский Союз отказывался признать принцип «открытого неба». Недаром так упрямо пробивалась программа «У-2». И вот Национальное управление воздушной космической разведки (НУВКР) США, запуская свои разведывательные спутники в небо над Советским Союзом, восполняет «пробелы» других американских спецслужб. Снимки, полученные спутниками, великолепны, но «Троицкий объект» и на космических фотографиях выглядел недосягаемой целью.

И вот на одном из фотоснимков специалисты ЦРУ обнаруживают любопытную картину, которая не может их не заинтересовать. На трассе Москва-Троицк ведутся работы по рытью траншей, явно предназначенных для прокладки телефонных коммуникаций. По снимкам нетрудно установить: телефонные линии соединят «Троицкий объект» с Москвой. Теперь, методично наблюдая с помощью фоторазведки из космоса за прокладкой кабелей, в Лэнгли не мешкая спланировали трудоемкую, но сулящую большие надежды специальную операцию «Бильярдный шар» по установке аппаратуры подслушивания на телефонной линии. Американским шпионам везет: то ли по непредусмотрительности, то ли по простой халатности строителей линия оказалась незащищенной. Возможность съема с нее информации разведчики посольской резидентуры в Москве выявили в самом начале восьмидесятых годов с помощью специального портативного прибора. Тогда же резидентура в районе пересечения Калужского шоссе с МКАД определила место подключения к этому незащищенному кабелю специального электронного комплекса для прослушивания и записи телефонных разговоров.

Здесь пригодился ЦРУ опыт «Берлинского туннеля»^[22], камчатской операции «Айви белз» и других сходных разведывательных акций. С той только разницей, что в данном случае не придется прокладывать к кабельным линиям подземный туннель. Помогут колодцы, каких на телефонной трассе сооружено немало, один из них и облюбуют разведчики резидентуры. Расположение

колодца в небольшой чаше было выбрано с таким расчетом, чтобы оно не просматривалось с Калужского шоссе. Сотрудники резидентуры воспользовались еще одной оплошностью наших строителей: чугунную крышку люка колодца может легко поднять каждый, кому вздумается, ее не снабдили специальным защитным приспособлением.

Так что же это за хитроумное электронное чудо? Попробую ответить на этот вопрос языком неспециалиста. На телефонный кабель (если он не имеет специальной защиты, как это было в данном случае) устанавливается индуктивный (то есть требующий непосредственного подсоединения к проводу) датчик съема информации. Датчик – он в форме двух половинок полого цилиндра – соединен кабелем с электронным блоком, размещенным в металлическом ящике. В этот электронный блок входят: магнитофон (он включается автоматически при телефонном разговоре), система управления магнитофоном, приемопередатчик, блок питания, рассчитанный примерно на 4–6 месяцев работы магнитофона. Умное устройство должно было в основном фиксировать только «полезные» для ЦРУ служебные разговоры. Для этого в память встроенного в блок микрокомпьютера была заложена специальная программа. Скажем, магнитофон не реагировал на телефонные звонки во время обеденного перерыва, «игнорировал» субботние и воскресные дни.

Ящик с электронным блоком закапывался в землю недалеко от колодца на глубину примерно полуметра. На корпусе ящика яркой краской надпись: «Опасно! Высокое напряжение!». Эта предусмотрительность необходима на тот случай, если кто-нибудь случайно наткнется на ящик, раскапывая землю у люка. Ящик прикрывала металлическая сетка, и он был посыпан репеллентом – специальным химическим составом для отпугивания грызунов. На небольшом расстоянии от ящика с электронным блоком в землю закапывалась на небольшую глубину антенна УКВ, также присоединенная кабелем к блоку. Она была необходима для того, чтобы контролировать работу приборов электронного блока со значительного расстояния – до полутора-двух километров. С этого расстояния разведчик мог подать условный сигнал и получить кодированный ответ, требуется ли замена кассет и питания, а также не было ли в установленную аппаратуру постороннего вмешательства. Таким образом, московская резидентура примерно два раза в году

проводила операции по изъятию и замене записанных кассет и блока питания. Можно легко представить себе, из каких районов это делалось, и насколько безопасны для разведчиков были контрольные и «боевые» выезды.

Как была в первый раз проведена установка специальной перехватывающей аппаратуры на кабеле телефонной связи «Троицкий объект»-Москва? Сначала послушаем американского журналиста Пита Эрли, который получил информацию от источников в ЦРУ. Вот что он пишет в своей книге «Признания шпиона»:

«В 1980 году технический специалист ЦРУ был тайком вывезен из посольства США в Москве в автофургоне, где он был спрятан. Когда водитель убедился, что слежки нет, он выехал в отдаленный район Москвы, и там сотрудник ЦРУ выскочил из автофургона и спрятался в лесу. Он нашел нужный телефонный колодец, залез внутрь и установил там на кабеле сложное подслушивающее и записывающее устройство».

Дополним этот скупой рассказ журналиста нашими оперативными данными.

Сняв без труда крышку люка, разведчик проник в колодец, где открывался доступ к телефонным кабелям. Выбрав нужный и еще раз убедившись с помощью принесенного прибора, что кабель не защищен, он установил на нем «половинки» датчика, закрепил их муфтой и зажимами и с помощью штанги продвинул датчик на 1–2 метра в глубь асбестовой трубы, проложенной к следующему колодцу. Затем через сделанное в трубе отверстие разведчик вывел на поверхность земли, минуя колодец, соединительный провод от датчика и подключил его к электронному блоку. Закончив таким образом работу внутри колодца, разведчик вылез из него и приступил к следующему этапу. Он закопал ящик с электронным блоком, антенну и все соединительные провода, насыпал поверху отпугивающий грызунов репеллент, замаскировал всю площадь раскопок слоем дерна. В общей сложности эта трудоемкая операция потребовала нескольких часов напряженной работы.

Известны ли были советской контрразведке исполнители этой дерзкой операции? В основном да. Это – Луис Томас, атташе службы безопасности американского посольства; Джин Койл, также кадровый сотрудник ЦРУ, занимавший в посольстве должность работника по

закупкам советской литературы; Деннис Макмэхен, третий секретарь административно-хозяйственного отдела. Разведчик-агентурист резидентуры, он будет выступать, как известно, в составе «шпионского трио» и примет активное участие в вербовке советского военнослужащего. Говорю «в основном» потому, что контрольные выезды могли совершаться и другими сотрудниками резидентуры. Впрочем, об участии названной троицы в операции «Бильярдный шар» стало известно не сразу. Резидентура тщательно оберегала эту акцию, разведчиками применялись изоощренные приемы проверки и маскировки, даже в тех случаях, когда можно было не приближаться к месту закладки на телефонном кабеле и лишь входить в зону действия контрольных приборов. Вот, например, один из эпизодов в 1982 году. Действующих лиц маскарада двое – известный нам атташе отдела безопасности посольства Луис Томас и жена другого сотрудника резидентуры Дебора Рейнолдс. Им по сценарию предстояло сыграть роль двух «подруг». Задумано – сделано, и мужчину Луиса Томаса переодели женщиной. Это, впрочем, нетрудно при нынешнем богатстве средств перевоплощения и минимальной изобретательности.

Третий секретарь посольства Деннис Макмэхен слыл в своем окружении «свойским парнем», весельчаком и балагуром. И еще он всячески афишировал любовь к русскому языку, правда, любовь необычную. Он коллекционировал слова и выражения, которые иногда называют «блатными» и «заборными». Многие видели в этом странную черту характера, другие, особенно те, кому сам Деннис поведал свое желание заняться преподавательской деятельностью по возвращении домой, считали это чудачество необходимым для будущего специалиста по русской словесности. Лишь коллегам Макмэхена по резидентуре было известно, кем он являлся в действительности и какую работу выполнял в Москве. Ну, а пока весельчак и балагур служил в административно-хозяйственном отделе посольства и стремился не выделяться среди других американских дипломатов.

Советской контрразведке было, конечно, известно о том, что летом 1977 года Деннис Макмэхен был экскурсоводом-переводчиком на передвижной выставке «Фотография в США» в Новосибирске и о некоторых его «шалостях» там, которые не могли не привлечь внимания. Но контрразведчики еще не знали, что до приезда в

Советский Союз он проходил в Лэнгли специальное обучение тем приемам и навыкам, которые пригодятся ему в Москве в операции «Бильярдный шар». Уже во время пребывания в нашей столице не остались незамеченными длительные поездки Денниса по окрестностям города.

В тот памятный летний день, 27 июня 1982 года, Макмэхен с тяжелым рюкзаком за плечами совершал одну из таких поездок. Он бродил по окраинам города безо всякой видимой цели, садился на городской транспорт, пересаживался и снова прогуливался, пока не оказался в Теплом Стане, в районе, прилегающем к МКАД. И вот здесь разведчик остался без наблюдения. Нет, он не был «потерян», сотрудник Седьмого управления, который вел наблюдение, «переключился» на неизвестного мужчину, который, как потом выяснилось, случайно оказался на пути американца. Так ЦРУ «чудесным образом» представилась возможность продлить еще на некоторое время операцию.

Поздним вечером усталый Макмэхен вернулся в посольство с тем же тяжелым рюкзаком.

Не буду утомлять читателей, возможно, интересными для профессионалов сухими подробностями дальнейших оперативных мероприятий контрразведки. Они закончатся тем, чем и должны были закончиться. Мастерски установленный цэрэушниками электронный комплекс будет найден и обезврежен. Это случится позднее, а полный провал операции ЦРУ обнаружит летом 1985 года. Вот в этот период и посыплются в Лэнгли телеграммы московской резидентуры.

Раскрытие органами КГБ операции «Бильярдный шар» вызовет новую волну паники в ЦРУ и будет воспринято как крупный провал важнейшего, перспективного направления технической разведки, как сильнейший удар советской контрразведки по посольской резидентуре в Москве.

Когда эта операция спецслужб США провалилась, американская разведка решила «хлопнуть дверью» и через своих «карманных» журналистов распространила дезинформацию, будто бы ЦРУ получило чертежи подземных телефонных коммуникаций Москва-Троицк от подкупленных им советских рабочих, прокладывавших эту линию. Понятно стремление Лэнгли делать хорошую мину при плохой игре. Менее понятно другое. Возможно, под влиянием этой «утки»

пошла гулять фантастическая история о том, что ЦРУ, дескать, удалось смонтировать электронный комплекс на телефонном кабеле при помощи своего агента, внедренного в бригаду строителей. А эксплуатация установленной аппаратуры велась, мол, другим агентом из числа граждан нашей страны. К сожалению, эти «фантазии» подхватил кое-кто и в КГБ, возможно, в силу благих намерений «изловить шпионов». Говорю с ответственностью: это заблуждение.

И в заключение еще несколько слов о нашем герое. Деннис Макмэхен после командировки в СССР оказался в американском посольстве в Мадриде. Похоже, любитель русской словесности развернулся здесь вовсю. И вот однажды в испанской печати появилось сообщение о происшествии с американским дипломатом. Наш старый знакомый, получивший после Москвы «повышение» – он стал «вторым секретарем посольства» – был задержан местной полицией во время фотографирования антенных устройств дворца Монклоа – официальной резиденции правительства Испании. Фотосъемка производилась Макмэхеном из окон расположенного рядом Мадридского музея изобразительных искусств. Для чего? Специалисту ответ понятен. Для перехвата в последующем с помощью специальных приборов сообщений по радиосвязи испанских правительственных учреждений. Вот за этим занятием Деннис Макмэхен и был застигнут. Последовали санкции – «дипломат» был выслан из Испании. Любопытно, не правда ли? Ведь Испания в восьмидесятых годах не относилась к числу противников США.

Загадка тайника в проезде Серебрякова

С утра 14 сентября 1985 года в кабинете руководителя советского отдела Оперативного директората Бэрнота Гербера на шестом этаже здания ЦРУ в Лэнгли воцарилась гнетущая атмосфера. Все началось с сообщения начальника секции контрразведки отдела Родни Карлсона о том, что служба контршпионажа при изъятии закладки из тайника в Москве арестовала американского агента, сотрудника Центрального аппарата КГБ. Информатор, сообщивший ЦРУ об этом, не знает ни имени арестованного, ни других подробностей дела. Но Бэртону Герберу все сразу становится ясным: провалился агент «Весы» – сотрудник Первого главного управления Комитета госбезопасности Леонид Полещук.

Гербер вызывает к себе сотрудницу отдела Сэнди Граймс, симпатичную блондинку. В советском отделе она ведет досье на агента «Весы», занимается делом агента с момента, когда ЦРУ установило с ним контакт за рубежом.

– Похоже, с агентом «Весы» неприятности, – говорит ей Гербер.

Волевая и решительная Сэнди не скрывает отчаяния. Разведуправление уже однажды, в 1975 году, теряло связь с этим агентом на долгих десять лет. Теперь оно потеряло его навсегда.

...Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной высокогорной долине в Гималаях. Сюда в 1974 году в советское посольство был командирован Леонид Георгиевич Полещук. В клубе для иностранцев он скоро познакомится с американскими дипломатами, среди которых оказался руководитель резидентуры ЦРУ в посольстве Джон Беллингхэм. «Настоящий плейбой», – скажут о советском дипломате американцы, и они правильно поймут натуру Полещука.

Работа в Непале быстро наскучила Полещуку. Высокомерный и заносчивый, он увидел, что в Катманду ему не развернуться. Его страсть – развлечения, которых в городе, увы, совсем немного. Острые ощущения и деньги, правда, можно получить в местном казино. Но игра в рулетку – палка о двух концах. Полещуку не везет, он быстро проигрывает, залезает в посольскую кассу. Положение становится отчаянным – «одолженную» крупную сумму надо возвращать. И Полещук идет на рискованный, но, как ему кажется, спасительный шаг. Он обращается за деньгами к американцам. Конечно, свой долг он отдаст, как-нибудь выкрутится с деньгами, он еще не думает, что алчность затянет его в шпионские сети.

Беллингхэм охотно дает деньги, он знает, как заставить работать на ЦРУ нужного человека. То, что Полещук не дипломат, а разведчик – для американца уже не секрет.

Вербовка советского гражданина – задача каждого оперативника Лэнгли. Вербовка советского разведчика – высшее достижение. Беллингхэм рассчитал точно: Полещуку не удастся вернуть долг, и он идет на предательство, предлагает ЦРУ свои услуги. Предложение принимается, долги Полещука списываются.

Летом 1975 года Полещуку подошел срок возвращаться из заграничной командировки. В июле в Катманду с агентом

обговариваются условия продолжения связи в Советском Союзе. На встрече присутствует специально прибывшая из Вашингтона Сэнди Граймс. Полещук получает микропленку, вмонтированную в магнитофонную компакт-кассету. В ней – задания по сбору информации, инструкции по организации связи, указания по восстановлению контакта при новом выезде за границу. Агенту передаются также уже известные нам условные письма для отправки на адрес в Соединенные Штаты, две специальные ручки для нанесения тайнописи, шифрблокноты, прибор-приставка к радиоприемнику для приема из радицентра. Часть предметов надежно упрятана в обложке фотоальбома. После возвращения в Москву Полещук должен был изъять тайник с дальнейшими инструкциями и крупной суммой денег, который будет заложен для него посольской резидентурой.

Агент «Весы» со всем этим согласился. Но по прибытии в Москву он решает не выходить на связь с американской разведкой из-за опасения быть разоблаченным контрразведкой и уничтожает все полученные шпионские материалы. Так ЦРУ в первый раз теряет своего шпиона.

В феврале 1985 года Полещук, переведенный некоторое время тому назад в управление контрразведки Первого главного управления КГБ, был снова направлен в заграничную командировку. На этот раз это Африка. В посольстве СССР в Лагосе, столице Нигерии, он будет отвечать за контрразведывательную линию. Здесь Полещук вновь проявит свою алчность. Улучив подходящий момент, он зайдет однажды в американское посольство. Разведчики резидентуры ЦРУ в Лагосе Паунд и Шо – новые друзья чудесно воскресшего агента «Весы». Связь налажена, и сотрудничество полностью восстановлено. Конспиративные встречи происходят в автомашине посольства США, затем в специально снятом американской резидентурой особняке.

По свидетельству известного американского журналиста Питера Эрли, которому в ЦРУ расскажут кое-что о провале агента «Весы», особенно потрясена и обрадована Сэнди Граймс. И не потому, что очень уж заинтересована в информации Полещука по Нигерии. В Лэнгли рассчитывают на гораздо большее. На дальнейшую связь с агентом, когда тот после командировки в Нигерии вернется в Москву в центральный аппарат управления контрразведки Первого главного управления. С целью приучить Полещука к контактам с ЦРУ в

Советском Союзе отдел Гербера даст согласие на то, чтобы «Весы» в свой очередной отпуск изъясил тайник с деньгами, который будет заложен для него посольской резидентурой в Москве.

Этот вопрос долго обсуждался в советском отделе Оперативного директората. Руководитель отдела Бэртон Гербер, сам хорошо знакомый с условиями работы на территории СССР (он возглавлял резидентуру в Москве в 1980–1982 годах), поддержал предложение Сэнди Граймс. Потом она будет горько сокрушаться по этому случаю, запямятовав о былых расчетах, и чрезвычайно расстроится, переживая, как бы провал агента «Весы» не отразился на ее судьбе.

Перед предстоящим отпуском в СССР Полещук получит от резидентуры ЦРУ в Лагосе кожаный футляр с зашитым в его подкладку планом связи в Москве и заданиями Лэнгли. В упаковке для лекарств от малярии агенту будут даны таблетки для проявления тайнописи. Полещук настойчиво требовал от американских хозяев денег на отпуск в Советском Союзе. Но сотрудники ЦРУ уговорят его денег с собой через границу не везти, а взять их в тайнике в Москве. Речь шла о двадцати тысячах рублей, щедрой сумме, которую агент должен активно отработать. В ЦРУ допустят серьезную ошибку, когда сообщат Полещуку координаты тайника в Москве. Одна из улиц в районе расположения тайникового контейнера (им будет служить увесистый камень – булыжник) будет фигурировать не под ее нынешним названием, а так, как она значится в изданном в США справочнике улиц Москвы. Эта ошибка окончательно погубит агента «Весы», когда он будет задержан сотрудниками Седьмого управления КГБ у тайника со схемой, скопированной с инструкции разведцентра, где крестиком агент пометит место закладки тайникового контейнера.

Получив указания советского отдела о закладке тайника для агента «Весы», московская резидентура поручила эту операцию разведчику «глубокого прикрытия» Полу Залаки. Он прибыл в посольство на должность сотрудника административно-хозяйственного отдела и, по расчетам ЦРУ, не должен был попасть в поле зрения советской контрразведки. Трудно сказать, то ли разведчик проявил чересчур большую самоуверенность, то ли нарушил требования предельной конспирации при проведении подобных операций, только Пол Залаки привел наружное наблюдение к проезду Серебрякова, что находится недалеко от платформы городской

железной дороги «Северянин». Да прямо к тому месту, где он бросил булыжник – тайниковый контейнер.

Проезд Серебрякова в северном районе Москвы. Небольшая, но широкая улочка, малоухоженная в те неблизкие от нас времена. Теперь уже не узнать места, где был Залаки со своей ношей. Нет пустыря, поросшего редким кустарником. Сейчас там частные гаражи, высокий забор вокруг всего участка, бдительная охрана. На гаражной площадке, как свечи в праздничном торте, торчат высокие металлические башни-опоры электропередачи. Они – нередкое явление на окраинах города. Вот у подножия одной такой опоры, которая сегодня оказалась почти в центре гаражного участка, запрятал Залаки свой булыжник. Внутри – запаянная в пластиковую оболочку пачка денег, двадцать тысяч рублей. И записка, напоминающая о сигнале, что изъятие закладки произведено.

Невозможно даже приблизительно определить, для кого же предназначен тайниковый контейнер. Ясно одно: он для ценного источника ЦРУ и рассчитан на продолжительный срок нахождения на местности, в кустарнике у мачты, куда почти не заглядывают прохожие. Разве что любители «сообразить на троих». Но даже это маловероятно – там грязно и неудобно.

Ситуация прояснилась через две недели, второго августа 1985 года. В этот день в районе тайника появился коренастый мужчина средних лет с хозяйственной сумкой в руках. Он нервничает и оглядывается по сторонам.

Вот этот тип направляется к месту закладки тайника, поднимает булыжник и кладет его в сумку. Затем отходит в сторону и перепрыгивает булыжник в кустах.

Контрразведчикам ясно – это тот, кому предназначается тайниковый контейнер. Выясняется, что это подполковник Первого главного управления Леонид Полещук, разведчик, прикрывающийся должностью дипломата в советском посольстве в Нигерии, который приехал провести отпуск в СССР. Все обстоятельства предательства Полещука, его превращения в агента ЦРУ вскроются позднее, в процессе следствия и суда.

Пока же агент «Весы» упрямо, но нелепо защищается: он, мол, находился в районе проезда Серебрякова для свидания с девушкой, имени ее точно не помнит, адреса – тоже. Булыжник взял для того,

чтобы подложить под колесо своего автомобиля. Тут же, правда, обнаружится, что для этого у него в багажнике припаркованной невдалеке автомашины имеются металлические «башмаки». Агент признается потом, что это было частью легенды, которая обсуждалась с ним в Лагосе.

При задержании у Полещука были обнаружены две бумажки, которые явятся серьезными уликами его связи с ЦРУ. О первой из них я уже упоминал. На ней крестиком было отмечено на схеме место тайника у опоры электропередачи. Она «утопит» агента «Весы» с головой. Вторая – тоже схема одного из районов на улице Горького, где должен был быть поставлен сигнал о тайнике. Все точки над «i» были расставлены, когда при обыске у Полещука был изъят футляр для очков со спрятанным под подкладкой планом связи с резидентурой в Москве. Он содержал описания места тайника и постановки сигнала о его закладке, которые полностью соответствовали обнаруженным у Полещука записям на двух бумажках.

«Провал Полещука, – констатирует Пит Эрли, – это что-то ужасное». Но главное, как я полагаю, состоит не в самой потере Полещука, а в утрате потенциальных возможностей, которые могло бы представить для ЦРУ проникновение с помощью агента «Весы» в центральный аппарат советской разведки, в одно из ее важнейших подразделений – управление внешней контрразведки. Но Центральное разведуправление – как сказочный дракон, у которого отрубаят голову. Оно будет стремиться компенсировать потерю и отрастить новые.

Вскоре место начальника советского отдела Оперативного директората займет заместитель Гербера, обстоятельный и цепкий Милтон Бирден, но провалы агентов этого подразделения не прекратятся. Новому шефу придется тоже переживать их и ломать голову над причинами неудач, как и его преемнику.

Наступление по всем фронтам

В советских средствах массовой информации под привычной в восьмидесятые годы рубрикой «В Комитете государственной безопасности СССР» в марте 1986 года появилось официальное сообщение о задержании с поличным американского разведчика. Оно гласило:

«10 марта в г. Москве задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином второй секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.

В ходе расследования собраны доказательства, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные шпионские действия М. Селлерс объявлен персоной нон грата. По делу арестованного агента американской разведки ведется следствие».

Расшифрую некоторые фразы этого официального сообщения. Второй секретарь посольства США Майкл Селлерс – это кадровый американский сотрудник резидентуры ЦРУ в Москве. Арестованный агент американской разведки – старший оперуполномоченный управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области майор Сергей Воронцов. В делах Центрального разведывательного управления США он проходил под оперативным псевдонимом «Капюшон».

Интересно, что Воронцов так и не назвал американцам своей настоящей фамилии и представился им работником центрального аппарата контрразведки, сотрудником Второго главного управления, чтобы набить себе цену.

Проникнуть в органы государственной безопасности СССР – вожделенная цель ЦРУ. Американскую разведку не может удовлетворить информация предателей из числа сотрудников КГБ и ГРУ, которые изменили Родине и бежали в США. Не могут устроить и те сведения, которые американские спецслужбы добывают в результате опроса бывших граждан нашей страны, выехавших на постоянное жительство в Соединенные Штаты и другие натовские государства. Не много толку от объявлений ФБР в эмигрантской прессе, призывавших за материальное вознаграждение предоставлять информацию о деятельности советских спецслужб.

«Приобретать и использовать источники в разведке и службах безопасности СССР с целью получения информации об организационной структуре, личном составе, оснащенности, средствах связи, банках данных, задачах, практической деятельности как в своей

стране, так и за рубежом» – так формулируют эти требования директивы ЦРУ. На решение задачи нацелены подразделения управления во всех странах, где имеются представители нашего государства, в том числе в самих США, при мощной поддержке Федерального бюро расследований, «опекающего» дипломатические и иные загранучреждения СССР.

Но не только в проникновении в советскую разведку и контрразведку заинтересованы руководящие умы ЦРУ. Подрыв и компрометация спецслужб, особенно КГБ СССР, – такова конечная цель американских властных органов в новом «крестовом походе» на Советский Союз. Одна из форм компрометации – широкие пропагандистские кампании и политические спекуляции на темы «советского шпионажа», «репрессий КГБ», «преследований борцов за права человека». Так сказать, «локальные», но не менее броские сюжеты – «облучение посольства США в Москве», «применение вредных химических веществ против американских дипломатов», «изошренная советская техника подслушивания в американском посольстве в Москве» и так далее.

В портфеле ЦРУ – книги предателей и перебежчиков из Советского Союза, «мемуары» бывших агентов американской разведки, телевизионные передачи и кинофильмы, подготовленные с участием людей, напрямую связанных с ЦРУ, и по сценариям, подсказанным американской разведкой. На службе этой кампании – средства массовой информации, влиятельные и политически ангажированные журналисты и публицисты. Подключается и «тяжелая артиллерия» – руководящие государственные деятели США, вплоть до президента. Тут излюбленная тематика: «советская угроза», «активные мероприятия КГБ в мире», «нарушения прав и свобод» и тому подобное.

В восьмидесятых годах ЦРУ, подхлестываемое Уильямом Кейси и обильно субсидируемое щедрыми вливаниями из госбюджета, развернуло фронтальное наступление на спецслужбы нашей страны. Главный удар направлялся на советских разведчиков, работающих за границей. И он был, к сожалению, небезуспешным. В шпионских сетях Вашингтона оказались несколько сотрудников заграничных подразделений КГБ и ГРУ. Одни, обуреваемые тягой к обогащению, соблазнились на предложенное им вознаграждение в обмен на

шпионские услуги. Другие (их было ничтожно мало), недовольные условиями работы в наших спецслужбах, тем, как складывалась их личная жизнь в Советском Союзе, прельстились на обещанные им «блага» в США. Третьи, попав в разработку американских спецслужб, сделались жертвами комбинаций, в том числе с подводом к ним агентов-женщин и последующего шантажа.

Далеко не все из завербованных американскими спецслужбами за границей сотрудников КГБ и ГРУ давали согласие на контакт с резидентурой ЦРУ в Москве. Это, пожалуй, уже известный нам агент «Весы» – Леонид Полещук, а также сотрудник ГРУ Владимир Васильев, имевший в Лэнгли псевдоним «Согласие», и Дмитрий Поляков, также разведчик ГРУ («Топхэт»). Можно вспомнить еще сотрудников советской военной разведки Попова и Филатова, разоблаченных органами КГБ в шестидесятых-семидесятых годах. Среди известных мне агентов Центрального разведывательного управления из числа сотрудников советских спецслужб, завербованных в восьмидесятых годах, были раскрыты органами государственной безопасности СССР и понесли заслуженное наказание по суду, кроме названных выше, Геннадий Вареник («Фитнес»), Валерий Мартынов («Джентил»), Сергей Моторин («Гоз»), Владимир Пигузов («Джогер»), Геннадий Сметанин («Миллион»), Борис Южин («Твайн»), Вячеслав Баранов («Тони»). Один сотрудник КГБ в посольстве СССР в Греции, Сергей Бохан («Близард»), опасаясь разоблачения, бежал за океан и получил там убежище у своих хозяев.

Теперь я хотел бы, в меру своей осведомленности, коснуться некоторых утверждений, содержащихся в целом интересной книге бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобкова «КГБ и власть». Раздел «Агенты ЦРУ на Лубянке» как раз и посвящен проникновению ЦРУ в наши спецслужбы. Думаю, не может быть никаких возражений, что «спецслужбы нелегко переживают удары противника, немало таких ударов пришлось перенести и КГБ». Бесспорно и то, что «взаимопроникновение в систему иностранных разведок – естественный процесс, мы внедрялись в спецслужбы западных стран, они – в наши». Но совершенно нельзя согласиться с утверждением о том, что «возможность проникновения противника в наши спецслужбы, к сожалению, недооценивалась – как в службы

разведки, так и контрразведки. Даже зная о каких-то настораживающих деталях, органы безопасности допускали беспечность. В КГБ на всех уровнях не желали серьезно думать, что такое может случиться... Разоблачение нескольких сотрудников КГБ, работавших на противника, таких, как Полещук, Моторин, Вареник, Южин, – воспринималось как невероятное ЧП. Но это в разведке. Контрразведка жила спокойно».

По моему мнению, автор книги «КГБ и власть» глубоко ошибается. В управлении контрразведки Первого главного управления и мы, во Втором главном управлении КГБ, прекрасно понимали, что иностранные разведки, и в первую очередь ЦРУ, стремятся и будут стремиться к тому, чтобы проникнуть в органы государственной безопасности СССР. И располагали на этот счет исчерпывающей информацией. Может быть, такие настроения и были у некоторых руководителей КГБ, и они, эти настроения, так сказать, эмоционально могли отражать отношение к фактам предательства, когда они случались. Практика же советской контрразведки опровергает недооценку возможности агентурного проникновения иностранных разведок в спецслужбы СССР, недооценку пренебрежительного отношения к проверке сигналов по этой непростой и болезненной проблеме, которые поступали по различным каналам. В том числе и по каналам, специально создаваемым для этих целей. Обо всем этом свидетельствуют оперативные и следственные дела на разоблаченных американских шпионов Попова, Пеньковского, Филатова, Григоряна – Капояна, Иванова, Полещука, Васильева и других. Да и известное ныне дело агента Полякова, генерала ГРУ, арестованного в 1986 году, – пример отношения контрразведки к поступившему еще в конце семидесятых годов сигналу. То, что разработка этого предателя затянулась, – вина одного из бывших руководителей КГБ, не пожелавшего дать санкцию на реализацию разработки на том основании, что «советский генерал не может быть шпионом». Количество примеров, когда органам государственной безопасности приходилось вести разработку сигналов о предательстве сотрудников КГБ, к сожалению, возрастет, если говорить не только об американской разведке.

И, наконец, странным и крайне спорным выглядит еще одно утверждение бывшего первого заместителя председателя КГБ на эту

тому. Оно касается дела майора Шеймова, сотрудника шифровальной службы КГБ, который, как выяснилось позднее, был завербован американской разведкой во время его заграничной командировки и был тайно вывезен ЦРУ из Советского Союза в 1980 году. «Кто знает, – задается вопросом автор книги «КГБ и власть», – если бы из случая с Шеймовым были сделаны необходимые выводы, может быть, не удалось бы у всех на глазах бежать из страны Гордиевскому».

Поясню: Гордиевский – полковник, сотрудник Первого главного управления КГБ, был завербован на шантаже в Копенгагене разведкой Великобритании Сикрет интеллидженс сервис. С моей точки зрения, между делами Шеймова и Гордиевского в том, что касается их побега из СССР, нельзя ставить знак равенства. И разницу эту нельзя не учитывать. Гордиевский серьезно подозревался в связи с СИС, побег его из Советского Союза был действительно стечением крайне неприятных для КГБ обстоятельств, возможно, результатом нечеткой работы тех подразделений, которые вели его разработку. В то же время Шеймов в разработке не был, и никаких подозрений в отношении его не имелось. Резидентура ЦРУ в Москве мастерски провела акцию по конспиративному выводу агента из нашей страны. Видимо, ему были выданы заранее фиктивные документы на иностранцев, по которым он и его семья покинули СССР. Позднее руководитель резидентуры ЦРУ в 1991–1993 годах Дэвид Ролф признавался (или умышленно дезинформировал своего собеседника?), что провел конспиративную встречу с Шеймовым перед его побегом. Если это было действительно так, то с контрразведки, и прежде всего с возглавлявшегося тогда мною первым отделом Второго главного управления, не снимается ответственность за то, что не удалось перехватить операцию посольской резидентуры по организации выезда Шеймова из Советского Союза. Но это была бы уже одна из тех неудач, которых, по-видимому, было трудно избежать в острейшем противостоянии спецслужб двух наших государств. И, конечно, это не могло повлиять на пресечение побега Гордиевского.

Но вернусь к агенту «Капюшон», сотруднику управления КГБ по Москве и Московской области Воронцову.

В книге Пита Эрли «Признания шпиона» об агенте «Капюшон» имеются крайне скудные строки: «10 марта КГБ устроил засаду для разведчика-агентуриста ЦРУ Майкла Селлерса, когда он был на пути к

месту встречи со шпионом. В ЦРУ позже узнали его имя и фамилию – Сергей Воронцов. Воронцов был агентом ЦРУ с 1984 года. Он сообщил о том, как местное управление КГБ следило за посольством США в Москве. Воронцов дал Селлерсу шпионский порошок, которым КГБ опрыскивал автомашины американских дипломатов для того, чтобы контрразведка могла следить за лицами, которые ими пользовались».

Вот и все, о чем в ЦРУ, видимо, сочли целесообразным информировать журналиста. Негусто. Ни обстоятельств вступления в контакт с Воронцовым. Ни того, как вербовке Воронцова помог один американский дипломат. Ни обстоятельств последней встречи с агентом разведчика резидентуры Майкла Селлерса, которая привела к его провалу. А между тем в деле Воронцова есть кое-что любопытное.

...В один из летних дней 1984 года в квартире второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Джона Фини раздался телефонный звонок. Было уже поздно, дипломат давно пришел с работы и находился дома. Незнакомый мужчина, заметно нервничая, короткими, словно бы заученными, фразами предложил Фини встретиться по срочному и важному вопросу. Казалось, незнакомец не сомневался, что дипломат примет его предложение о встрече. Тем более что Фини от его дома не придется идти далеко – всего пять минут ходьбы.

Американцы, когда есть возможность, предпочитают передвижение автомашиной. Фини – не исключение, к тому же в автомашине безопаснее. Он и не выйдет из автомашины, когда через пару минут окажется у места, названного незнакомцем. Джон Фини заинтригован. Он знает об инструкции госдепартамента и указании посла принимать материалы и неожиданные предложения от советских граждан, поскольку таким образом может появиться полезная для ЦРУ информация.

Джон Фини прибывает к условленному месту. Кругом темно, ни души. Но вот из темноты к автомашине подходит мужчина. Он держится напряженно, озирается по сторонам и быстро просовывает в полуоткрытое окно автомобиля письмо. В нем предложение шпионских услуг американской разведке. И приложение – свернутый в трубку документ. Информационный бюллетень Второго главного управления КГБ – документ для служебного пользования – должен

продемонстрировать серьезность намерений Воронцова и его возможности. Фини быстро отъезжает, в посольстве он появится, как обычно, утром на следующий день. Зачем привлекать внимание? Американские дипломаты научены приемам обращения с предложениями «инициативников».

В резидентуре ЦРУ письмо Воронцова и бюллетень тщательно изучаются. Сверхосторожный Воронцов предлагает сложный способ связи. В случае согласия с его предложением (в письме излагаются и финансовые требования) резидентура должна поставить автомашину с дипломатическим номером у названного им магазина в одном из центральных районов Москвы. Тогда он на стене одного из зданий изобразит цифры – «коэффициент», который позволит определить номер телефона для связи с ним. Из переданного Фини письма резидентура уже знает другие семь цифр, к которым следует прибавить «коэффициент».

Советский отдел Оперативного директората, конечно, ухватился за предложение Воронцова, увидев в нем дар судьбы. Санкция резидентуре следует незамедлительно. Автомашина с дипломатическим номером поставлена где надо, и резидентура в обусловленном месте находит цифры, которые Воронцов написал на стене здания. Телефон важного инициативника в руках резидентуры. Ее сотрудник Грищек, созвонившись с Воронцовым, поздно вечером выходит на конспиративную встречу.

Воронцов сразу отказался сообщить американцам свою фамилию, для них он – «Стас», вполне достаточно для разговора по телефону и во время встреч. Он назвал себя сотрудником Второго главного управления, обманывая ЦРУ насчет своего действительного места работы. Это – не конспирация, не предосторожность. Воронцов думает о престиже, о том, чтобы выглядеть информированным источником в глазах ЦРУ. Это ему удастся, в американской разведке узнают о его действительном месте службы уже после его разоблачения советской контрразведкой.

Воронцов не принимает предложенных ему ЦРУ условий связи – тайники, односторонние радиопередачи, письма на подставные адреса разведки в США его не устраивают. Он настаивает на личных встречах с оперативниками резидентуры с вызовом на них условными звонками по телефону. И придумывает еще один трюк. Телефон, номер которого

он сообщил американцам, установлен не в его кабинете, а в комнате другого сотрудника Московского управления. У Воронцова ключ-отмычка, с ее помощью он пройдет туда в нужное время. Поздним вечером, на который придутся названные им условные звонки, в кабинете будет один «Стас», и он сможет в спокойной и безопасной обстановке договориться о встрече.

В ЦРУ принимают все условия Воронцова. Агент во Втором главном управлении очень нужен американской разведке. ЦРУ рассчитывает на важную информацию, она должна обезопасить работу посольской резидентуры в Москве, деятельность ЦРУ против Советского Союза по всему миру. «Стасу» присваивается оперативный псевдоним «Капюшон». Вот образчик задания, который вскоре получит агент:

«Мы ждем от вас сведения о советских гражданах, находящихся под подозрением, слежкой или арестованных за шпионаж в пользу США или других стран НАТО; о техническом проникновении КГБ в американские учреждения; об операциях КГБ, направленных на вербовку американцев или граждан других стран НАТО».

ЦРУ торопится. Оно стремится выкачать из сотрудника Второго главного управления то, что оправдало бы риск работы с ним на территории нашей страны – информацию об опасностях для разведывательной деятельности американских спецслужб против Советского Союза. Торопится – и многого не понимает: ожидаемого обилия информации все нет и нет.

Резидентура в Москве проведет с агентом «Капюшон» три встречи. Кое в чем агент сможет удовлетворить запросы американской разведки. Но его возможности, понятно, ограничены, и многое он сочиняет, высасывает из пальца, чтобы как-то оправдать полученные от ЦРУ деньги.

Мне сложно комментировать навязанное Питу Эрли в ЦРУ заявление насчет «шпионского порошка», будто бы переданного резидентуре Воронцовым. На мой взгляд, оно носит фантастический и, как сейчас говорят, «виртуальный» характер. Могу сказать, что советскую контрразведку нельзя обвинить в применении против американских дипломатов в Москве вредных химических препаратов. У контрразведчиков были иные методы контроля за сотрудниками московской резидентуры.

Последние две встречи с агентом «Капюшон» поручаются разведчику-агентуристу резидентуры Майклу Селлерсу. В резидентуре будет тщательно продуман план проведения встреч с «ценным агентом», а сам Селлерс проявит все свое искусство несостоявшегося актера, мастерство маскировки и мимикрии. На конспиративные встречи с агентом Майкл Селлерс будет выходить загримированным под американского дипломата Рональда Паттерсона, проживающего в одном с ним подъезде дома, и использовать его автомашину, любезно предоставленную хозяином. В целях конспирации Селлерс вооружится париком и накладными усами, в дороге будет менять шапки и шарфы, наденет очки. Перед выходом из дома Селлерс и его жена скажут своим знакомым по телефону, что сам Селлерс будет дома и никуда не собирается уходить. Конечно, эти разговоры рассчитаны совсем не на американцев.

Во время своей второй (и последней) встречи с агентом «Капюшон» Майкла Селлерса задержат с поличным. При нем окажутся новые инструкции и задания агенту, портативные магнитофоны для записи разговоров с Воронцовым, деньги для шпиона.

О судьбе Майкла Селлерса известно из официального сообщения: он объявлен персоной нон грата. Агент «Капюшон» предстанет перед Верховным судом СССР. Суд не найдет смягчающих обстоятельств его предательства.

Что толкнуло майора Сергея Воронцова на шпионаж и измену Родине? Не идейные убеждения, а корысть и обида. Обида на собственное руководство, которое за совершенные Воронцовым серьезные прегрешения по службе понизило его в должности.

Но решающим мотивом была все же жадность. Почему-то уверовав, что американская разведка много платит, Воронцов решит, что за короткий срок заработает крупную сумму, после чего, дескать, прекратит опасное занятие. Ошибочное представление «инициативников»! В ЦРУ умеют соотносить свои выгоды от переданной шпионами информации с гонорарами, которые им выплачивают.

Конец операции «Абсорб»

В январе 1986 года произошли события, связанные с разоблачением советской контрразведкой крупной разведывательной операции на маршруте Находка-Ленинград. Здесь должен был проследовать транзитный контейнер с запрятанной в нем автоматической шпионской аппаратурой.

Провал этой операции не привлек внимания средств массовой информации. Очевидно, тогда наша пресса, телевидение и радио не решались выступать по таким поводам без команды и смаковать подобные происшествия попросту не умели. Поэтому есть смысл подробно рассказать об этой истории, тем более, что ныне не перевелись охотники повторить такую акцию.

Начало этой запутанной шпионской истории относится к поздней осени 1985 года, когда некий японский коммерсант, владелец небольшой, но преуспевающей торговой фирмы, снарядил контейнер с грузом глиняных горшков для отправки в Гамбург. Сделка сулила большой барыш. Изящные декоративные цветочные горшки ручной работы – их было две сотни с половиной – должны были украсить квартирные интерьеры немецких покупателей.

Коммерсант поручил доставить на место свой груз известной японской компании «Транссибириэн контейнер компани» (сокращенно «Транссиб»), имеющей большой опыт доставки грузов из Японии в различные страны транзитом по территории Советского Союза.

16 декабря 1985 года в порту Иокогама контейнер с горшками погрузили на японский контейнеровоз со звучным названием «Сибирь-мару» и отправили в Находку, чтобы оттуда начать свой многодневный путь в Ленинград. В зависимости от загруженности железной дороги транспортировка от Находки до Ленинграда занимает от двадцати до тридцати суток. Контейнер был надлежащим образом досмотрен японскими пограничными и таможенными властями, опечатан и отправлен по адресу: ФРГ, 2000, Гамбург 76, Винтерхудервег, 46.

Сделка как сделка, мало ли таких заключается в наше время.

21 декабря 1985 года контейнеровоз «Сибирь-мару» прибыл в Находку. Вот тогда и начали происходить захватывающие события, в центре которых оказался контейнер с горшками, ибо этот груз, занимавший всего лишь треть контейнера, маскировал сложную электронную аппаратуру, собиравшую секретную информацию на территории Советского Союза.

Так что же это был за контейнер? Какой специальной аппаратурой он был на шпигован? Как она функционировала и какие задачи решала? Наконец, кто пытался совершить эту крупную разведывательную акцию?

Я не стану больше интриговать читателей и попытаюсь ответить на эти вопросы. Начну с самого контейнера. Конечно, лучше один раз увидеть, чем многожды читать описание какого-либо предмета. Вот на фотографии (ее можно найти во вкладке иллюстраций) изображен злополучный контейнер. Пока еще ничто не указывает на его специальное назначение. И все же надо обратить внимание на две вещи. Первое – порядковый номер – STIV-1317221. Уже потом, когда начнется расследование, выяснится, что имеется еще один контейнер с точно таким же номером, который проследовал неизвестно откуда в город Бостон, США.

Мы неспроста заинтересовались порядковым номером контейнера. При более тщательном исследовании оказалось, что этот номер не нанесли краской на металлический ящик, а он представлял собой выполненную типографским способом наклейку. Точь-в-точь, как если бы рисовали на контейнере белой краской.

Ну и что же, скажет пытливый читатель, чувствуется прогресс даже в маркировке грузовых контейнеров. Однако заглянем все-таки внутрь контейнера. На его полу обнаружилось беспорядочно разбросанные там и сям другие наклейки с цифрами – большой выбор номеров, призванных в подходящий момент сыграть свою роль порядковых номеров, если бы кому-то понадобилось приладить их на иных контейнерах.

Конечно, можно было предположить, что заинтересовавший нас контейнер с номером 1317221 должен был проследовать транзитом по Советскому Союзу в обратном направлении, но уже с другим порядковым номером, выбранным из тех наклеек, которые были кем-то вложены внутрь контейнера. Тогда кому предстояло наклеить этот новый порядковый номер? И когда? И где? Интересно, не правда ли? Впрочем, это уже из области предположений. Вернемся к фактам.

Вот другая, не менее примечательная вещь. На фотографии хорошо заметны небольшие узкие окошечки. Но это не просто отверстия для вентиляции. Если, подойдя поближе, внимательно приглядеться к ним, можно увидеть объективы фотоаппаратов,

установленных внутри контейнера с каждой его стороны. Собственно говоря, сами-то фотоаппараты снаружи увидеть невозможно, а вот блики от объективов были заметны. Мы еще вернемся к этой фотоаппаратуре.

Перейдем к другой фотографии. В открытом контейнере нашему взгляду предстают картонные коробки с декоративными горшками. Ну кто подумает о каком-то подозрительном грузе, увидев эти невинные поделки ремесленников? Но стоит удалить два ряда коробок, заботливо уложенных около двери, стоит снять деревянную перегородку, как взору предстает занимающая всю остальную часть контейнера чудо-лаборатория.

Пожалуй, теперь самое время познакомиться с заключением специалистов Комитета государственной безопасности СССР. Обнаруженная в контейнере СТIV-1317221 аппаратура, говорится в экспертном заключении, представляет собой единый, находящийся в рабочем состоянии комплекс. Она способна обнаруживать источники радиоактивности, регистрировать и накапливать информацию об интенсивности, спектральном составе и суммарной дозе нейтронного и гамма-излучений, фиксировать пройденное расстояние, атмосферное давление, температуру, определять с большой точностью географические координаты, а также производить панорамную фотосъемку по маршруту движения контейнера. Отсюда и наиболее вероятное назначение комплекса – разведка районов с повышенной радиоактивностью, связанной с производством, хранением, транспортировкой ядерных материалов, в том числе ядерного оружия и военных объектов, оснащенных ядерным оружием. Возможности комплекса позволяют определить район и направление перевозок, количество перевозимых ядерных боеприпасов, спектральные характеристики ионизирующего излучения, позволяющие сделать заключение о характере объектов в данном районе. Анализ полученной информации, накопленной в специально разработанных двух индивидуального исполнения электронно-вычислительных машинах, позволяет выявлять и привязывать к географической сетке перевозимые по железной дороге ядерные заряды и боеприпасы, установки, оснащенные ядерным оружием, другие источники радиоактивного излучения. Датчики комплекса идентифицируют находящийся в защищенном контейнере одиночный ядерный заряд,

эквивалентный одному килограмму плутония, на расстоянии десяти метров от оси контейнера. Информация записывается в кодированном виде на компакт-кассеты, емкость которых позволяет накапливать данные о тысяче замеров радиоактивных источников. Аккумуляторные батареи обеспечивают бесперебойную работу аппаратуры в течение трех месяцев.

По заключению КГБ СССР, разведывательный комплекс был изготовлен в 1982 году и в последующем модернизировался.

Теперь, когда известны некоторые факты, снова зададимся вопросами. Кто изготовил и скомпоновал всю эту сложную уникальную аппаратуру? Кто придумал план хитроумной операции с посылкой шпионского контейнера в дальнюю дорогу по всей транссибирской магистрали? Кто нашел отправителя из Японии и получателя из Гамбурга? Кто принял это рискованное решение – организовать путешествие контейнера по территории Советского Союза? Кто окружил глубокой тайной эту операцию? И кто, наконец, старался скрыть ее провал?

Комплекующие элементы имели маркировку предприятий США, Японии, Тайваня, Гонконга. Ряд наиболее важных блоков изготовлен американскими фирмами. Так, ЭВМ – это компания «Нэшнл семикондактор» и «Ар-Си-Эй»; аккумуляторные батареи – фирма «Игл пичер» и «Мэллори»; электронные элементы – заводы «Ноулес», «Тексас инструменте» и «Силиконе»; термолюминесцентные дозиметры – предприятие «Харшоу». Итак, изготовители уникальной разведывательной техники известны.

Теоретически можно, конечно, допустить причастность к названной операции разведслужбы любого иностранного государства, заинтересованного в соответствующей разведывательной «продукции» и способного затратить на проведение этой крупномасштабной акции большие силы и средства. И не только тех стран, чьи фирмы и предприятия значатся среди изготовителей комплекса.

Так кому это было нужно?

Путешествие шпионского контейнера началось, как мы знаем, с территории Японии и должно было закончиться в Гамбурге (ФРГ).

Контейнер со всей тщательностью, какой требовало это деликатное дело, снаряжался на японской земле. Где-то в него заделали нестандартный груз. А это ни много ни мало несколько тонн

сложного оборудования. Установка его в контейнере требовала: времени; специального помещения, чтобы укрыться от посторонних глаз; умения и сноровки причастных к «упаковке» лиц (судя по весу и габаритам устанавливаемой аппаратуры, их должно было быть несколько человек).

Власти Японии, их официально запрашивали по поводу контейнера, отправленного японскими компаниями из порта Иокогама на японском судне, по существу не дали ответа. Владелец контейнеровоза «Сибирь-мару» из списка подозреваемых участников акции можно исключить: это судно просто доставило в советский порт уже опечатанный груз. Компании «Транссиб» и «Сан юнион» – посредники и перевозчики – тоже имели дело с отправкой опечатанного контейнера. К тому же владельцы «Транссиб» сами пострадали в результате провала операции: им пришлось выплатить советской стороне штраф в пятьсот тысяч долларов за причиненные убытки.

Посмотрим на остальные японские компании, которым пришлось иметь дело со злополучным контейнером. Это «Марудзен Азия транс» и «Марудзен сёва унью» – компании, оформлявшие загрузку контейнера и доставку его до Иокогамы. Здесь впервые и всплывает имя владельца компании «Марудзен» – Хори Котаро.

5 февраля 1987 года фирма «Транссиб» обратилась в токийский окружной суд с иском на сумму сто миллионов иен к фирмам «Сан юнион» (отправитель груза) и «Марудзен сёва унью» (таможенный агент и экспедитор) за нанесенный ущерб перевозчику. После трехлетнего разбирательства судебный процесс закончился безрезультатно, хотя японской стороне были предъявлены все имевшиеся в СССР материалы. Во всяком случае, суд не выявил, кто несет ответственность за снаряжение и отправку шпионского контейнера. Не удалось японской стороне установить, как произошла подмена двух третей содержимого арендованного контейнера на шпионскую лабораторию, и почему груз пропустили пограничники и таможенные чиновники.

На суде упоминалась фамилия Хори Котаро, фактического отправителя декоративных керамических горшков. Ведь это он, Хори Котаро, 6 и 7 декабря 1985 года целых два дня грузил горшки в контейнер, арендованный у американской компании «Си-Ти-Ай», а

затем 9 декабря запечатал контейнер пломбой, полученной от «Транссиба». После этого контейнер был доставлен на терминал в Иокогаме.

Когда транзитный контейнер во время транспортировки по Транссибирской магистрали был задержан советскими властями, Хори Котаро исчез и не появился на суде, хотя именно его фирме «Транссиб» предъявил иск.

Мы все-таки собрали сведения о нем. Оказалось, что Хори Котаро – гражданин США, окончил коммерческую школу при Калифорнийском университете. Постоянно проживает в Гонолулу, Гавайские острова, по улице Коко айру сакуру, 119.

Вот так впервые обозначился в этом деле американский след.

Теперь займемся получателем контейнера. Если верить документам, это – Рамон Грейс Прайс, житель Гамбурга, ФРГ. Официально Прайс выступил в роли владельца небольших ресторанов, но, как говорят, финансовое положение его было неважным. Тем не менее, в конце 1985 года он направляет крупную сумму президенту японской фирмы «Сан юнион» Охаси Сёдзи для закупки и оплаты транспортных расходов по пересылке в свой адрес партии глиняных декоративных горшков.

И вот что еще любопытно. Потеряв контейнер, бизнесмен Прайс и не подумал восстанавливать ущерб. Он никуда не обращался с жалобами на утерю своего груза и вообще исчез из поля зрения, когда советские власти известили официальных немецких представителей о задержании шпионского контейнера.

В конце концов все выяснилось. Отправку шпионского контейнера по Транссибирской магистрали организовало ЦРУ. В Лэнгли этой операции присвоили кодовое наименование «Абсорб» (от английского слова «поглощать»), а сама «чудо-лаборатория» звалась «аппаратурой для выявления радиации». По просочившимся в американскую печать сведениям, на создание лаборатории израсходовали почти пятьдесят миллионов долларов.

В заключение должен отметить следующее. Когда советские органы государственной безопасности раскрыли операцию «Абсорб», пост министра иностранных дел СССР занимал Э. Шеварднадзе. Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков в недавно вышедшей книге своих воспоминаний «КГБ и власть» пишет,

что Э. Шеварднадзе избегал разоблачать деятельность ЦРУ и других иностранных разведок против Советского Союза. Можно представить, как реагировали бы в США, если бы американской контрразведке удалось вскрыть подобную акцию КГБ. Между тем, тогдашний глава советского дипломатического ведомства занял в этом громком шпионском деле пассивную позицию и не использовал в полной мере материалы КГБ для отстаивания государственных интересов страны против происков американских спецслужб и их японских и западногерманских помощников. Это свидетельствует не столько о его приверженности «новому мышлению», диктовавшему будто бы отказ от «резких движений» во внешнеполитических делах, сколько об осознанном следовании курсом уступок Западу. И делалось это за счет грубого ущемления наших национальных интересов. Эпизод со шпионским контейнером – пусть небольшой, но яркий пример.

Говоря о такой позиции тогдашнего руководителя советской внешней политики, я далек от того, чтобы бросить упрек всем сотрудникам Министерства иностранных дел, которые участвовали в реализации решений политического руководства СССР по делу об этой крупномасштабной разведывательной операции спецслужб Вашингтона. Тут я имею в виду и демарши советской стороны по отношению к японским и западногерманским властям, и организацию проведенной по инициативе КГБ пресс-конференции для советских и иностранных журналистов. Рабочий уровень отношений с МИД СССР был достаточно высок, но, к сожалению, не был использован шанс политически и пропагандистски закрепить успех органов госбезопасности Советского Союза.

История агента «Медиан»

Не уверен, правильно ли я называю псевдоним, который был дан Центральным разведывательным управлением этому агенту. По одним данным, которые приводит в своей книге американский журналист Пит Эрли, это «Медиан». В другом случае этот же самый агент имеет псевдоним «Медиум». Но это не так важно. Главное, автор не путается в том, что агент был действительно завербован ЦРУ в 1981 году в США. Я буду именовать его «Медиан».

Но дело не в псевдониме, дело – в еще одной человеческой драме, в странном смешении детектива и фарса, преступления и

перевоплощения в «борца за права человека».

«Медиан» – это Владимир Поташов, старший научный сотрудник по военно-политическим проблемам Института США и Канады Академии наук СССР. Он был на хорошем счету в институте, пользовался расположением его руководства, лично директора. Неслучайно поэтому в 1981 году его посылают на три месяца на стажировку в посольство СССР в Вашингтоне.

В октябре этого же года Поташов по собственной инициативе вступил в контакт с американской разведкой. Он использовал в этих целях знакомство с американцами, с которыми встречался в Москве по делам института. Свел его с сотрудниками ЦРУ не кто иной, как министр армии США Гарольд Браун.

Когда Поташов будет разоблачен и арестован советской контрразведкой, он огорошит следователей душеспитательной историей о том, как его «заманили в ловушку», и «четверо здоровенных мужчин» угрозами принудили его «работать на ЦРУ». Но следствие и суд не установят в действиях Поташова результата угроз и шантажа и не вскроют какой-либо «идейной» основы. Выявятся элементарные меркантильные мотивы и интересы. Будет доказано, что Поташов своим шпионским сотрудничеством с американской разведкой нанес ущерб государственной безопасности и обороноспособности Советского Союза.

Так «инициативник» Поташов станет агентом ЦРУ «Медиан». До отъезда в Вашингтоне в спешном порядке проводятся конспиративные встречи с Поташовым. Он передаст информацию об Институте США и Канады, о людях, которые там работают, о проблемах и научных разработках, которыми они занимаются. Американские разведчики интересуются сотрудниками института, и он дает развернутые характеристики на лиц, с которыми работает. Сообщает то, что ему становится известным о посольстве СССР в Вашингтоне, советских дипломатах. Признается, что имеет негласную связь с КГБ. Это поначалу пугает ребят из Лэнгли, но потом они решают, что агент сидит крепко у них на крючке, и никуда ему не деться. Тем более, что Поташов жаден на деньги, а ему открыт долларовый счет в американском банке.

Агента «Медиан» срочно обучают тому, как выполнять задания и поддерживать связь с посольской резидентурой в Москве, когда он

окажется в Советском Союзе. Напряженная учеба включает: шифрование и дешифрование сообщений, способы нанесения тайнописи, использование международной почтовой переписки, прием и расшифровку кодированных радиопередач. Агент получает задания по сбору разведывательной информации. Потом они будут наращиваться и усложняться.

Собственно говоря, обучение в Вашингтоне «Медиана» ничем не отличается от того, как поступает ЦРУ с другими завербованными за границей агентами, которые предназначаются для передачи московской резидентуре.

Как было условлено, Поташов выждал полгода, а потом поставил метку, означающую готовность к выполнению задания. Метка – на маршруте, которым обычно пользуются едущие по своим делам американские дипломаты. Примерно через неделю на квартире агента раздался условный телефонный звонок: в тайнике для него сделана закладка. В ней инструкции и средства конспиративной связи, задания, деньги. Вторым тайником Поташов воспользуется в октябре 1983 года, когда расшифрует очередную радиограмму. В нем новые поручения разведки и, конечно, снова деньги.

Агент работает, что называется, не за страх, а за совесть. Он выдает все, что ему известно о деятельности Института США и Канады, предоставляет хозяевам сведения политического, экономического и военного характера, которые собирает в других учреждениях.

В конце концов жадность к деньгам, которая непрерывно грызет «Медиана», его же и погубит. А пока он старается вовсю. Похищает у директора института справочник правительственной связи с намерением сообщить ЦРУ все то, что в нем содержится, передает документы института, которые, как он считает, будут полезны американцам.

Необычная активность «американиста», выходящая далеко за его служебные рамки, в конце концов обратила на себя внимание нашего отдела. Мы занялись им, и довольно быстро нам удалось собрать убедительные доказательства его связи с резидентурой. Поташова арестовали и судили.

В начале девяностых годов «Медиана» по амнистии освободили из мест заключения. Он быстро разобрался в тогдашней обстановке и стал изображать из себя «борца за свободу» и «жертву репрессий». Как

ни странно, но прохвоста поддержали некоторые «демократические» журналисты, вдохновленные возможностью поспекулировать на его деле и оболгать, как тогда было модно, контрразведку КГБ.

Некоторое время тому назад Поташов перебрался в США, поближе к своим работодателям из ЦРУ. Наверное, рассчитывает получать деньги со счета в банке, куда их переводило Центральное разведуправление Вашингтона.

Мистер Сайте спешит на свидание

Прелюбопытные должности существовали с шестидесятых годов в американском посольстве в Москве. Это – гражданские помощники атташе по вопросам обороны. Число их колебалось от двух до десяти. Какие же обязанности они выполняли?

Кое-кто из помощников фактически работал в том подразделении Агентства национальной безопасности, которое располагалось на верхних этажах посольского здания. Они занимались перехватом советских линий связи. Но не эти специалисты радиотехнической разведки интересовали нас. Внимание первого отдела было сконцентрировано на посольской резидентуре, которые использовали эти должности для своей «крыши». Кое-кого из них мы уже знаем: Джона Уайтхеда – по дерзкой акции со шпионской парой Григоряна – Капояна; Джека Даунинга, ставшего резидентом ЦРУ в Москве, который затем занимал высокий пост руководителя Оперативного директората ЦРУ; Винсента Крокетта, задержанного советской контрразведкой, когда он передавал контейнер агенту Филатову. Познакомились мы также с Дэвидом Ролфом, похвалявшимся своей причастностью к вызову из Советского Союза предателя Шеймова и позже возглавившим московскую резидентуру, Джоном Боуманом, причастным к «делу Капустина», Алексом Грищekom, положившим начало работе резидентуры со шпионом Воронцовым.

К такой категории гражданских помощников принадлежал и Эрик Сайте. Ему была поручена работа с агентом «Истбаунд», который ранее находился на связи у выдворенного из Советского Союза разведчика резидентуры Майкла Селлерса.

Место встречи с агентом «Истбаунд» в документах ЦРУ фигурировало под названием «Окно» и находилось во дворе одного из домов на Малой Пироговской улице. Путь к «Окну» у Сайтса долгий и

непростой. Ему помогает жена Урсула. Вечером, по окончании рабочего дня в посольстве, Эрик и Урсула Сайте на автомашине с дипломатическим номером выезжают из посольства. Супруги активно проверяются, петляют по городу, пытаются обнаружить, нет ли слежки. Удовлетворенный результатами проверки, Сайте покидает автомашину. До четверти девятого вечера, когда должна состояться встреча с агентом, еще много времени. Разведчик тратит его на дополнительную тщательную проверку. Урсула тем временем отводит автомашину подальше от района randevu и ждет возвращения мужа. Но так и не дождется. Эрик Сайте будет задержан советской контрразведкой на месте встречи с агентом «Истбаунд».

В приемной КГБ СССР, куда его доставили после задержания, мертвенно-бледный Сайте тоскливо наблюдал, как из сумки, предназначавшейся для передачи агенту, один за другим извлекаются предметы шпионского реквизита. Вот электробритва «Харьков», в корпусе которой оборудован тайник для мини-фотоаппарата размером с тюбик губной помады. Агент должен фотографировать им секретные документы. В сувенирном письменном приборе тоже тайник для такого же миниатюрного фотоаппарата. Вот письма «американских туристов» на подставные адреса ЦРУ. Агент должен писать в них тайнописью свои сообщения. На конвертах адреса некоего Руди Комака в Брукфильде, штат Висконсин, и Арнольда Истона в Баерне, штат Техас. Извлекается блокнот, в обложке искусно спрятаны задания агенту и инструкция об условиях связи. Задания разведки касаются тактико-технических характеристик самолетов ВВС, дислокации оборонных объектов.

Так ЦРУ потеряло еще одного агента, на которого делало большую ставку. И еще одного разведчика московской резидентуры. Весна 1986 года преподносит Лэнгли новый чувствительный провал.

Кошмар и трагедия

Генерал советской разведки Д. Ф. Поляков, он же агент ЦРУ «Топхэт» (по-русски «Цилиндр»), воспринял разоблачение его нашей контрразведкой как «неизбежную судьбу», как «освобождение от кошмара», который преследовал его с самого момента вербовки. А поймало его на крючок Федеральное бюро расследований в 1961 году, когда Поляков находился в долгосрочной командировке в

Соединенных Штатах. Потом его передали Лэнгли, и он получил новую кличку «Байрон», понятную всем и без перевода. Я буду употреблять первый псевдоним «Топхэт».

Нельзя сказать, что Поляков был трусливым по натуре человеком. Да и на службу к американцам он пошел не потому, что сделался жертвой шантажа. Он был сознательным предателем, так сказать, шпионом по убеждению. Ему многое не нравилось в хрущевской «оттепели», не терпел кое-кого из своих непосредственных начальников в ГРУ. И все же главное – меркантилизм, жадность к деньгам. Ему не нравилось, что у него «отнимают» то жалованье, которое ООН щедро выплачивает своим служащим, и значительную часть которого советские сотрудники этой международной организации, по заведенному у нас порядку, должны были сдавать в казну советского государства. Оперативники ФБР и ЦРУ раскусили его слабости и стали играть на них.

«Топхэт» не просит снисхождения к своей судьбе, он знает, что обречен. Слишком многих предал генерал, слишком многое выдал. Два десятка лет сотрудничества с американцами он думает о трагедии своих близких. Они всегда считали его образцовым семьянином, хорошим мужем, отцом и дедом. Они, наверное, никогда не поверят, что он предавал Родину, предавал интересы ее маленькой частицы – своей семьи.

О предательстве Полякова, мотивах совершенного им преступления, постигшей его, уже далеко не молодого человека, кары опубликовано много материалов в нашей прессе. Не оставляют эту тему и в средствах массовой информации за океаном. Впрочем, американцев в основном интересует одно: как могло случиться, что советской контрразведке удалось раскрыть агента «Топхэт»?

Большая часть шпионской деятельности Полякова пришлась на время его заграничных командировок: 1961–1962 годы – США; 1965–1969 годы – Бирма; 1973–1976 и 1979–1980 годы – Индия. Фактически после досрочного отзыва «Топхэта» из Индии ЦРУ потеряло контакт с агентом. А скорее всего, Поляков сам заморозил свои отношения с американской разведкой, почувствовав, что советские органы государственной безопасности держат его под прицелом. Тем не менее, в московском периоде деятельности агента есть кое-что

небезынтересное. Я попытаюсь остановиться на этом периоде, на акциях посольской резидентуры ЦРУ по связи с агентом «Топхэт».

Московский этап включает 1962–1965, 1969–1973, 1976–1979 годы. В Лэнгли ценят агента, считают его преемником разоблаченных советской контрразведкой шпионов Попова и Пеньковского. Для контактов с ним в Москве применяют в основном безличные способы связи – тайники и радиосредства. Сказывается то обстоятельство, что агент – сам разведчик и хорошо разбирается в методах и приемах оперативной работы, в разведывательной технике. Он сам изготовлял миниатюрные магнитные контейнеры, в которых передавал собранную им шпионскую информацию. Эти контейнеры устанавливались в разных местах: на Большой Ордынке и Большой Полянке, в Центральном парке культуры и отдыха, у станций метро. Разведчикам посольской резидентуры было сравнительно несложно подбирать заложенные агентом тайниковые контейнеры: они находили их рядом с домами, где сами проживали, или на маршрутах, которыми обычно пользовались.

В системе безличной связи с агентом «Топхэт» решающее место отводилось радиосредствам. Во время первой командировки в Индию сотрудник ЦРУ Пол Диллман и другие инструкторы разведки обучили агента работе с новейшей разведывательной техникой и быстродействующей радиоаппаратурой. Тщательно прорабатывались и вопросы организации радиосеансов в условиях Москвы. Агенту вручили график на несколько лет вперед, в среднем – один сеанс в месяц. Некоторые радиосеансы производились в направлении здания посольства США на улице Чайковского. Например, из троллейбуса, маршрут которого проходил мимо этого здания. Чаще же – на жилые дома в разных районах города, где проживали сотрудники резидентуры.

Приемо-передающее радиоустройство – чудо разведывательной техники нашего времени. Небольшие размеры (на вид коробка популярных папирос «Казбек») позволяют носить его в кармане пальто или пиджака. В устройство вставляется небольшая антенна, ее тоже нетрудно спрятать в одежде. Радиус действия – пятьсот метров, даже чуть побольше. Передача информации (примерно пол-листа рукописного текста набирается на самом приборе буквами-кнопками)

может производиться с помощью тросика. Продолжительность сеанса – 3–4 секунды.

Существует версия, что советская контрразведка напала на след агента «Топхэт» благодаря ошибке сотрудников ЦРУ, сообщивших американским журналистам информацию о вербовке «сотрудника советского представительства в ООН в начале шестидесятых годов». Это не так. Но, к сожалению, я не могу еще подробно рассказать, как мы вышли на предателя Полякова и обезвредили его.

Мрачные итоги восьмидесятых

В своей книге «Шпион, который скрылся» американский публицист Дэвид Уайз приводит заявление одного из руководителей разведки Вашингтона о положении посольской резидентуры ЦРУ в Москве в восьмидесятые годы:

«Были раскрыты методы и источники получения информации. Были провалены действующие агентурные операции. Агентурная сеть в Москве создавалась многие годы, и теперь будет весьма трудно ее восстановить. Все обстоит гораздо сложнее. Были свернуты все технические устройства. Размер нанесенного ущерба огромен. Для нас там обрублены все концы».

Провалы и неудачи преследовали московскую резидентуру все восьмидесятые годы. Но особенно тяжелыми для нее были, как мне представляется, 1981, 1983, 1985–1986 годы. Удары сыпались один за другим. Не помогло недовольство Лэнгли, настоятельные требования вашингтонского руководства, даже недвусмысленные угрозы верховного начальства. Сотрудники московской резидентуры начали паниковать. Был приостановлен ряд разведывательных акций.

Тогда решили сместить акценты. Операции против Советского Союза перенесли с его территории в сопредельные страны, вербовочную деятельность по советским гражданам усилили в третьих государствах и Соединенных Штатах, подвергли дотошной ревизии работу московской резидентуры, чтобы выяснить подлинные причины провалов.

В восьмидесятые годы в советской печати нередко появлялась рубрика «В Комитете государственной безопасности СССР». Публиковавшиеся там материалы касались главным образом разведывательно-подрывной деятельности ЦРУ. Их могло бы быть и

больше, но руководители Советского Союза, видимо, считали нецелесообразным обрушивать на своих граждан лавину информации о подлинных размерах американского шпионажа. Они, кроме того, очевидно, не хотели предавать широкой огласке те факты, что среди разоблаченных агентов ЦРУ были сотрудники КГБ и ГРУ. Конечно, иногда было необходимо держать американцев в неведении относительно тех или иных действий наших спецслужб. Однако не сразу был сделан вывод о том, что не должна скрываться правда о наших неудачах.

Вот печальный для Центрального разведывательного управления и его посольской резидентуры в Москве итог восьмидесятых годов: семеро сотрудников захвачены с поличным советской контрразведкой при проведении разведывательных акций и выдворены из Советского Союза; четверо оперативников высланы из нашей страны в порядке ответных мер и более тридцати раскрыты в средствах массовой информации как участники конкретных шпионских операций. Далее разоблачены и обезврежены двадцать два агента из числа советских граждан; прекращены две крупные технические операции; перехвачены более десяти «инициативников», которые могли бы стать активными американскими агентами.

К этому надо добавить тяжелые потрясения в Центральном разведывательном управлении, которые были вызваны побегом из Соединенных Штатов в 1985 году и обращением к советскому правительству с просьбой о предоставлении политического убежища бывшего сотрудника советского отдела Оперативного директората Эдварда Говарда.

Помимо этих драматических событий Лэнгли пришлось испытать немало тяжелых поражений. Но, пожалуй, самое сильное потрясение было связано с делом Олдрича Эймса – начальника секции контрразведки советского отдела Оперативного директората ЦРУ. Суть дела не меняется от того, списывать ли на Говарда, Эймса, других источников КГБ в ЦРУ провалы американской разведки в Советском Союзе, раскрытие шпионской сети в нашей стране, крах важнейших тайных операций Вашингтона.

Сраженный смертельной болезнью, Уильям Кейси в 1987 году уходит из жизни. Он покидает этот мир убежденным «ястребом», патологическим антикоммунистом, ярким приверженцем «крестового

похода» на Советский Союз. Нельзя сказать, что его преемники – «голуби». Новоиспеченный директор управления Уильям Уэбстер, например, в декабре 1987 года заявляет:

«Основные усилия американского разведывательного сообщества будут направляться на более качественное и продуктивное использование существующей в настоящее время на территории СССР американской агентурной сети, а также на ее активное наращивание и обновление».

Здесь нет присущей Кейси агрессивной риторики. Но есть стремление выдать желаемое за действительное, есть настойчивое желание воссоздать разгромленную в СССР агентурную сеть Лэнгли.

Центральное разведывательное управление подвергается критике и прямым обвинениям со стороны президента и конгресса. Оно становится объектом язвительных нападок американских средств массовой информации. Скоро последовали крупные перемены и кадровая чехарда в разведке Вашингтона. За период с 1987 по 1996 год сменились пять руководителей ЦРУ. Перетряске подверглись Оперативный и Информационно-аналитический директораты, которые сочли ответственными за провалы и недостаточную информацию о Советском Союзе.

В условиях мощного наступления ЦРУ на Советский Союз существовало два способа защиты – глухая оборона и активные меры противоборства. Органы КГБ, советская контрразведка избрали второе направление – назовем его активной обороной, включающей контратаки. Такая тактика позволяла Второму главному управлению, его первому отделу маневрировать силами и средствами, максимально использовать созданный в стране жесткий контрразведывательный режим для деятельности иностранных спецслужб.

Активные, наступательные во многом по своему характеру методы контрразведывательной работы давали возможность своевременно вскрывать личный состав посольской резидентуры в Москве, выявлять применяемые ею способы и приемы проведения разведывательных акций, перехватывать использовавшиеся резидентурой и агентами средства, контролировать конкретные операции. В конце восьмидесятых годов советским органам безопасности удалось отстоять свое право иметь эффективный

агентурный аппарат, иные средства для организации оперативно-розыскной деятельности.

Глава 8. Изменники и перевертыши

О предателях и предательстве

В восьмидесятых годах советская контрразведка разоблачила немало американских агентов – советских граждан, которые поддерживали шпионскую связь с посольской резидентурой в Москве. Были пресечены попытки ряда «инициативников» вступить в контакт со спецслужбами США. Мне по необходимости пришлось встречаться с некоторыми из этих лиц, слушать их признания и покаяния.

Все они с каким-то запоздалым прозрением говорили о своем предательстве, о том, что толкнуло их к измене Родине, к выдаче американской разведке секретов, которые принадлежали нашему государству. Говорили они о своих слабостях, о своей алчности и эгоизме. Конечно, был и понятный страх перед неизбежным наказанием за совершенное преступление. Но вот что любопытно – разоблаченные агенты никогда не выказывали ни малейших признаков лояльности к своим хозяевам. Наверное, не всегда они были до конца искренними. Но во многих случаях не притворялись. Так уж устроен человек, что он не только стремится находить оправдание своим действиям, какой бы характер они ни носили, но в «момент истины» готов каяться во всех своих прегрешениях.

Предателями, шпионами, как, впрочем, и героями, не рождаются. Ими становятся. Становятся в силу определенных черт характера, которые проявляются в определенных жизненных обстоятельствах. Одни выдерживают трудные испытания, в которые попадают часто по недомыслию, а другие ищут подходящие оправдания своему предательству, своим изменническим действиям. Но мне приходилось встречать и таких людей, которые вполне осознанно шли на измену Родине, шли ради целей, которые, как им казалось, перевешивали допустимый риск, опасность разоблачения.

Говорю обо всем этом не только с законным удовлетворением «охотника за шпионами», но и с чувством горечи и сострадания к исковерканным судьбам людей, оказавшихся в сетях секретной службы Вашингтона.

На первый отдел Второго главного управления легла тяжелая ноша – вскрывать и пресекать разведывательно-подрывную деятельность московской резидентуры ЦРУ, выявлять и разоблачать действующих в Советском Союзе и связанных с резидентурой американских агентов. Поэтому отделу в основном приходилось иметь дело с тяжелейшим преступлением – изменой Родине. Если человек нарушил закон сознательно, если его не принудили к этому серьезные обстоятельства, и если это деяние влекло за собой серьезные последствия для безопасности и обороноспособности страны, его сурово наказывали.

Предателям, «обманувшим доверившихся», великим итальянским поэтом Средневековья Данте было уготовлено место в самом последнем, девятом кругу ада. Там они за свои тяжкие грехи подвергались невероятно жестким карам.

У всех народов во все времена измена Родине, предательство считалось тягчайшим преступлением. Изменники и предатели всех мастей презирались и осуждались народом, к ним относились как к людям без чести и достоинства, как к отбросам общества. Наказание таких людей всегда рассматривалось как праведная мера.

В ЦРУ были заинтересованы в компрометации органов государственной безопасности нашей страны, разведки и контрразведки, в создании образа «кроважного и безжалостного КГБ». Всеми методами и способами такой образ обыгрывался американской разведкой в пропаганде, в акциях «психологической войны». Давным-давно уже минули времена, когда совершались незаконные репрессии, в которых были замешаны органы безопасности СССР, но тема «кроважности» продолжает муссироваться на Западе, создавая впечатление, будто бы кровавые репрессии в России продолжают и в наши дни. Жупелом КГБ и его наследников стремятся запугать многих, извратить реальное положение вещей.

Да, в последние годы российские органы безопасности, сталкиваясь с все возрастающим объемом деятельности ЦРУ и других иностранных разведок, были вынуждены прибегать к карательным мерам по делам, связанным со шпионажем, с изменой Родине. Однако во всех известных мне случаях разоблачения агентуры зарубежных спецслужб строго соблюдалось уголовное законодательство, которое

исключало ошибки при оценке полученных материалов о шпионском сотрудничестве того или иного советского или российского гражданина с разведками противника.

Почему я утверждаю так категорично? Да потому, что эти основополагающие документы предусматривают сбор неоспоримых реальных и объективных доказательств. А от нас, оперативников, исполнительная и законодательная власть давно уже требовала и будет требовать сейчас неукоснительного выполнения всех предусмотренных законом правовых норм.

Большую помощь оперативным подразделениям контрразведки оказывали работники следственных аппаратов КГБ на стадии разработки. Конечно, речь шла о разоблачении агентов иностранных разведок, об их наказании за совершенные преступления, о защите национальной безопасности нашей страны. Этим руководствовались в контрразведке, а вовсе не голым стремлением «упрятать» кого-то за решетку. Такой подход был ко всем без исключения делам разоблаченных шпионов Центрального разведывательного управления, да в Лэнгли, по существу, и не отрицали очевидного: слишком весомы были улики, тем более, когда задерживались с поличным разведчики посольской резидентуры, когда у американских агентов обнаруживали шпионские материалы. Именно на это делался упор, а не на получение пресловутых «признательных показаний». Показания арестованных шпионов играли свою роль, но они не были решающими для расследования.

Поддерживающий тесные связи с ЦРУ американский журналист Пит Эрли, автор опубликованной у нас книги «Признания шпиона» (о деле Олдрича Эймса), приводит внушительный список имен советских граждан, завербованных американской разведкой и разоблаченных впоследствии органами КГБ. Эрли называет даже оперативные псевдонимы, которые были даны этим шпионам в ЦРУ. В списке – Огородник и Толкачев, Поляков и Шевченко, Мартынов и Моторин, Полещук и Сметанин, Поташов и Воронцов и некоторые другие изменники, о которых я рассказывал читателям. Многих агентов ЦРУ, о которых я писал, Пит Эрли не упоминает, хотя они также связаны с активной деятельностью американской разведки в семидесятых-восьмидесятых годах против Советского Союза. В чем тут дело?

Ответ найти несложно. Пит Эрли точно придерживается установки своих спонсоров из Лэнгли – «свалить» на Эймса вину за всех разоблаченных нами американских шпионов. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что ЦРУ снабдило журналиста специально подобранными материалами с задачей оправдать свои провалы в Советском Союзе.

Помощь оступившимся

Важным направлением работы контрразведки было оказание помощи попавшим в беду, оступившимся людям, вывод их из ситуаций, созданных иностранными спецслужбами, за которыми могло последовать тягчайшее преступление – шпионаж. Есть немало примеров того, когда советские и российские граждане с готовностью принимали предложенную им помощь и выражали признательность нашим сотрудникам, которые фактически спасали их от падения в пропасть измены.

Проиллюстрирую нашу деятельность в этом направлении двумя примерами, связанными с акциями ЦРУ.

В 1986 году объектом разработки американской разведки стал молодой сотрудник МИД СССР В., находившийся в заграничной командировке в одной из стран Юго-Восточной Азии. Опытный вербовщик из Лэнгли Стефане, играя на тщеславии начинающего дипломата, пытался втянуть его в шпионскую деятельность. Этому способствовали сумбурные политические взгляды В., неудовлетворенность работой, стремление к «легкой и веселой жизни».

У правоохранительных органов СССР были основания привлечь В. к уголовной ответственности. Однако, учитывая, что благодаря своевременно принятым КГБ мерам существенного ущерба действия В. не нанесли, принимая во внимание его молодость и семейное положение (он недавно женился, и в семье появился ребенок), было принято решение прекратить уголовное дело. Новая работа, влияние отца – военнослужащего, личный контакт с В. оперработника контрразведки – все это привело к тому, что В. осознал свою ошибку, которая могла бы стать роковой.

В 1987 году следственным отделом КГБ было возбуждено уголовное дело по обвинению в измене Родине в форме шпионажа

другого сотрудника МИД СССР, Д., который, находясь в загранкомандировке в одной из стран Южной Америки, был привлечен к шпионскому сотрудничеству американской разведкой. Д. выдал ЦРУ некоторые сведения о советском посольстве, получил от американцев инструкции по дальнейшей связи, а также денежное вознаграждение.

После выяснения всех обстоятельств дела и принимая во внимание незначительность нанесенного им ущерба, уголовное дело на Д. было прекращено. Он выразил благодарность, что его вовремя удержали от тяжкого преступления, и был очень признателен за гуманное решение.

Применявшийся «нетрадиционный» подход давал положительные результаты. Методы профилактики прочно вошли в практику оперативной работы контрразведки.

Можно рассуждать на тему об «извечности» шпионажа, о том, что свою родословную шпионы и предатели ведут с библейских времен.

Предательство – явление не генетическое, не врожденное, а социально-политическое. К предателям не подходит определение в духе изысканий Ломброзо – «монстры, лишённые разума и совести». Поведенческий кодекс предателей, которые оказались в сетях американской разведки, вполне укладывается в житейские правила. Их психология аморальна, но аморальна именно с точки зрения конкретного общества. И, наоборот, она моральна для потребителя – ЦРУ, которое определяет ценность предателя тем, что он может предложить.

Можно говорить, что шпионаж стал бизнесом, ведь спрос рождает предложение. И все же никто, пожалуй, не станет оспаривать того, что предательство, шпионаж порождены противоречиями в нашем мире, острейшим столкновением интересов государств, способностью привлечь на свою сторону граждан других стран. И далеко не всегда они вызываются идеологическими причинами.

Слава и позор, героизм и предательство... Перепутаны некоторые понятия и определения, переставлены местами причины и следствия. Общество в нашей стране сегодня расколото. «Перевертыши» и «ренегаты», «пятая колонна» и «агентура влияния» – поток таких обвинений в адрес конкретных персонажей в условиях развала Советского Союза, низведения нашей страны до уровня второразрядного государства нарастает. Кое-кому становятся чуждыми

и ненавистными привычные представления о национальной гордости, патриотизме, защите интересов собственной страны, и вот уже шпион, предатель Родины ходит чуть ли не в героях, а тот, кто грабит и проматывает богатства страны, считается удачливым предпринимателем.

Неприятный осадок у многих оставляют появляющиеся время от времени в наших средствах массовой информации претендующие на солидность и объективность материалы о таких предателях и изменниках Родины как агент ЦРУ Шевченко, агенты СИС Гордиевский и Обухов, о некоторых других лицах, совершивших преступления против нашей страны и нашего народа. Их предательству, сотрудничеству с иностранными разведками подыскиваются благопристойные объяснения, гневное осуждение заменяется восхвалением или попытками отыскать какие-то извиняющие мотивы в совершении ими измены Родине. И уж совсем непонятно стремление предоставить кое-кому из таких предателей трибуну для проталкивания идей, которые им подсказывают хозяева из иностранных спецслужб.

Не так давно по телевизионному каналу РТР в программе «Национальный интерес» зрители могли увидеть бывшего сотрудника ГРУ майора В. Резуна, изменившего Родине в 1978 году и бежавшего в Великобританию.

Резун не скрывает (он это сделал и в своем «покаянном» обращении к русским читателям «Ледокола»), что он – «предатель и изменник» и заслуживает «самого сурового приговора». Но предатель пытается утаить свою связь с английской разведкой. Это, конечно, понятно. «Идеологические мотивы», которыми прикрывается военнотрудовой – изменник Родины, как-то не вяжутся с корыстным служением разведке противника. Думаю, не следует заниматься бездумным гаданием на тему, какова была и есть роль Секрет интеллидженс сервис в деле Резуна. Ответ ясен. Заявления перебежчика о том, что он «никаких секретов не выдал», – это сказки для детей. Ведущего программы Дмитрия Киселева еще можно было бы понять, если бы он решительно осудил предательство Резуна, хотя бы в конце передачи, когда большинство собравшихся в студии высказывали свое негативное отношение к перебежчику. Игра в объективность ведущего привела к тому, что он фактически не

прореагировал на глумливые заявления Резуна о «высокой морали» совершенной им измены Родине. Предатель к тому же получил возможность беспрепятственно протащить согласованные с английской разведкой лживые дезинформационные байки о ходе Великой Отечественной войны, пропагандировать свои «произведения», выдержанные в том же духе, а заодно – и оправдаться в измене Родине, в нарушении воинской присяги.

«Птицы одного оперения сбиваются в одну стаю», – гласит английская поговорка. Существует немало русских эквивалентов этой поговорки – «одного поля ягода», «видно птицу по полету», «ворон ворону глаз не выклюет». Это лишь некоторые из них. Предатели всегда собираются в кучу, чтобы действовать сообща. Вот и Резун восторгается агентом английской и американской разведок Пеньковским, радуясь, наверняка, что избежал его судьбы. В свою очередь, перед автором пасквильной книжки «Ледокол» преклоняется небезызвестный Владимир Буковский, осужденный в СССР за антигосударственные преступления и выдворенный впоследствии из нашей страны. Это тот самый Буковский, которого любезно привлек к себе в «консультанты», будучи председателем Комитета государственной безопасности, Вадим Бакатин. Как вы думаете, чем этот предатель заработал себе право на привольную жизнь в Великобритании? Правильно – антисоветизмом, который он с удовольствием выплескивал на свою бывшую Родину. Но не только этим – а и своими «особыми отношениями» с Секрет интеллидженс сервис, услугами, которые он оказывал английской разведке.

Мне жаль и аудиторию, которую собрал в студии на встречу с Резуном канал РТР. Нет, не ту ее часть, которую представляли некоторые бывшие диссиденты, смыкавшиеся с предателем по духу, по его отношению к Великой Отечественной войне, к Родине и нашему народу. А другую ее часть, которую ведущий умышленно расположил отдельно от союзников Резуна. Мне не очень понятно, почему эта часть аудитории, не приемлющая предательства и осуждающая Резуна, решила вступить в телевизионную полемику с этим негодяем. Морализировать на темы измены Родине, на мой взгляд, абсолютно бесполезно.

Попытки оправдания предательства, обеления изменников Родины, к сожалению, затронули неприкасаемые для ревизии

героические события Великой Отечественной войны. Не могут не вызывать отвращения смакуемые кое-кем в России «истории» воевавших на стороне немецко-фашистской армии бывших белогвардейских генералов Краснова и Шкуро, прославление предателя Власова, будто бы изменившему не Советскому Союзу, а «большевизму»! Именно как символ предательства воспринимается власовское трехцветное знамя, неосторожно провозглашенное государственным флагом России.

Глубокое презрение вызывают потуги некоторых лиц героизировать предателей, наделить их фальшивым ореолом борцов против социалистического строя. Убежден: оправдание предательства – показатель нравственного перерождения тех, кто этим занимается.

«Нетрадиционные источники», или «Пятая колонна»

Не только профессионалу, но и, смею думать, просто здравомыслящему человеку понятно, что такие категории как «ренегаты», «перевертыши», не равнозначны лицам, замешанным в шпионской деятельности. Негативное отношение к ним населения от этого, впрочем, не меняется. Сложнее вопрос о «пятой колонне». Как известно, это понятие появилось во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 годах применительно к агентам и пособникам франкистов, использовавшимся для проведения тайных операций в республиканском тылу. Сейчас этот термин приобрел скорее нарицательное чем сугубо профессиональное, оперативно-специфическое значение. На мой взгляд, часто неправомерно ставится знак равенства между «пятой колонной» и «агентами влияния». А между тем, «пятая колонна» как рычаг воздействия на политические и экономические процессы гораздо шире понятия «агенты влияния». Попытаюсь позднее раскрыть свое понимание «агентуры влияния» в контексте деятельности ЦРУ.

Я уже отмечал, что доктрина Центрального разведуправления ставит во главу угла агентуру как главное оружие разведывательной работы – и в деятельности по добыче информации, и в других аспектах. Незаменимым и единственным средством проникновения в планы и намерения противника называют агентуру все без исключения руководители из Лэнгли. Если вначале у них в ходу был так называемый синдром Пёрл-Харбора, то есть вполне понятная

необходимость защиты от внезапного нападения, то на последующем витке конфронтации между Западом и Востоком муссировался тезис о том, что только с помощью агентуры можно овладеть секретами такого закрытого общества как Советский Союз. Теперь отброшен и этот предлог, ибо им невозможно объяснить и оправдать нынешнее глобальное наступление американской разведки на секреты других стран.

В 1992 году влиятельная в США газета «Нью-Йорк тайме», подчеркивая, что разведывательные спутники отнюдь не всемогущи, писала: «На деньги, которые стоит один не слишком дорогой спутник, ЦРУ может нанять буквально тысячи агентов».

Потребительское, сугубо меркантильное отношение к агентуре характерно для ЦРУ. В инструкции одному из агентов, например, говорилось: «Чтобы выполнить вашу часть договора, сведения, которые вы передаете нам, должны быть ценными для нас. В ответ на это мы вам будем платить соответственно ценности сведений». Цена агента определялась, таким образом, простой формулой – соотношением произведенных расходов на его вербовку и использование и прибылью, полученной от реализации информации агента. Добавлялась и «плата за риск» – материальные и, так сказать, «моральные» расходы на поддержание связи с агентом в нашей стране. Потерявшие свою ценность, «выработавшиеся» агенты – обуза для американской разведки, от них, во избежание неприятностей, стремятся откупиться, прекращают контакт, невзирая на заслуги в прошлом. Бывший американский разведчик Филип Эйджи, рассказывая в своей книге «За кулисами ЦРУ» о занятиях в учебном центре разведки в Кэмп-Пири, отмечает: «Когда инструктору задали вопрос, насколько решительными могут быть меры по прекращению связи с агентом или избавлению от него при трудных обстоятельствах, он уклонился от разъяснения, но не отверг и крайних решений». Что это за «крайние решения» – нам известно по целому ряду шпионских дел.

Все разговоры о заботе американской разведки об агентах – не более, чем искусно созданный миф. В действительности ЦРУ беспокоят последствия разоблачения шпионов, безопасность работающих с ними разведчиков, собственное благополучие. Главная «забота» – не допустить, чтобы агент попал в руки контрразведки.

Именно в этих целях в управлении идут на организацию конспиративного вывоза агентов, если создается угроза их разоблачения. Подобные планы разрабатывались, в частности, для шпионов Пеньковского, Толкачева, Полякова. По фиктивным документам на иностранных граждан намеревались вывезти из Советского Союза и других агентов.

В английском языке, как и в нашем, богатом на оттенки, существует немало определений для лиц, вставших на путь предательства и шпионажа. В ЦРУ приняты свои обозначения для многочисленного и разнообразного отряда агентов – «главных» и «вспомогательных». Я уже говорил о категориях американской агентуры в одном из предыдущих разделов. Хочу сейчас добавить следующее. Существуют различные термины для обозначения лиц, которые вступают в шпионский контакт с иностранной разведкой по своей собственной инициативе. Это – «ходоки», то есть лица, которые с этой целью заходят в заграничные учреждения США, главным образом, в посольства и консульства. Это – «перебежчики», для которых в Лэнгли находят два обозначения – те, кто готов к шпионскому сотрудничеству с американской разведкой в своей стране, и те, кто отказывается от этого и предпочитает получить убежище в США. Иногда и тех, и других называют довольно нелепым словом – «самоходы». В советской контрразведке был принят термин «инициативники».

Разные определения в ЦРУ для агентов (своих и чужих), проникших или пытающихся проникнуть в спецслужбы или в агентурную сеть разведки. Наиболее известное из них – «крот», есть и другие – «двойник», «подстава». И для других категорий агентуры приготовлены красочные названия: «агент, используемый втемную», «агент-наводчик», «почтальон» (агент, адрес которого используется для получения писем с тайнописью). И, наконец, еще один термин, появившийся уже в недавнее время, – «нетрадиционные источники».

Костяк агентурной сети ЦРУ в Советском Союзе, «замкнутой» на московскую резидентуру, составляли «информаторы, осведомители», то есть агенты, снабжавшие информацией, в основном документальной или основанной на документальных материалах. Риск поддержания с ними связи непосредственно в СССР оправдывался, по расчетам Лэнгли, именно доступом к ценной информации, их

надежностью, готовностью к шпионскому сотрудничеству на территории нашей страны. Агентам, которые не соответствовали этим требованиям, создавали возможность для контакта за рубежом или переводили их на безличные формы связи – на прием радиопередач из Франкфурта-на-Майне (ФРГ), Афин (Греция), Монровии (Либерия), Манилы (Филиппины) и из других пунктов; на направление добытой информации в письмах на подставные адреса агентов-почталыонов, а часто и в адреса в США самих сотрудников ЦРУ, в адреса их родственников и знакомых. Наконец, применялись тайники, которые закладывались резидентурой.

ЦРУ славится своим умением быстро приспособливаться к обстановке. Такая гибкость была вынужденной. Во-первых, в результате действий органов госбезопасности СССР агентурная сеть управления в нашей стране была разгромлена, на ее восстановление требовались время и огромные усилия. Во-вторых, несмотря на развертывание горбачевской перестройки и гласности, контрразведывательный режим для деятельности ЦРУ в нашей стране продолжал оставаться достаточно жестким. Нетрадиционные источники, по замыслу американской разведки, как раз должны были компенсировать потери и нарастить объем разведывательной информации о Советском Союзе, в которой так нуждалось руководство США в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, а также стать проводниками американского влияния.

Термин «нетрадиционные источники» – изобретение руководителей ЦРУ, вознамеривавшихся затуманить существо задуманного ими дела. В конечном счете там не стали скрывать, что речь идет об агентурных источниках.

Учитывая благоприятные для американских спецслужб условия, возникшие в нашей стране после горбачевской перестройки и развала Советского Союза, в Лэнгли сделали ставку на создание в Российской Федерации и в других странах СНГ, а также в прибалтийских государствах проамериканского лобби в законодательной и исполнительной власти, в кругах интеллигенции, в промышленных, коммерческих, банковских сферах, в среде лидеров политических партий и движений, в средствах массовой информации. Безусловно, нетрадиционные источники – это, в сущности, доверительные контакты, марионетки, не всегда послушные своим хозяевам и не

всегда осознающие, что имеют дело со спецслужбами, но всегда преследующие свой интерес и действующие в угоду американским целям.

Агентура влияния

Акции влияния, которые проводит Центральное разведывательное управление по прямому указанию президента США и Совета национальной безопасности, всегда носят ярко выраженный политико-идеологический характер. В последние годы опубликовано большое количество исследовательских материалов о деятельности ЦРУ. Авторы многих из них – бывшие сотрудники американской разведки. Они свидетельствуют о широком агентурном проникновении американской разведки в верхние эшелоны власти во многих странах мира, в правительственные и военные инстанции, разведывательные и контрразведывательные органы, политические партии и профсоюзы, средства массовой информации. Нередки случаи, когда платными агентами Центрального разведывательного управления становились высшие руководители государств, особенно если эти государства были зависимы от США экономически или состояли в возглавлявшихся ими военно-политических блоках. Немало было и таких, кого связали с управлением «доверительные отношения», «идеологическая близость».

Интересную статистику, основанную на американских официальных источниках, приводит в своей книге «Агрессия против разума» известный советский журналист В. Большаков. Согласно этой статистике, к середине восьмидесятых годов в военных учебных заведениях США прошли подготовку: 25 президентов и глав государств, 16 членов правительств, 258 начальников штабов вооруженных сил, 2092 генерала и адмирала. ЦРУ и ФБР также готовили в своих спецшколах «перспективные кадры руководителей», приглашенных на учебу из иностранных государств.

Американский публицист Боб Вудворд рисует такую картину «тайных операций» Центрального разведывательного управления с использованием источников влияния:

«Руководитель резидентуры ЦРУ в какой-либо стране дает советы главе данного государства, начальнику разведки или кому-то, кто имеет функции, выходящие за пределы сбора информации».

Понятно, что в Советском Союзе (по крайней мере до того, как он стал разваливаться) это было исключено, и ЦРУ было вынуждено искать другие каналы связи с лицами, которых в американской разведке считали агентами влияния или «нетрадиционными источниками».

Об использовании ЦРУ в Латинской Америке агентуры влияния рассказывает бывший американский разведчик Филип Эйджи. Приведу выдержку из его книги «За кулисами ЦРУ», поскольку в ней нетрудно увидеть ряд характерных приемов и методов, которые применяются американской разведкой во многих регионах мира в современных условиях. Вот о чем пишет Эйджи:

«Политические операции, предусматривающие устранение опасности левых сил, имеют своей целью финансирование тех или иных иностранных политических деятелей, при помощи которых можно добиться желаемого политического курса правительства данной страны. Для обеспечения политической карьеры таких деятелей даже после их ухода из правительства резидентура оказывает им финансовую поддержку. Политические операции вовсе не сводятся к финансированию и даче рекомендаций отдельным политическим деятелям. ЦРУ проводит операции перед выборами, которыми охватываются целые политические партии и финансируются кандидаты. Эти операции, на которые расходуются многие миллионы долларов, включают в себя широкие пропагандистские кампании, создание механизмов финансирования (часто под крышей американских бизнесменов), запугивание оппозиции, устройство провокаций и распространение слухов, прямой подкуп избирателей».

Как в воду глядел бывший американский разведчик! Можно вспомнить, в частности, президентские выборы в России в 1996 году. В том числе – загадочную для многих идеалистов историю с прибывшей в нашу страну командой американских консультантов, руководимой Ричардом Дрезнером и обосновавшейся в «Президент-отеле» при штабе избирательной кампании Бориса Ельцина. Американские источники, хоть и с некоторым опозданием, раскрыли «секреты» работы группы Дрезнера. Советники из США пользовались всей информацией, стекавшейся в штаб Анатолия Чубайса – Татьяны Дьяченко, поддерживали регулярную связь с администрацией президента Клинтона. Американское посольство и резидентура ЦРУ в

Москве в этом процессе, по-видимому, не участвовали по соображениям конспирации. Недаром работа консультантов держалась в глубокой тайне от граждан нашей страны. Впрочем, в контактах с американским посольством и не было необходимости.

Вполне понятны «опровержения» на этот счет, сделанные А. Чубайсом, Т. Дьяченко, С. Филатовым, Г. Сатаровым и примкнувшим к ним В. Никоновым, бывшим помощником последнего председателя КГБ В. Бакатина, а ныне руководителя одного из бесчисленных «фондов», возникших в России на гребне политической неразберихи. Заявление Никонова американскому корреспонденту – «Это чертова ложь. Там *(то есть в гостинице «Президент-отель».* – Р.К.) нет иностранцев» – в свете выступления Дрезнера теперь должно войти в историю политической дезинформации, призванной прикрыть существо дела. Как, впрочем, и опровержения других фигурантов этой скандальной истории.

Один из «отцов» Центрального разведуправления, его директор в 1953–1961 годах Аллен Даллес призывал создавать «пятую колонну» в нашей стране, искать «единомышленников и помощников», поддерживать тех, кто будет проповедовать культ предательства, национализм, вражду к русскому народу. Он придавал особое значение деидеологизации советского общества, замене национальных ценностей на «общемировые», «промыванию мозгов», особенно молодежи.

В одном из документов КГБ СССР семидесятых годов – «Планы ЦРУ о приобретении агентуры влияния среди советских граждан», обнародованном в конце 1991 года в Верховном Совете СССР председателем КГБ В. Крючковым, в частности, говорилось:

«В последнее время ЦРУ США разработало планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривая приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку.

Руководство ЦРУ планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию трудностей внутривосточного характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, заставит вести научные изыскания по тупиковым направлениям».

Не всегда, конечно, планы выполняются, но замысел в данном случае очевиден.

Теперь, когда мы познакомились с высказываниями некоторых разведчиков ЦРУ и с документом КГБ, вернемся снова к довольно туманному американскому термину – «нетрадиционные источники». В сложнейшей обстановке последней трети восьмидесятых в ЦРУ не могли не ухватиться за новые возможности развертывания разведывательно-подрывной работы против Советского Союза, тем более, что они давали шанс не быть схваченными за руку. «Нетрадиционные источники» предоставляли управлению обширное поле деятельности в этих условиях. Особенно заманчивой казалась перспектива приобретения «нетрадиционных источников» среди лиц, выезжавших за границу.

А такие возможности значительно расширились. Дело, видимо, не только в снятии барьеров для поездок советских граждан за рубеж. Гораздо более серьезными мне представляются другие факторы – обострение обстановки в нашей стране, расслоение общества, ослабление государственной дисциплины, моральных, сдерживающих рычагов. То, что иногда называют «правовым беспределом». При этом в ЦРУ понимали: совсем не обязательно устанавливать прямые агентурные отношения с «клиентами», не требуется, чтобы они сознавали, что имеют дело с разведкой.

Во многих случаях можно прибегать к камуфляжу в форме наделения своих источников ролью «консультантов», «экспертов», «деловых партнеров» и тому подобное. Важно, чтобы у таких источников имелся личный интерес к поддержанию контактов, и его надо умело направлять в нужное русло. И не обязательно, чтобы этот интерес был чисто денежным, материальным. Им могут быть

политические планы, властные или престижные амбиции, интересы родственников и так далее.

Термин «агентура влияния» широко применяется американской разведкой. Агенты влияния, в том числе и в нашей стране, отнюдь не миф, не призрак, которым запугивают слабонервных. Не исключено, что в Лэнгли прибегли к маскировке термина «агенты влияния» другим названием – «нетрадиционные источники», так как приходилось оперировать им не только в секретных документах разведки, где скрывать ничего не нужно, а в широкой аудитории, в средствах массовой информации. Перелицевание терминов могло понадобиться еще и потому, что термин «агентура влияния» звучит как-то зловеще, в то время как «нетрадиционные источники» – никого не настораживает.

Термин «агентура влияния» приобрел особое звучание в канун развала Советского Союза и в настоящее время. С деятельностью спецслужб США, с «агентами влияния» многие, как известно, связывают распад СССР и последующие негативные процессы в России. Называются имена конкретных лиц в руководстве Советского Союза, в Политбюро ЦК КПСС – виновников развала могучего государства, виновников бед, обрушившихся на его народы. Отсюда вполне логично следует и обвинение некоторых из них в связях с иностранными разведками.

Применительно к деятельности ЦРУ термин «наш человек в Москве» (по аналогии с названием романа английского писателя Грэхема Грина «Наш человек в Гаване») – далеко не безобидный литературный образ. Я разделяю в связи с этим точку зрения генерала армии М. А. Гареева, когда он говорит:

«Иногда наблюдается слишком упрощенный подход к объяснению причин крушения СССР: будто бы США завербовали несколько главных советских руководителей, которые, оказавшись предателями, все и разрушили. Дыма без огня не бывает. Но можно ли себе представить, чтобы несколько завербованных КГБ деятелей Запада могли бы изменить государственный и общественный строй США или ФРГ?».

Я не сторонник, более того, решительный противник довольно распространенного сейчас мнения о том, что Советский Союз пал жертвой деятельности ЦРУ. Все, на мой взгляд, не так однозначно и гораздо сложнее. Бесспорно, США стремились в «холодной войне»

повергнуть своего противника, громко афишировали намерения ликвидировать социализм как общественную систему. Но обратимся к свидетельствам некоторых руководителей Центрального разведывательного управления, которых, конечно, нельзя обвинить в незнании существа дела.

Роберт Гейтс, директор ЦРУ в 1991–1993 годах: «Кто мог бы подумать еще пять лет назад, где мы окажемся сегодня! Информация об СССР была слабой, так как агентурная сеть нашей разведки как раз в это время была свернута».

Уильям Уэбстер, директор ЦРУ в 1987–1991 годах: «Информация из Советского Союза была отрывочной. ЦРУ не смогло предсказать краха Советского Союза».

Стэнсфилд Тернер, директор ЦРУ в 1977–1981 годах: «Нам не следовало бы замазывать неудачу ЦРУ» *(в оценке событий в Советском Союзе. – Р.К.)*.

Многими аналитиками в США неспособность Лэнгли правильно оценивать обстановку и прогнозировать ее развитие связывалось с «зашоренностью» разведуправления, с тем, что оно увязло в «холодной войне» и преувеличило исходящие от Советского Союза опасности и угрозы. Можно добавить к этому, что хотя ЦРУ никогда не страдало от информационного голода, его московская резидентура не отличалась поставкой качественной политической информации практически во все времена.

Не возникает абсолютно никаких сомнений насчет того, что США, их спецслужбы, Центральное разведывательное управление в первую очередь, немало сделали для того, чтобы ослабить Советский Союз. Однако мне представляется, что решающие факторы, определившие в конечном счете судьбу СССР, лежат во внутреннем кризисе, в проблемах экономики, в разложении значительной части верхушки государства и КПСС. При этом ЦРУ – и не только оно одно! – было «толкачом» многих негативных явлений, происходивших в Советском Союзе. И все же одному разведуправлению Вашингтона, да и самим Соединенным Штатам было бы не под силу разрушить мощное социалистическое государство. Американская разведка могла выиграть отдельные сражения в «холодной войне», но развалить и уничтожить великую державу, по существу совершить переворот – ей было не по зубам.

Внутренний кризис в советском обществе, поддержка определенных сил в руководстве нашего государства из-за рубежа породили обширную «пятую колонну», которая и свершила черное дело развала и уничтожения СССР. «Пятая колонна» пошла на сговор с внешними силами, на отказ от социальных завоеваний трудящихся, на предательство содружества народов. Разве нельзя адресовать всем участникам «пятой колонны» горькие слова украинского общественного деятеля, писателя Бориса Олейника, обращенные к первому и последнему президенту советского государства:

«...И самый тяжкий грех – политический разврат, когда вы на глазах мирового сообщества поочередно отдавались то заокеанским, то западноевропейским лидерам. Объективно вы открыли путь тем, кто с ног на голову перевернул исконные понятия совести, чести, достоинства, верности Родине, долгу и присяге, канонизировав, как добродетели, категории ренегатства, жульничества, коллаборационизма, нигилизма, клятвопреступничества, наглого воровства, оплевывания истории, унижения воинов Великой Отечественной и ветеранов труда. Отравив духовную ауру, они сделали нормой самое отвратительное – апологию предательства. Предательство стало нормой».

Вернемся к проблемам «агентов влияния» и «нетрадиционных источников». Один из руководителей Первого главного управления КГБ СССР генерал-майор Ю. И. Дроздов отмечает некоторые особенности «агентуры влияния»: она, как правило, не вербует, она приобретает, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, услужливо. Конечная цель должна быть скрыта. Еще более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций. Ни в коем разе не допускать грубого прямого подкупа политика иностранной державы для действий в интересах США. Только в результате длительного и кропотливого труда появлялась возможность называть такого политика или государственного деятеля «агентом влияния», а последний и не догадывался, что считается «особо оберегаемым источником»...

Неизбежно возникают вопросы: а что же органы госбезопасности? Разве они не могли обнаружить таких «агентов влияния», таких «нетрадиционных источников»? Почему же они не привлекались к ответственности? Я специально сослался на

Ю. Л. Дроздова, автора книги «Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки». В ней содержатся ответы на поставленные вопросы, по крайней мере в той части, где затрагивается огромная сложность вскрытия и разоблачения подобных «источников» ЦРУ. Органам КГБ, пока они не закончили свое существование вместе с разваленным Советским Союзом, приходилось, конечно, сталкиваться с такими действиями и явлениями, которые с полным основанием необходимо было отнести к покушению на государственные интересы и безопасность СССР со стороны людей, облеченных властью. Такая информация докладывалась высшему руководству Советского Союза. Не буду повторять некоторые известные факты и называть конкретных лиц. Скажу только: срабатывал так называемый «номенклатурный фактор» – запрещение органам КГБ заниматься некоторыми категориями государственных и партийных руководителей.

Определенные подозрения в отношении возможных «агентов влияния» и «нетрадиционных источников» Центрального разведуправления Вашингтона у советской разведки и контрразведки возникали. К сожалению, библейские и просто житейские принципы – «по делам их судите их» и «кому это выгодно?», взятые сами по себе, не могут служить доказательствами для привлечения тех или иных лиц к ответственности, не могут дать ответа на вопрос о составе преступления.

Нужно к этому добавить еще кое-что. В ЦРУ существовал особый порядок оформления материалов таких источников, зачастую работа с ними вообще не отражалась в досье на агентуру. Посольской резидентуре в Москве запрещалось выходить на контакт с «агентами влияния». Американские разведчики работали с ними только тогда, когда они выезжали за пределы страны. Хорошо известно, что в последнее время было несложно выехать за рубеж, как и то, насколько «прозрачными» стали границы Советского Союза. В этих условиях КГБ было весьма непросто нащупать «агентов влияния» и «нетрадиционных источников». Если же это происходило, вступали в действие факторы, о которых я упоминал выше.

Я спросил как-то у одного из руководящих сотрудников ЦРУ: есть ли у американской разведки «агентура влияния» в нашей стране? Конечно, я не рассчитывал на то, что будут названы какие-то имена. Но

обстановка позволяла задать этот вопрос – американцы чувствовали себя триумфаторами. Он ответил довольно откровенно: «Да, была и есть, но мы не могли доверить работу с ней московской резидентуре, а работали с такими агентами за пределами Советского Союза». Трудно сказать, было ли это заявление американского разведчика дезинформационным ходом или отражало действительное положение вещей. Думаю, в то время сотрудник ЦРУ в большей мере выдавал желаемое за действительное. Но, во всяком случае, остается неизблемым стремление Лэнгли насаждать «агентов влияния» всюду, где это окажется возможным.

Вечный мотив – тридцать сребреников

С предательством тесно связаны его мотивы, обстоятельства, в которых оно стало возможным.

«Тогда один из двенадцати (учеников Иисуса Христа), по имени Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал им: «Что хотите дать мне, и я предам его?». Они же отсчитали ему тридцать сребреников» (Евангелие от Матфея).

Так имя Иуда издавна стало нарицательным именем предателя, а «тридцать сребреников» – символом предательства, выражением одного из самых распространенных его мотивов – корыстного стремления к обогащению. Обогащения за счет своего ближнего, общества, государства.

Тяга к обогащению преступным путем, к получению материальных благ, к своему несправедному благополучию руководила действиями ряда лиц, которые предложили свои шпионские услуги ЦРУ, стали на путь предательства. В предательстве, в шпионаже неприемлемо прежде всего то, что объектом торгашеской сделки с иностранной разведкой становятся интересы и секреты государства. То есть то, что участнику сделки не принадлежит на правах собственности. И особенно, если шпионом становится военнослужащий – человек, связанный присягой, или государственный служащий – секретноноситель, давший соответствующее обязательство.

Надо признать, что Центральное разведуправление, располагая большими денежными средствами, мастерски использовало частнопотребительскую психологию людей, намеченных им в качестве объектов вербовки.

Подполковник Геннадий Сметанин, сотрудник военного атташата при посольстве СССР в Лиссабоне, предложил ЦРУ выдавать известные ему секреты за миллион долларов. В конце концов стороны сошлись на меньшей сумме – триста восемьдесят тысяч. А Сметанин за первоначально запрошенную цену своего предательства получил кличку «Миллион».

Другой агент Центрального разведывательного управления, сотрудник Первого главного управления КГБ Леонид Полещук («Весы») начал свою шпионскую карьеру с обращения к ЦРУ за «займом» и получил свои «тридцать сребреников». Позднее он, уже не стесняясь, будет требовать от американцев свою дополнительную мзду за предательство.

Адольф Толкачев (агент «Сфера») заявил на следствии, что сотрудничал с американской разведкой, чтобы «разбогатеть любой ценой». Мотивы предательства Толкачева, впрочем, не ограничивались только одной алчностью. Он считал себя «сильной личностью» и вдобавок обиженным тем, что начальство не оценило его.

Желание подзаработать в сочетании с ущемленным самолюбием толкнули на измену Родине майора Сергея Воронцова, сотрудника московского управления КГБ. Он не был идейным противником советского государства – его погубили жадность, уверенность в безнаказанности и обида на руководство, которое наказало его за служебные проступки.

Материальные, денежные интересы лежали в основе предательства научного сотрудника Института США и Канады Владимира Поташова. Их не заслонить никакими выдумками насчет «приверженности» этого шпиона «идеалам свободы».

Материальные факторы (денежное вознаграждение, вручение драгоценностей, подарков, открытие счета в банке, предоставление различных услуг) в ЦРУ считаются необходимой цементирующей основой агентурных отношений.

На первом этапе классической вербовочной разработки, которая проводилась за пределами Советского Союза, ЦРУ как раз и ставит задачу выявления основы кандидата на вербовку к сотрудничеству с разведкой. Был разработан перечень признаков, так сказать, вербуемости, «критерии уязвимости» – наличие определенных слабостей, отрицательных черт характера, таких, например, как тяга к

обогащению, склонность к получению подарков и тому подобное. Речь, понятно, не идет об «инициативниках» – к ним в управлении подход особый.

«Идеология» – вовсе не решающая основа вербовки или привлечения к связи с разведкой «инициативника», хотя политическим взглядам, возможным идеологическим мотивам в Лэнгли, конечно, придается значение. Главное – доступ к секретной информации, к рычагам влияния, наличие разведывательных возможностей.

В качестве возможной основы привлечения к сотрудничеству американские разведчики выискивают у кандидатов в агенты неудовлетворенность служебным и семейным положением, корыстолюбие, авантюристические наклонности, слабости характера и сексуальные отклонения. Не брезгает ЦРУ даже людьми с уголовной биографией. Так, на контакте американской разведкой бакинского инженера Р. толкнуло стремление выехать из СССР, чтобы избежать ответственности за совершенное преступление. Возможность приобретения агентуры из уголовной среды, из числа лиц, связанных с организованной преступностью, предусматривают и новые инструкции Лэнгли.

Если разведуправлению удавалось нащупать у избранных им кандидатов на вербовку какие-то слабости и прегрешения, в ход пускались разные приемы обработки, начиная от «полюбовных» сделок до шантажа и принуждения с использованием добытых компрометирующих материалов. Так было, например, при вербовках Попова, Огородника и Филатова, которых шантажировали разоблачением их любовных походов. Или запугивали раскрытием совершенных спекулятивных сделок. Или же склоняли к шпионскому сотрудничеству, используя склонность к авантюристическим поступкам и острым ощущениям.

По одной из версий, угодил в расставленную ЦРУ ловушку в 1964 году сотрудник Второго главного управления КГБ Юрий Носенко во время служебной командировки в Швейцарию. Мне, правда, эта версия представляется несколько сомнительной. Я не верю, что Носенко не выдержал угроз, которые делались ему вербовщиками. Он был типичным представителем советской «золотой молодежи», сыном высокопоставленного государственного деятеля, имел обширные знакомства в советских правительственных кругах. Сын министра

морского флота зачастую позволял себе действия, которые шли вразрез с общепринятым у нас кодексом поведения. Возможно, он попал в неприятную историю, которая сделала его объектом шантажа ЦРУ, и просто запутался в поисках выхода. Его действительно хотели ликвидировать, но уже после того, как он оказался в США, и когда его обвинили в том, что органы КГБ пытались внедрить его в американскую разведку. И это несмотря на то, что Носенко буквально сразу же после контакта с американцами в Швейцарии выдал важные операции КГБ, сотрудников органов государственной безопасности, ряд агентов. Носенко «отделался» тремя годами отсидки без решения суда во внутренней тюрьме ЦРУ, видимо, его «заслуги» намного перевесили опасения американских контрразведчиков.

Неправомерно, как мне представляется, считать, что вербовка советских граждан проводилась ЦРУ преимущественно на основе их компрометации. Так же, как и утверждать, что определяющее значение имели идеологические мотивы.

«Я не говорю, что все так называемые перебежчики перешли на Запад по идеологическим мотивам, – писал Аллен Даллес, – у некоторых это было вызвано неудачами на службе, а у других – боязнью смещения с должности или чего-нибудь худшего из-за перетрясок режима. Некоторых заманили материальные блага на Западе». Правда, по вполне понятным причинам в средствах массовой информации Запада (зачастую с подачи ЦРУ) разоблаченных американских шпионов стремились окружить ореолом идеологически мотивированных «инициативников». С подобным подходом тесно смыкалась кампания в некоторых наших газетах по перекрашиванию осужденных агентов Центрального разведуправления в «политических заключенных» и «узников совести».

Подавляющая часть разоблаченных органами КГБ в семидесятых-восьмидесятых годах агентов американской разведки попали в расставленные ею сети в силу совершенных ими проступков – интимных связей с подставленными им агентами-женщинами, совершения незаконных финансовых сделок и тому подобного. Так что можно согласиться с мнением Аллена Даллеса, но необходимо вместе с тем добавить, что в основе действия такой части перебежчиков (не обязательно ставших агентами ЦРУ) лежали сложные социально-

политические процессы в нашей стране, в том числе репрессии, затрагивающие их самих и их семьи.

«Инициативники»

Существенное место в приобретении агентов из числа советских граждан занимал так называемый «инициативный шпионаж», то есть использование лиц, которые по своей инициативе предлагали свои услуги иностранным спецслужбам. «Инициативный шпионаж» имеет столь же древнюю историю, как и сама разведка. Значительная часть агентурной сети ЦРУ формировалась за счет «инициативников».

Агенты, приобретенные посольской резидентурой в Москве в семидесятых-восемидесятых годах, – это «инициативники» на сто процентов, просто другого способа вербовать агентов у резидентуры в тот период не существовало. От этого факта, к сожалению, никуда не уйдешь. Другое дело, что американской разведкой с полного согласия высшего руководства Соединенных Штатов создавались для этого благоприятные условия, прежде всего это широкая «кооперация» резидентуры с подразделениями иных ведомств, которые были представлены в посольстве, – государственный департамент, министерство обороны, ЮСИА и другие. По согласованию ЦРУ с этими структурами их сотрудники в посольстве были обязаны оказывать резидентуре содействие в установлении контактов с «инициативниками».

В таком же духе обязаны были действовать и другие находившиеся в нашей стране граждане США – коммерсанты, журналисты, туристы.

Разведчикам резидентуры и дипломатам в Москве рекомендовалось оставлять свои автомашины на стоянках с приоткрытыми окнами в качестве своеобразных «почтовых ящиков». Применялся метод закладки тайников со шпионскими инструкциями по связи для потенциальных «инициативников» с тем, чтобы, когда они появлялись, оперативно информировать их о тайнике. В отдельных случаях предусматривалось участие дипломатов и журналистов в вербовочных мероприятиях по «инициативникам». Мы уже познакомились с некоторыми из таких случаев.

Что же побуждало «инициативников» к измене Родине, к предательству? В подавляющем большинстве известных мне случаев

решающим побудительным мотивом вступления в контакт с американской разведкой было стремление к материальному обогащению. Для некоторых лиц оно возникало на базе жизненной неустроенности, неудовлетворенности тем, как реализуются их личные возможности. Немало было и людей с отклонениями в психике. У отдельных «инициативников» подспудно проявлялось недовольство существующим режимом, перемежаемое личностными мотивами, обидами, болезненным самолюбием. На некоторых действовала западная пропаганда, и они были одержимы желанием уехать на Запад, где ожидали найти для себя легкую жизнь, полную материальных благ и удовольствий. Фактически это преобразовывалось в измену Родине, поскольку такая цена представлялась им необходимой для совершения предательства. То есть психологически и морально они были готовы идти в услужение к американской разведке.

Проблема «инициативного шпионажа» дает обильную пищу для размышлений о природе и генезисе предательства, принявшего в последние годы огромные размеры. Предательство (не в бытовом понимании этого слова) – явление абсолютно аномальное. Оно становится крайне опасным и неприемлемым, когда затрагиваются социально-политические и морально-этические устои государства и общества, когда ослабевает политический иммунитет, и люди становятся более уязвимы к воздействию со стороны иностранных спецслужб. Думаю, что не следует закрывать на это глаза и искать в основе предательства только происки внешних сил. Мы сейчас, по-видимому, пожинаем плоды крушения веры в идеалы социальной справедливости, провозглашенные Великой Октябрьской социалистической революцией, плоды забвения интересов конкретной личности. Слишком велика ориентация на западное общество «потребления» с его лозунгом материального обогащения любым путем. Сказываются последствия безумного ниспровержения, вместе с «культом личности», титанических свершений послеоктябрьского периода, победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, самоотверженного труда народа по созданию могучей державы. Рикошетом бьет до сих пор по сознанию населения страны безответственный лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Крушение надежд на скорый и почти автоматический приход райской жизни при коммунизме не могло не вызвать негативной реакции у многих людей, не посеять сомнений в провозглашенных идеалах. Тем более, что действительность оказалась суровой, жестокой и беспощадной.

Некоторые руководители советского государства предупреждали об опасности перерождения, об угрозе появления «пятой колонны». К сожалению, процесс разложения и вырождения затронул и сами верхи КПСС, и руководство страны. Он захлестнул значительные слои политической элиты и часть интеллигенции. Беда, видимо, состояла в том, что на данном историческом отрезке времени не удалось реализовать преимущества того общественного строя, которые нес социализм. А ведь Советскому Союзу по своим производительным силам было вполне возможно тягаться с развитыми капиталистическими государствами, а по созданной системе социальной защиты, уровню духовного развития, уверенности в будущем он не только не уступал, но превосходил многие из них.

И все-таки я уверен: «пятой колонне», которая разлагала и разрушала нашу страну, долго не продержаться. Возьмут верх здоровые силы общества, те люди, которых принято называть государственниками и патриотами.

Глава 9. Россия – новый «главный противник»

Много «друзей» появилось у России в последнее время. Один из них – американский президент Уильям Клинтон. Термин «главный противник», которым некогда назывались США, теперь решительно отвергнут. Добрососедские, партнерские отношения объявлены основой политики в российско-американских отношениях. В среде российских политиков, в торгово-финансовых кругах, у некоторых либерально настроенных общественных деятелей и ученых, делающих ставку на союз с Соединенными Штатами, возникли радужные надежды на выгодные связи с американцами. Однако скоро у многих из них появилось разочарование, российско-американские отношения стали вызывать серьезную озабоченность и тревогу. Реформаторские потуги некоторых политических деятелей России, похоже, завели страну в тупик и в такой важной сфере деятельности как внешняя политика. Видимо, открытый не столь давно «ген интеллектуальных способностей» сработал с определенными дефектами у людей, которые увлечены политическими химерами, эфемерными расчетами на то, что США заинтересованы в бескорыстном сотрудничестве, ответят «любовью на любовь».

Действительность, к сожалению, отличается от благих пожеланий. Как когда-то в США встречали в штыки политику мирного сосуществования Советского Союза, его призывы к миру и разрядке международной напряженности, так и сейчас в американском руководстве стремление России к сотрудничеству, к прекращению гонки вооружений, к отказу от гегемонии в мире расценивают как неприемлемое – и более того, как поражение в «холодной войне», как проявление слабости и нестабильности в нашей стране. Осуществляются воинственные планы придвинуть НАТО вплотную к России. Ставится задача вовлечь в Североатлантический блок страны Прибалтики и Украину. В США не торопятся снимать с «боевого дежурства» ракеты с ядерными боеголовками, нацеленные на нашу страну. Американские подводные лодки, надводные боевые корабли рыскают у российских берегов, ведут разведку, демонстрируют силу. В

сферу «жизненных интересов» США включаются многие регионы бывшего СССР: Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия. «Зоной ответственности» США провозглашаются природные богатства других стран, свободный доступ к их рынкам. За всем этим отчетливо просматриваются планы мирового господства.

«Лучше больная Россия, чем здоровый Советский Союз» – этот афоризм принадлежит не американцам. Его изрек снедаемый верноподданническими чувствами к Соединенным Штатам их нынешний союзник чешский президент Вацлав Гавел на недавней встрече в Вашингтоне с главой Белого дома Биллом Клинтон. Не вызывает никакого сомнения, что это «мудрое» изречение приятно ласкает слух многих американских политиков. Оно не встретило возражений у «друга Билла» и с умилением растиражировано в США и Западной Европе американскими средствами массовой информации.

Огромная разведывательная машина США не сбавляет оборотов. Для добывания информации о России, как и прежде, мобилизованы все средства спецслужб – внутри и вне нашей страны. И в космосе. Поддерживаются в состоянии готовности многочисленные базы вооруженных сил и спецслужб США на территории иностранных государств, сопредельных с Россией. Продолжает действовать «Единый Интеграционный Оперативный План», предусматривающий ядерное нападение на нашу страну. Уточняется перечень объектов, подлежащих уничтожению. «Красноярский инцидент» 1995 года с задержанием органами ФСБ России американского капитана Линча и некоторые другие эпизоды – наглядное свидетельство этому.

Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер откровенничал: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народа в единое, крепкое, централизованное государство».

Ну, а теперь посмотрим, чем это заявление деятеля республиканской партии отличается от официального курса нынешней администрации демократов.

В «Директивах в области обороны на 1994–1998 годы» «другом» России президентом США Клинтон предписывается: «Не допустить появления на территории бывшего Советского Союза нового соперника, представляющего угрозу, аналогичную той, что исходила от СССР».

Центральному разведывательному управлению поручено обеспечить выполнение директив руководства США своими средствами. И ЦРУ с понятным усердием принялось за дело, благо, устремления американской разведки в России, которые охватывают политические, военные, социально-экономические, научно-технические и иные вопросы, во многом повторяют ее интересы в былые времена. Да и основные объекты агентурного проникновения – вооруженные силы, оборонная промышленность, спецслужбы – не претерпели по форме существенных изменений. Впрочем, в нынешней обстановке разведуправление уделяет особое внимание положению в верхних эшелонах страны, планам российского руководства. Тем более, что возможности получения информации по этому вопросу для Лэнгли значительно возросли. В результате возникла реальная база для использования рычагов политического и особенно экономического влияния на обстановку в России. В средствах массовой информации на Западе и в нашей стране появляется все больше материалов, раскрывающих манипулирование Соединенными Штатами в своих интересах политикой России, в том числе в таком ключевом вопросе как расстановка руководящих кадров.

Наблюдение за подготовкой и ходом избирательных кампаний в нашей стране – от выборов президента Российской Федерации до избрания руководителей отдельных интересующих США регионов – с некоторых пор сделалось важным направлением в деятельности посольской резидентуры в Москве. Собственно говоря, такая практика – контакты с губернаторами, представителями президента в регионах, с местным населением – не является чем-то необычным, если используются методы дипломатического общения.

Обратило на себя внимание другое – поведение и действия американских наблюдателей, проявлявшаяся кое-где угодливость местных властей по отношению к ним. Так, обосновавшийся в нашей стране с 1993 года американец Джордж Колт громогласно заявил повсюду, что он – сотрудник ЦРУ, специалист по России и должен собрать информацию для своего ведомства. Другой янки – Томас Грэхем, из компании Колта, довольный радушным гостеприимством, оказанным иркутским губернатором Ю. Ножиковым, заявил на одной из встреч, что Иркутская область является «зоной стратегических интересов США». В Самаре проявили особое внимание к господину

Колту и его команде специалистов из ЦРУ – им были предоставлены роскошные апартаменты в гостинице, оплачены из городского бюджета расходы на проезд и пребывание в области, услужливо прикреплены сопровождавшие. Целенаправленной «деловитостью» отличался трехдневный визит группы дипломатов из посольства США в Красноярске во время кампании по выборам губернатора.

Как и в советское время, приоритеты ЦРУ – разведывательная информация о вооруженных силах нашей страны, их боеспособности. Объекты пристального интереса ЦРУ – ядерное оружие, средства его доставки, системы ПРО и ПВО.

Со стороны США это не просто пассивное наблюдение средствами разведки, а стремление всеми мерами разрушить ракетно-ядерный потенциал России, поставить его под свой контроль. Недаром о прямой связи своей недавней отставки с высказываниями американцев о необходимости «раздавить опасную для США атомную гидру России» говорил бывший российский министр атомной промышленности В. Михайлов. Стремление устранить конкурента прослеживается в деятельности США и их спецслужб, направленной на выявление возможных рынков России по продаже вооружения и боевой техники, на перекрытие для нашей страны доступа к ним.

Предмет исключительного внимания ЦРУ – отношения России с другими странами СНГ, прежде всего с Украиной, Грузией, Азербайджаном, и, конечно, внутренние конфликты в самой России. «Разделяй и властвуй» – главный принцип политики США в отношении СНГ. В Вашингтоне поспешили заявить о «стратегической важности» для США вновь образовавшихся государств, не скрывают заинтересованности в отрыве их от России. В ход пущены экономические и финансовые рычаги, всевозможные политические и разведывательные акции. С новыми государствами США незамедлительно установили дипломатические отношения, открыли в них свои посольства и консульские учреждения, создали резидентуры ЦРУ. В их составе сотрудники разведки, имеющие опыт оперативной и агентурной работы в Советском Союзе, знающие русский язык, хорошо знакомые с советской действительностью. Объясняется это не только тем, что русский язык является по существу рабочим языком в бывших республиках Советского Союза. Главное тут в том, что это давало цэрэушникам возможность с территории страны своего

пребывания проводить операции непосредственно против России, используя вековые культурные и экономические связи и «прозрачность» границ.

Но вот что существенно изменилось по сравнению с восьмидесятыми годами, так это способы сбора разведывательной информации, методы проведения акций влияния. Можно говорить о стремлении ЦРУ создать в нашей стране эффективную систему добывания информации, механизм воздействия на внутренние процессы в России. Они включают агентурную работу непосредственно на территории нашей страны, широкое использование официальных связей, «нетрадиционных источников». Это позволяет, во-первых, расширить масштабы разведывательной деятельности, а во-вторых, избежать или сократить риск провалов.

На что делается расчет? По-видимому, двух мнений здесь быть не может. Эти факторы известны – сегодняшняя открытость нашего государства и общества, невоздержанность многих средств массовой информации, существенное ослабление режимных мер для иностранцев, «дыры» в системе защиты государственных секретов.

«Разведслужбы стран Запада, – говорит сотрудник Вашингтонского центра стратегических и международных исследований Карвер, – получили в последнее время доступ ко многим данным, для добывания которых ранее приходилось затрачивать большие усилия».

Доступ к информации «из первых рук» обеспечивает Лэнгли его московская резидентура через многочисленные контакты в российских правительственных и парламентских кругах, связи с руководящими работниками министерств и ведомств, в политических партиях и профсоюзах, в среде банкиров и промышленников, ученых, военных. В нашей прессе публиковалось немало сообщений об участии американских «экспертов» в политических мероприятиях в России, в работе отдельных министерств и ведомств, в проведении различных конференций и симпозиумов и тому подобное.

Излюбленные приемы проведения политического влияния и создания проамериканского «лобби» – это приглашения российских правительственных чиновников и других известных лиц в США для чтения лекций, участия в научных встречах, изучения «опыта» и так далее. В крупных городах России – Новосибирске, Владивостоке,

Екатеринбурге, Нижнем Новгороде – созданы и функционируют американские информационно-пропагандистские центры. Их главная цель – «разъяснить» принципы управления обществом «по-американски», «нормы и правила демократии». Под предлогом участия в реорганизации российской промышленности, сельского хозяйства, в конверсии оборонного производства Вашингтоном ведется разведка экономического и военно-промышленного потенциала страны. В Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Тюмени, Владивостоке действуют так называемые «деловые центры». Одно из важнейших направлений их деятельности – обеспечить проникновение американских компаний на российский рынок, к источникам сырья.

Целям получения информации и оказания воздействия на наши вооруженные силы служит программа Пентагона «Международное военное обучение и подготовка», которая предусматривает приглашение на стажировку в США наших офицеров, а также сотрудников правоохранительных органов, МИД и других государственных учреждений.

Следует отметить далее активную практику приглашения российских ученых и специалистов в США для проведения исследований в перспективных научных областях. Таким лицам предлагаются многолетние контракты. В США в 1992 году принят специальный закон, предоставляющий особый статус ученым и специалистам из СНГ. В «Белой книге Российских спецслужб» приводилась безрадостная статистика «утечки умов»: в США уже выехало около семидесяти тысяч высококвалифицированных специалистов из нашей страны. Эта цифра неудержимо растет и сейчас уже превысила отметку в сто тысяч человек. Это минимум, так как по некоторым данным число выехавших ученых и специалистов гораздо больше – около двухсот тысяч. Сама эта печальная статистика начисто опровергает распространяемый на Западе, в том числе по каналам ЦРУ, миф об «ущербности» высшего образования в нашей стране.

Ведь выпускники наших университетов, академий и институтов оказываются востребованными за рубежом, в частности, в США, где находится применение их знаниям и способностям.

ЦРУ активно участвует в этом «исходе», выявляя конкретных кандидатов – талантливых и перспективных ученых и специалистов.

Ущерб федеральному бюджету из-за «утечки мозгов» оценивается огромными суммами. Болезненная для страны потеря специалистов вполне может быть сравнима с «бегством капиталов», превысившим все допустимые нормы. Но это – издержки материальные, а как можно оценить моральный ущерб?

Все эти свалившиеся на американскую разведку как подарок небес новые возможности вовсе не принизили значимости агентурной работы – этого важнейшего средства проникновения к государственным и военным секретам России. К расширению агентурной деятельности призвал ЦРУ президент США Буш в начале девяностых годов:

«США должны иметь сильную разведку. Нам нельзя терять бдительность, несмотря на распад советской империи», – вот его слова. Президент Клинтон, выступая в Лэнгли (сентябрь 1997 года), внес свою лепту: «Как ваш первый потребитель, я завишу от уникальной, точной разведывательной информации больше, чем когда-либо раньше. Усилия ЦРУ помогли администрации США добиться укрепления демократических и рыночных реформ в России».

Развал Советского Союза, кардинальные изменения в нашей стране застали московскую резидентуру ЦРУ в состоянии «зализывания ран» от понесенных потерь. Некогда внушительная агентурная сеть, создававшаяся в течение ряда лет усилиями многих подразделений американских спецслужб, была разгромлена органами КГБ.

Восстановить деятельность посольской резидентуры в Москве как центра операций американской разведки в России стало первейшей заботой Лэнгли. Но не просто восстановить, а расширить ее функции, замкнуть на нее разведывательную деятельность американцев в других государствах СНГ. В полной мере сохраняется расчет на «инициативников» – как за пределами России, так и на территории нашей страны. Сблазн нажиться на продаже иностранным разведкам государственных и военных секретов, к сожалению, не уменьшается. Об этом свидетельствует, например, недавняя попытка майора из Оренбургского управления ракетной армии И. Дудника продать американской разведке российские военные секреты. Сомнительно, впрочем, что ЦРУ выплатило бы «инициативнику» требуемую им сумму в пятьсот тысяч долларов. Стоимость шпионских услуг ныне

понижилась. По свидетельству генерала армии Н. Ковалева, занимавшего не так давно пост директора ФСБ, иностранные разведки не очень-то раскошеляются на оплату российской агентуры. Наша контрразведка не дала «развернуться» торговцу ракетными секретами: он разоблачен и осужден к двенадцати годам лишения свободы.

А несколько раньше контрразведчики пресекли деятельность агента ЦРУ «Тони» – Вячеслава Баранова. В 1994 году он был осужден за шпионаж. Баранова, сотрудника ГРУ, завербовал во время служебной командировки в Бангладеш резидент Центрального разведуправления в Дакке Винсент Крокетт, хорошо нам известный по некоторым делам московской резидентуры в конце семидесятых годов. В деле агента «Тони» присутствует «классическая» шпионская атрибутика. ЦРУ снабдило его планом связи, который предусматривал личные встречи в Москве, тайники, прием агентом передач франкфуртского радицентра, всем необходимым для расшифровки сообщений. В посольской резидентуре куратором Баранова был Майкл Сулик, который провел с агентом одну встречу в Москве и руководил его действиями. В 1995 году, уже во время повторной командировки в нашу страну, Майкл Сулик станет резидентом в Москве. Вскоре ему предстоит узнать о разоблачении агента, с которым его связала судьба. Провал этого агента затронул еще одного разведчика посольской резидентуры – Грэга Робинсона, который иногда участвовал в операциях по связи с этим шпионом.

В 1996–1998 годах прошла серия разоблачений агентов ЦРУ. Среди них – шпионские дела военного ученого-специалиста Моисея Финкеля и сотрудника Министерства иностранных дел Владимира Макарова. Это тот самый Макаров, о котором говорил в интервью «Независимой газете» директор ФСБ Н. Ковалев. На расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности в марте 1998 года он отметил значительную активизацию спецслужб США и других стран против Российской Федерации. В 1997 году пресечена деятельность примерно тридцати иностранных разведчиков, которые были захвачены с поличным при проведении агентурных акций. Они выдворены из нашей страны. В судебном порядке рассмотрены шесть разоблаченных агентов США, Великобритании и ФРГ. Сорваны попытки восемнадцати российских граждан вступить в шпионский контакт с иностранными разведками.

Представляет большой интерес в контрразведывательном плане инициатива ФСБ по созданию так называемого «телефона доверия». Это яркий пример гибкого сочетания силовых и профилактических методов борьбы контрразведки с подрывной деятельностью иностранных спецслужб. Только до конца 1997 года на «телефон доверия» поступило свыше девятистот звонков, из которых более пятидесяти затрагивали сферу деятельности органов ФСБ, в том числе ситуации, связанные с деятельностью ЦРУ. Завербованные иностранными разведками агенты, выражая искреннее раскаяние, делали добровольные признания о вербовке их и последующей связи с иностранными спецслужбами. В этих случаях они по закону освобождались от уголовной ответственности.

Сейчас у нас происходит осязаемый поворот общественного мнения в сторону негативного восприятия политики Соединенных Штатов в отношении России. И дело не только в том, что в сознании многих людей тяжелое экономическое положение в нашей стране связывается с «происками США» и их «пятой колонны». Не в русофобских заявлениях отдельных влиятельных американцев, в том числе и государственных деятелей. Дело, очевидно, в реальных действиях Вашингтона, в акциях американских спецслужб против России. И не в «мониторинге» ситуации – разведки вправе заниматься этим. А в том, что деятельность спецслужб Соединенных Штатов против нашей страны по существу носит подрывной характер. Вполне естественно поэтому, что это не может не вызвать ответной реакции – волны антиамериканских настроений, характерных сегодня для различных слоев нашего общества, да и для самой правящей элиты, разочарованной состоянием отношений с Соединенными Штатами.

Трудно избавиться от образа врага, который насаждался десятилетиями. Особенно если этого не желать. И особенно, если он удобен для прикрытия политики русофобии, для оправдания разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны, для развязывания ненависти.

В период «холодной войны» врагом США был объявлен весь Советский Союз, весь советский народ. Термин «главный противник» прочно приклеивался к нашей стране, ее государственным институтам, к советским спецслужбам. На волне страха перед «коварным КГБ», пустившего глубокие корни в сознании населения Соединенных

Штатов, было несложно развязывать очередные кампании шпиономании.

В СССР, со своей стороны, тоже не жаловали США. Но все же в основном «главным противником» были для нас американские спецслужбы, Центральное разведывательное управление. Разгула антиамериканизма в Советском Союзе не было, наши люди понимали «кто есть кто».

Вполне понятно, что органы государственной безопасности нашей страны, которые решительно противостояли разведывательно-подрывной деятельности спецслужб США, не пользовались их расположением и уже давно являлись одной из главных мишеней американской разведки. ЦРУ методически вело наступление на разведку и контрразведку нашего государства с целью их ослабления и компрометации. Не отступает от этого и в настоящее время. Наверное, сам этот факт не должен удивлять. Это вполне естественный процесс в истории, причем процесс взаимный.

Но для Вашингтона весьма характерен «двойной стандарт», с которым он подходит к оценке деятельности своих разведывательных органов против России (как раньше поступали в отношении СССР) и действий спецслужб нашей страны против США. Некоторые руководители ЦРУ, например, Гейтс и Булей, доходили до утверждений, что разоблачение нашей контрразведкой американской агентуры срывает, дескать, российско-американское сотрудничество. Высокоставленные американские деятели требовали от России прекратить разведывательную деятельность против США. И это в условиях, когда спецслужбы Вашингтона продолжают широкомасштабную работу против нашей страны.

По-видимому, наивно было бы призывать к всеобщей любви, но кое-кто в США усердно стремится развязать очередной виток русофобии, очередную кампанию «демонизации» России. Открытые и завуалированные антироссийские акции становятся все более характерными для внешнеполитического курса Вашингтона. То, что вынуждены порой прикрывать дипломатическим фиговым листком официальные лица, считают ненужным скрывать многие представители «неофициальной» элиты, идеологи и аналитики из различных исследовательских фондов и институтов. Среднего американца, которого пропаганда десятилетиями приучала видеть в

нашей стране «врага США», не так уж трудно склонить к тому, чтобы считать существование Российской Федерации угрозой для Соединенных Штатов. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Джесси Хелмс, не забываящий о своей принадлежности к «ястребам», заявил недавно, что «в начале будущего столетия именно Россия будет стремиться к гегемонии. Поэтому главная цель расширения НАТО – защита от возрождения имперской России». Слова Хелмса точь-в-точь повторяют формулу «Фонда наследия»: «Предотвращение возникновения новой Российской империи должно быть приоритетной задачей США».

Над созданием нового образа врага в лице России трудятся многие представители средств массовой информации, в поте лица своего старается Голливуд. Российскую Федерацию стремятся представить как мафиозное общество, угрожающее национальной безопасности Соединенных Штатов. Основа была заложена докладом «Организованная преступность в России», который подготовил для конгресса Вашингтонский Центр международных и стратегических исследований. В нем наша страна объявляется «криминалистическим государством», экспортирующим организованную преступность, способным дестабилизировать положение в мире поставками оружия массового поражения в «неспокойные» регионы. Коррупция действительно разъедает наше государство, преступность приняла широкие размеры. Эту опасность нельзя недооценивать. Но создание подобного зловещего образа России, при том, что народу нашей страны отводится место прислужника криминального режима, – это новое проявление русофобии, тактический призыв к международной изоляции нашей страны. Это новая попытка вызвать страх и подозрительность к народу нашей страны. Отсюда – прямой путь к конфронтации.

А ведь конфронтация с США России не нужна. Она не только обременительна, она отравляет отношения между нашими странами, отравляет всю обстановку в мире. Но если ее России навяжут, необходимо быть к этому готовыми. В условиях примерного паритета ядерных сил и возможностей, очевидно, исключающих военную конфронтацию, она наверняка примет формы политического и экономического противоборства, борьбы за сферы влияния, за рынки, примет формы информационной и психологической войны. В этой

обстановке неизбежно возрастут роль и значение российских спецслужб, разведки и контрразведки, возрастет их ответственность за судьбу государства и народа страны.

Однако доклад «Организованная преступность в России» «примечателен» не только этим. Он преследует цель скомпрометировать органы государственной безопасности нашей страны. По замыслу авторов (из двух десятков пятеро – действующие и отставные высокопоставленные сотрудники ЦРУ и ФБР, в том числе бывший директор ЦРУ Уильям Уэбстер), доклад призван нанести удар не только по уже несуществующему КГБ, но поразить и российские спецслужбы. Именно в этом смысл насквозь лживых измышлений о том, что «бывшие и нынешние сотрудники служб разведки и безопасности оказывают содействие преступным группировкам», что «некоторые из них передают в распоряжение преступников своих агентов», и, наконец, что «КГБ отпустил на свободу многих преступников-рецидивистов, часть из которых нашла дорогу в США».

Глава 10. Спецслужбы: контакты и взаимодействие

Теперь вот такая проблема: взаимодействие спецслужб государств, которые не являются ни партнерами, ни союзниками, – нужны ли контакты между ними?

На первый взгляд, вопрос этот может показаться парадоксальным или надуманным. В самом деле, как могут сотрудничать между собой спецслужбы противоборствующих сторон или даже тех стран, которые вышли из состояния острого противоборства, но продолжают относиться друг к другу с подозрением и недоверием? Ведь даже дружественные спецслужбы в своем сотрудничестве порой сталкиваются с непростыми проблемами взаимодействия. Наверное, трудно говорить о равноправном сотрудничестве, если одно из государств зависит от другого.

Убежден: контакты, взаимодействие спецслужб различных государств в определенных сферах необходимы. Но именно – в определенных и в ограниченных пределах. Они, конечно, не ключ к решению всех сложных проблем, которые ставит жизнь мирового сообщества, но в некоторых из них – выражение солидарности и ответственности перед общими угрозами, с которыми ни одно государство в одиночку не справится. К таким проблемам, например, относятся борьба с незаконным оборотом наркотиков, организованной преступностью, международным терроризмом, а также расползанием оружия и средств массового уничтожения.

Контакты между спецслужбами способствуют укреплению доверия друг к другу, а в более широком плане – уменьшению подозрительности, предупреждению возникновения неблагоприятных ситуаций. Полезность и важность контактов КГБ-ЦРУ признавалась без каких-либо оговорок обеими сторонами. И Москва, и Вашингтон руководствовались своими собственными интересами, но хорошо понимали, что антиподом контактов является неограниченная и часто непредсказуемая тайная война спецслужб.

У контактов спецслужб России и Соединенных Штатов есть уже достаточно долгая история. Во время Второй мировой войны

американцы предложили, по выражению тогдашнего посла США в СССР Аверелла Гарримана, «координировать антинацистские операции» по линии спецслужб своих стран. Общая военная угроза определяла необходимость такой координации и в области деятельности спецслужб. Но уже тогда выявились далеко идущие замыслы американских стратегов, о чем позднее пооткровенничал тот же А. Гарриман:

«Такой обмен позволил бы нам получить доступ к информации из советского правительства».

Надо отметить, что ЦРУ, прикрываясь контактами со спецслужбами других государств, широко использовало «сотрудничество» и «взаимную помощь» для ведения оперативной работы, в частности, для приобретения агентов в среде спецслужб своих партнеров – и соперников, и союзников. И добивалось результатов.

«Оперативное взаимодействие» – так называет контакты американской разведки с иностранными спецслужбами бывший сотрудник ЦРУ Филип Эйджи, автор нескольких книг о разведслужбе Вашингтона. Он подчеркивает, что тут главное «ничего не давать, если в этом нет необходимости. И давать как можно меньше». Цель «оперативного взаимодействия» – обмен информацией, осуществление совместных операций и проникновение в иностранные спецслужбы.

В своей книге «Кремль и разведка» один из руководителей внешней разведки МГБ генерал-лейтенант Павел Судоплатов рассказывает о взаимоотношениях спецслужб СССР и США в период Великой Отечественной войны. Встречам Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране (ноябрь 1943 года), в Крыму (февраль 1945 года) предшествовали неофициальные контакты сотрудников советских спецслужб с американскими и британскими коллегами. Происходил обмен разведывательной информацией, обсуждались вопросы выдачи провалившихся агентов, некоторые проблемы послевоенного урегулирования. Накануне Потсдамской конференции (июль 1945 года), свидетельствует П. Судоплатов, представители спецслужб СССР, США и Великобритании договорились о выдаче Советскому Союзу командующего «Русской освободительной армией» Власова и ряда высших чинов РОА в обмен на захваченного нашими войсками немецкого адмирала Редера.

«Холодная война» перечеркнула контакты между спецслужбами СССР и США. Они возобновились только в восьмидесятих годах (речь не идет о тех немногочисленных случаях, когда через доверенных лиц спецслужб организовывался обмен задержанных обеими сторонами разведчиков и агентов). Эпизодические контакты происходили и на самом высоком уровне спецслужб – председатель КГБ СССР В. Крючков принимал в Москве заместителя директора ЦРУ Роберта Гейтса, встречался с бывшими руководителями американской разведки Колби и Тернером. С конца восьмидесятих годов в контакты, обмен делегациями и миссиями были вовлечены уже многие спецслужбы и правоохранительные органы нашей страны и США.

Бывший начальник Первого главного управления КГБ Л. Шебаршин в одном из интервью отметил: «Контакты между спецслужбами, даже недружественными, появились не вчера. К ним нередко приходилось прибегать в случае неясных деликатных моментов, для обеспечения безопасности государственных визитов. В последние годы возникла необходимость в совместном противодействии распространению ядерных материалов, наркотиков, терроризму. Взаимодействие спецслужб имеет четкие пределы – те области, где интересы их стран совпадают. В целом же разведка и контрразведка – национальные институты, и служат в первую очередь национальным, а не общечеловеческим интересам, и тем более, не интересам иностранных партнеров».

Именно Первое и Второе главные управления КГБ в конце восьмидесятих годов положили начало регулярным, вначале неофициальным, контактам КГБ с ЦРУ. Они охватывали некоторые проблемы, в которых стороны были взаимно заинтересованы, и в урегулировании которых возникала конкретная необходимость.

Поскольку ЦРУ передало средствам массовой информации США информацию об этих контактах и тем самым сняло с них покров конфиденциальности, я, со своей стороны, не могу считать себя связанным какими-либо обязательствами перед американскими партнерами в этом деликатном деле. Поэтому скажу точно: регулярные контакты КГБ и ЦРУ начались в 1986 году в Москве. У истоков их – управление контрразведки первого главного управления и первый отдел Второго главного управления. Но первая попытка организовать такие встречи была предпринята первым отделом четыремя годами

раньше, когда руководителем посольской резидентуры был Карл Гебхардт. Именно с ним мы планировали войти в неофициальный контакт для решения некоторых вопросов взаимодействия. Гебхардт, которому везде чудилась коварная «рука Лубянки», был крайне подозрительным ко всему «неординарному». Козни советской контрразведки мерещились резиденту повсюду. Представляю, сколько в Лэнгли скопилось его докладов о «злонамеренных действиях КГБ». Например, о том, как у него снимали колпаки с автомашины (которые на самом деле он просто терял по дороге), как пытались напугать непонятными телефонными звонками. Интересно, верили ли этим сочинениям Карла Гебхардта в Оперативном директорате, зная его мнительность?

Итак, от разговора с представителем Второго главного управления КГБ о сотрудничестве Гебхардт уклонился. Возможно, что не только его подозрительность была причиной последовавшего длительного перерыва в нащупывании контактов.

Более восприимчивым к идее неофициальных встреч КГБ-ЦРУ оказался другой руководитель московской резидентуры Джек Даунинг, до недавнего времени начальник Оперативного директората ЦРУ. Возможно, правда, что и в Лэнгли к этому времени «созрели» до принятия идеи неофициальных встреч с представителями КГБ в Москве. Хочу отметить, что как раз в этот период руководителем советского отдела Оперативного директората стал Милтон Бирден, который активно участвовал в зарубежных встречах КГБ-ЦРУ в рамках установившегося контакта.

С 1989 года конфиденциальные встречи в Москве представителей контрразведки нашей страны с руководителями посольской резидентуры стали регулярными. С американской стороны в них принимали участие резиденты Джек Даунинг (о нем я уже упоминал), Майкл Клайн (в Москве в 1989–1991 годы), Дэвид Ролф (1991–1993 годы). Во время нахождения резидента в отпуске к контактам мог подключаться его заместитель. До того, как эти конфиденциальные контакты переросли по существу в открытые встречи (такowymi они стали со времен Бакатина), контакт с руководителями резидентуры осуществлялся в Москве мною лично.

В рамках контактов КГБ-ЦРУ в Москве и в развитие их проводились периодические встречи небольших групп наших служб за

рубежом. Всего таких встреч в 1989–1990 годах было две: в Хельсинки и Берлине. С нашей стороны их неизменными участниками были начальник управления контрразведки ПГУ Л. Никитенко и начальник первого отдела Второго главка. С американской – начальник советского отдела Оперативного директората Милтон Бирден, руководители контрразведывательного управления ЦРУ Гарднер Хаттавэй (Хельсинки, 1989 год) и Тэд Прайс (Берлин, 1990 год).

Встречи в Москве были во многом, так сказать, промежуточными. Они служили целям постановки вопросов друг другу и передачи ответов сторон на поставленные вопросы. Однако и они использовались для обсуждения отдельных проблем, в основном по нашей инициативе.

Более обстоятельными были групповые встречи. Предметом обсуждения на них были и деликатные темы, связанные с деятельностью спецслужб США и СССР друг против друга, и вопросы международного терроризма, организованной преступности и так далее, если они входили в компетенцию наших служб.

Встречи в Хельсинки и Берлине, контакты в Москве проходили в деловой обстановке. Внешне они не были похожи на randevu людей, вовлеченных в ожесточенные тайные сражения спецслужб. Стороны не стремились переиграть друг друга, но решительно отстаивали позиции своих служб, отдавали себе полный отчет в том, что разведка и контрразведка неизбежно будут делать порученное им дело.

Придется затронуть и один деликатный вопрос. С моей точки зрения, в систему наших двусторонних контактов как-то не вписывалось параллельное личное участие руководителей московской резидентуры ЦРУ в агентурных операциях, которые она проводила. Впрочем, вряд ли в данном случае есть смысл морализировать на эту «этическую» тему.

Американцы усердно старались провести свое понимание международного терроризма, увязывая его с действиями Ливии и Ирака. Мы, конечно, с таким толкованием согласиться не могли. В связи с поднятой в США шумной кампанией относительно «советского проникновения» в американское посольство в Москве до представителей ЦРУ, по поручению нашего руководства, доводилась информация о том, что новому зданию посольства технические средства не угрожают. Мы убеждали американцев, что необходимо

снять напряженность в этом деликатном деле, которая вредит межгосударственным отношениям наших стран. Представители ЦРУ выражали понимание нашей озабоченности, соглашались с тем, что положение необходимо урегулировать, обещали, что будут докладывать об этом своему руководству.

Позднее в средствах массовой информации Соединенных Штатов утверждали, что ЦРУ не удалось убедить конгресс США в принятии разумного, взвешенного решения по этому вопросу. Думаю, что в действительности причина состояла в том, что американская сторона, в отличие от советской, у которой были гораздо большие основания беспокоиться за безопасность своих учреждений в США, просто продолжала спекулировать на «советском проникновении».

Я не слышал, чтобы Л. Никитенко, руководитель группы КГБ на встречах в Хельсинки и Берлине с представителями ЦРУ, «жаловался» бы им на «непонятные побегии» в США советских дипломатов, как это утверждал в газете «Лос-Анджелес тайме» ее корреспондент Джеймс Райзен. И «тема перебежчиков» вовсе не была «ключевой», как писал автор, в ходе наших бесед в Москве, Хельсинки и Берлине. У советской стороны действительно не могло не вызывать озабоченности широкое наступление спецслужб США на сотрудников учреждений СССР за рубежом, многочисленные вербовочные подходы ЦРУ и ФБР к советским гражданам. Мы откровенно говорили об этом сотрудникам Центрального разведуправления в процессе контактов. Этим же объяснялись наши запросы о тех сотрудниках советских заграничных учреждений, которые «исчезали» в 1989–1992 годах, поскольку это беспокойство о судьбе наших людей зачастую связывалось с поступавшей информацией о «странных обстоятельствах» их исчезновения. Надо отдать должное ЦРУ: оно оперативно, хотя и несколько дипломатично, реагировало на наши запросы, сообщая, что перебежчики находятся «в безопасном месте», не признавая, впрочем, что само было причастно к организации побегов. Перебежчики же, по крайней мере часть из них, как сообщали нам представители ЦРУ, будто бы отказывались от встреч с представителями посольства СССР в Вашингтоне, которых требовала советская сторона.

Хочу сказать: главная тема нашего обсуждения – это вовсе не перебежчики, а кодекс поведения спецслужб США и СССР в условиях жесткого противоборства, характерного для восьмидесятых годов. Речь

шла о принятии своего рода правил игры. Прежде всего, из арсенала спецслужб должны быть исключены действия, которые способствовали бы сползанию к «горячим» формам противостояния, – убийства, диверсии, похищения людей, другие провокации, бесчеловечные методы (например, применение ядов и психотропных препаратов). Разведка, безусловно, может искать негласных помощников, но это должно делаться на добровольной основе, а не с помощью насилия и провокаций. Спецслужбы, говорили мы представителям ЦРУ, должны овладевать искусством компромисса, искать взаимоприемлемые решения и джентльменские соглашения.

Я был склонен считать, что, судя по реакции представителей Центрального разведуправления, они были согласны с излагавшимися нами правилами игры, хотя и ссылались на то, что не могут влиять на деятельность ФБР. Характер наших контактов, впрочем, был таков, что какими-либо формальными соглашениями наши договоренности не могли быть скреплены. И тем не менее, обе стороны признавали встречи и контакты полезными и необходимыми. Худой мир лучше доброй ссоры!

Возможно, что кое-кому и хотелось бы выдавать контакты и встречи представителей спецслужб наших государств за «партнерство» и «сотрудничество». С моей точки зрения, это, конечно, не так. Не следует забывать, что американские спецслужбы ведут против нашей страны разведывательно-подрывную работу, ставя определенные задачи отнюдь не дружеского характера. Контакты спецслужб поэтому должны затрагивать строго ограниченные сферы, и о них уже говорилось. Могут возникать и потребности в обмене информацией и в других областях, но по крайней мере в обозримый период времени эти контакты не могут выходить за рамки определенных тем.

Глава 11. Национальная безопасность и органы контршпионажа

Разведка и контрразведка – важные элементы системы национальной безопасности. Две эти службы необходимо, на мой взгляд, рассматривать в органическом взаимодействии.

Разведывательно-подрывная деятельность иностранных государств – это вызов национальной безопасности России. Правда, вызов далеко не единственный. Но для контрразведывательных органов он представляет серьезную угрозу, требующую каждодневного внимания. Блокирование этой деятельности – одна из важнейших забот контрразведки. Конечно, для спецслужб и контрразведки в частности, как для государственных институтов, действующих не в вакууме, не безразличны внутреннее положение в стране, состояние ее экономики, ее международный вес и значение.

Государство, общество не могут наплевательски относиться к тому, как обеспечивается национальная безопасность страны, как она защищается от подрывной деятельности иностранных спецслужб. Тезис о том, что у России нет противников, может лишь обезоружить, послужить еще одним оправданием невнимания к своим разведывательным и контрразведывательным органам.

Администрация США, опираясь на силу и поигрывая милитаристскими бицепсами, похоже, не прочь играть роль хозяина положения в мире. Кое-какие дипломатические приличия, прикрываемые миротворческими одеждами, еще остаются. Политическая нестабильность, а главное – разваливающаяся экономика определяют реальную возможность утраты Россией положения великой державы, способной всерьез заботиться о своей национальной безопасности.

Свой анализ ситуации в связи с этим предлагает один из крупнейших авторитетов в области российско-американских отношений директор Института США и Канады Российской Академии наук С. Рогов. Этот анализ, надо прямо сказать, далек от оптимизма, и с этим не приходится спорить.

В девяностые годы, отмечает С. Рогов, «удельный вес Российской Федерации в мировой экономике снизился примерно в три раза, а по сравнению с СССР – почти в пять раз». Налицо – «небывалый экономический кризис», расчеты на чудо – «необоснованны». Считая с известной осторожностью, что «военная угроза для России находится на сравнительно низком уровне», директор вынужден сказать, что «ситуация может измениться, если не будет создана надежная система международной безопасности».

Это очень похоже на завуалированное признание того, что на защиту от военной опасности собственными силами можно не надеяться, и Россия, оказавшись на второстепенных позициях в мировой экономике, через несколько лет может потерять статус великой военной державы.

Теперь посмотрим, как оценивает С. Рогов политику США по отношению к России: «Как известно, кто платит, тот заказывает музыку. Экономическая зависимость имеет и политические последствия». Это красноречивое суждение дополняется вполне очевидным выводом: «В США все меньше считаются с интересами России и принимают решения, не обращая внимания на мнение Москвы. Апелляция к абстрактным принципам равноправия и общечеловеческих ценностей не может заменить силовые факторы в качестве главного аргумента дипломатии».

Руководящие круги Вашингтона, опираясь на выгодный для себя итог «холодной войны», приведший к огромному отрыву американской экономики от российской, выдвинули и реализуют программу подчинения России своим интересам, удержания ее в зоне влияния Соединенных Штатов, а если это сделать не удастся – в положении слабого соперника, лишённого ядерного жала.

Теперь уже вполне очевидно, что военная мощь нашей страны изрядно подорвана в результате «демократических реформ» 1991–1998 годов. К сожалению, начинает трещать надежный в советское время ядерный щит. Именно поэтому на первый план выходит требование серьезного укрепления российских ядерных сил в случае, если будет сочтено целесообразным пойти на подписание договора СНВ-2 или иных соглашений о сокращении вооруженных сил. В этом случае обязательной является увязка этого с неукоснительным соблюдением соглашений о противоракетной обороне, с обязательствами НАТО не

размещать своих войск, особенно атомного оружия, на территории стран Центральной Европы, которые станут членами этого военно-политического блока. Как раз на уход от таких договоренностей направлены активные мероприятия США, в том числе по линии Центрального разведуправления.

Я не склонен преувеличивать мощь и воздействие Соединенных Штатов на мировые процессы, на развитие ситуации в России. Во-первых, несмотря на выход из борьбы на международной арене «главного противника», как это стремится всячески обыгрывать американская пропаганда, США и их спецслужбы не всемогущи. Во-вторых (и за океаном это отлично понимают), остались многие старые и появились новые проблемы на пути мирового лидерства США. Они отвлекают значительные силы и средства ЦРУ и других американских спецслужб от ослабленного, но грозного противника – России.

Директору центральной разведки Булей принадлежит броское выражение: «Мы убили большого дракона, но живем сейчас в джунглях, где полно разнообразных ядовитых змей, и это не может не вызывать озабоченности».

Один из западных журналистов, комментируя в 1994 году это метафорическое заявление Вулси, столь же бравурное, сколь и исполненное тревоги, записал в разряд «ядовитых змей» таких противников США как Иран, Куба, КНДР, а также такие проблемы как нераспространение ядерного оружия, ситуации во многих «горячих точках» мира, легион новых противников – финансовых махинаторов, торговцев наркотиками, контрабандистов оружия, международных террористов. Невозможно списать новые беды США на Советский Союз, на «зловещие происки КГБ». Не спасают и наспех сочиняемые новые мифы о «руке Москвы». Попробуем расшифровать этот перечень «опасностей» для США, который сегодня тиражируется в мире.

Проблемы международной безопасности в свете перспектив увеличения числа государств, владеющих атомным оружием.

Сегодня такие перспективы уже не кажутся фантастическими. К пяти ядерным державам (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай) реально прибавились две – Индия и Пакистан. По всей вероятности, атомное оружие имеет Израиль. ЦРУ об этом известно, но американцы предпочитают не компрометировать своего

стратегического союзника. К «пороговым» ядерным державам, то есть к государствам, по-видимому, располагающим технологией создания атомного оружия, относят, в частности, также Южно-Африканскую республику, Иран, Бразилию, Аргентину. Расползание атомного оружия представляет, понятно, огромную угрозу для международной безопасности, в том числе и для самих Соединенных Штатов. Таким образом, сегодня проводимый США атомный шпионаж и шпионаж в области ракетной технологии затрагивает не только Россию, Китай и другие государства «клуба пяти», но распространяется на другие регионы, на страны, делающие заявку на создание собственного атомного оружия и средств доставки его к целям.

Постоянного внимания американской разведки требуют то разгорающиеся, то затухающие вооруженные конфликты в различных регионах земного шара.

Заходят в тупик попытки США урегулировать ближневосточный кризис, в орбиту которого втягиваются многие государства этого региона. Строптиво ведет себя Израиль, видимо, уверовав в то, что и «хвост» может управлять «собакой». К кровавым разборкам в Боснии добавляется проблема Косово, может запылать Македония, что создает реальную угрозу новой балканской войны. Непокойно на южном фланге НАТО – грозит вылиться в вооруженные столкновения конфликт между Грецией, Кипром и Турцией. Возникают кровавые войны на африканском континенте (Руанда-Бурунди, Конго, Либерия, Гвинея-Бисау, Эритрея-Эфиопия и другие). Далек от мирного разрешения имеющий глубинные корни конфликт между Индией и Пакистаном, Южной Кореей и КНДР. Все ярче разгорается пламя войны в Афганистане, резко обострилась обстановка на афгано-иранской границе. «Висят» проблемы Тайваня и Тибета. Перечень «горячих точек» планеты можно расширять; он, к сожалению, не убывает.

Наряду со своими «традиционными» противниками (Ирак, Иран, Куба и другие) в разряд врагов Соединенными Штатами записываются все новые и новые страны. Так, в самое последнее время США в порядке «возмездия» за нападения террористов на свои посольства в Кении и Танзании подвергли обстрелу ракетами ряд объектов в Судане и Афганистане.

Усугубляя «заботы» ЦРУ, продолжают сотрясать мир экономические и финансовые кризисы. Только в самое последнее время последовали жесточайшие финансовые кризисы в Мексике, Японии, падение экономики в Южной Корее, социальный взрыв в Индонезии. Налицо неспособность США, как лидера западного мира, заправляющего международными финансовыми организациями, справиться с глобальными социально-экономическими проблемами.

Несмотря на все потуги американской разведки, США не удастся поставить под свой контроль такие страны с воинственными антиамериканскими режимами как Иран, Ирак, Ливия, Куба, Югославия^[23].

Более того, сопротивление Вашингтону этих стран в ряде случаев приобретает резкий характер, вынуждая Соединенные Штаты прибегать не только к разведывательно-подрывным акциям, но и к военным мерам.

Наконец, отношения между США и их европейскими союзниками нельзя назвать идиллическими.

Соединенным Штатам все труднее становится играть роль «большого брата». Западноевропейские страны, особенно после введения общеевропейской валюты, грозят составить серьезную конкуренцию Вашингтону. Мне представляется, что особую проблему для американской разведки представляет не фрондирующая Франция, а набирающая силы объединенная Германия, стремящаяся, говоря словами С. Рогова, «привести свой политический статус в соответствие со своей экономической мощью».

Рано или поздно встанет вопрос о сохранении в ФРГ вооруженных сил США, их многочисленных военных и разведывательных баз. У немцев в условиях, когда угроза военного нападения на Германию ослабла, может появиться соблазн добиваться их вывода. К тому же они заинтересованы в том, чтобы развязать себе руки и для возвращения потерянных территорий.

Подразделения ЦРУ в настоящее время раскинуты по всей германской территории – в Бонне, Берлине, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге и других местах. До сих пор Бонн уступал янки право вести активную разведывательную работу непосредственно на территории нашей страны. Вспомним «дело Павлова», которого Федеральная разведслужба передала Центральному разведуправлению

для работы с ним в Советском Союзе. Или крупную шпионскую операцию с железнодорожным контейнером, который американский агент должен был получить в Гамбурге. Не исключено, что немцы в скором времени не согласятся со вспомогательной ролью, которая определялась им ЦРУ в разведывательно-подрывной деятельности против России.

И все же многие видимые и невидимые проблемы такого рода не могут заставить ЦРУ забыть о той реальной проблеме, которую представляет для США наша страна в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Россия обречена быть одним из главных объектов американских спецслужб. Поэтому Центральное разведывательное управление стремится расширить свое присутствие в нашей стране. Увеличивается персонал посольской резидентуры в Москве, оперативной группы американской разведки в составе генерального консульства США в Санкт-Петербурге. Создаются позиции для появления новых подразделений ЦРУ в России – под прикрытием американских консульских и иных учреждений. Расширяются каналы разведывательного проникновения в нашу страну. Вовсю эксплуатируются так называемые легальные возможности, позволяющие маскировать разведывательные акции деятельностью фирм и компаний, исследовательских фондов, экологических и благотворительных организаций.

Мобилизуя для решения разведывательных задач по России необходимые силы и средства, ЦРУ, в силу главным образом политических причин, вынуждено пойти на внесение коррективов в тактику своих действий. В чем видится мне суть этих изменений? Перенос акцента с «классической» агентуры на использование «нетрадиционных источников», крайняя осторожность в проведении агентурных акций непосредственно в России, организация встреч с агентами за пределами нашей страны, применение таких методов разведывательной работы, которые серьезно затруднили бы российской контрразведке перехват деятельности Центрального разведуправления, усиление в целом разведывательной работы по России вне пределов нашей страны – примечательные черты новой тактической линии Лэнгли. Нетрудно увидеть в них и «повторение пройденного», особенно когда американская разведка терпела поражения в нашей стране и несла большие потери.

И в новых условиях одна из основных причин происходящих изменений в деятельности ЦРУ – опасение провалов разведки, чреватых неприятными для США политическими последствиями. С ней смыкается и другая причина: создание видимости чуть ли не прекращения разведывательной деятельности Соединенных Штатов против России, по крайней мере, на территории нашей страны. А это, в свою очередь, даст возможность требовать прекращения российскими спецслужбами разведывательной работы против США. Ведь разведывательно-подрывная деятельность спецслужб Соединенных Штатов против Российской Федерации на самом деле не свертывается, а принимает новые тактические формы. Агентурные операции Центрального разведывательного управления в нашей стране и против нас за ее рубежами вовсе не отошли в прошлое. Они – костяк деятельности американской разведки, ее основное оружие. К сожалению, реалии сегодняшнего дня таковы, что разведслужбам Вашингтона удастся приобретать агентов и «нетрадиционных источников» в нашей стране за счет «инициативников» и членов «пятой колонны».

Российской контрразведке предстоит решать нелегкие задачи. Поэтому уроки прошлого тем более не подлежат забвению.

Вместо эпилога

Большая часть двадцатого столетия характеризовалась ожесточенным соперничеством двух общественных систем – капитализма и социализма. В ходе этого соперничества обострились противоречия развития человеческого общества. Окончилась неудачей попытка добиться разрядки международной напряженности на базе баланса сил. Драматические события конца восьмидесятых – начала девяностых годов нарушили сложившееся геополитическое равновесие.

«Холодная война», как говорят некоторые, окончилась в пользу Запада. Наверное, это так. Но я не склонен считать, что в ней потерпели поражение органы государственной безопасности нашей страны, хотя как одному из важнейших институтов государства им был нанесен существенный урон. И не иностранными спецслужбами, а внутренними смутами, разрушительной миссией В. Бакатина, подрывными акциями так называемых «демократов».

У меня вызывают недоумение суждения некоторых лиц, называющих себя «исследователями спецслужб Советского Союза». Похоже, что такие «исследователи» входят нынче в моду. Одни из них объявляют двадцатые годы чуть ли не пиком деятельности советской контрразведки, образцом «ювелирной работы», а начало тридцатых называют ее «закатом». Другие делают заявления насчет того, что на шестидесятые и семидесятые годы приходится «золотой век» контрразведки нашей страны. Хлесткие, красочные, безапелляционные определения! Почему появляется такая странная «периодизация»? В чем причины деления истории советской контрразведки на такие этапы, как «золотой век», «пик», «закат»? Может быть, это объясняется определенными политическими пристрастиями самих «исследователей»? Стремлением выдергивать отдельные этапы в истории органов госбезопасности, противопоставлять их друг другу и тем самым компрометировать их деятельность? Или это связано с тем, что многие оперативные дела не стали темой ярких произведений искусства (как случилось с известными операциями «Трест» и «Синдикат») и поэтому плохо известны нашей общественности? Или

все заслоняют черные страницы в деятельности «компетентных органов», их отдельных звеньев?

А между тем, работа органов госбезопасности нашей страны далеко не сводится только к «необоснованным репрессиям и карательным мерам». История советских спецслужб по праву гордится своими героями – сотрудниками разведки и контрразведки, других органов и служб государственной безопасности нашей Родины, многими блестящими операциями, которые проведены ими в тайных сражениях с иностранными разведками.

Рушатся одни государства, возникают новые, меняется карта мира. Развал Советского Союза приводит к новым потрясениям нашей планеты. Победители стремятся сформировать новый мировой порядок, а США – встать во главе его. Завязываются новые узлы противоречий. Но ход истории, подстегиваемый прогрессом, – неумолим. Набирает силу убеждение в том, что негативный в чем-то опыт Советского Союза вовсе не зачеркивает идеи социализма, идеи социальной справедливости. «Капитализм одержал победу, – резюмирует современный французский историк Франсуа Фюре, – но чем больше он существует, тем больше его ненавидят». Спор между общественными системами еще далеко не решен. Так называемый реформируемый капитализм – отнюдь не истина в последней инстанции. Исторический выбор впереди.

То, что произошло, считают многие в нашей стране, – это современная «Оптимистическая трагедия», которая далеко не исчерпывается драматическим содержанием эпохи.

Военная опасность? Исключать ее было бы верхом неразумности. Широкомасштабное военное нападение, похоже, нашей стране сегодня не угрожает. По крайней мере, пока Россия обладает силами сдерживания – ядерным оружием и средствами его доставки. Однако реально существуют другие угрозы – политическое и экономическое давление, локальные конфликты, информационная, экологическая опасность, разрушительная разведывательно-подрывная деятельность спецслужб иностранных государств, в том числе некоторых бывших союзников СССР по Варшавскому Договору, а также ряда стран, входивших до недавнего времени в состав Советского Союза. Конечно, не все эти угрозы – предмет заботы российских разведывательных и контрразведывательных органов, но некоторые из них требуют особого

внимания. Прежде всего это касается тех государств, которые будут стремиться проводить в жизнь свои планы нового мироустройства или вознамерятся диктовать свои условия России. Исторический опыт показывает серьезную опасность такой тайной деятельности.

Не буду задаваться вопросом: есть ли свет в конце туннеля? Он есть всегда.

Я верю в свою страну, надеюсь, что она справится с выпавшими на ее долю невзгодами и труднейшими задачами. Верю в народ России, в ее здоровые силы, в их решимость вывести Родину из кризиса, защитить ее честь и достоинство.

Твердо верю я и в разведчиков и контрразведчиков моей страны – бойцов «невидимого фронта», в их готовность и умение отстаивать безопасность и национальные интересы России.

Приложение

Сотрудники ЦРУ из состава московской резидентуры и оперативной группы в Ленинграде – участники разведывательных операций в Советском Союзе, раскрытых органами КГБ СССР в семидесятых – начале девяностых годов:

1. Аугустенборг, Лон – разведчик оперативной группы ЦРУ, действовавший под прикрытием должности сотрудника генерального консульства США в Ленинграде. Исполнитель операций американской разведки по делу шпиона Павлова, активное участие в которых принимала его жена – Дениз. Оба были задержаны с поличным советской контрразведкой в пригороде Ленинграда в 1983 году при попытке изъять тайниковый контейнер от шпиона. Выдворен из СССР.

2. Богатыр, Питер – сотрудник московской резидентуры под прикрытием должности сотрудника экономического отдела посольства США (1980 г.). Прибыл в СССР со специальным заданием установить контакт и осуществить вербовку советского гражданина по «наводке», полученной ЦРУ от эмигрировавшей в США гражданки СССР. Задержан с поличным в 1981 году и объявлен персоной нон грата.

3. Боумен, Джон – разведчик-агентурист московской резидентуры, использовал для прикрытия должность помощника атташе. Участник ряда разведывательных операций резидентуры.

4. Веттерби – атташе административно-хозяйственного отдела посольства, разведчик-агентурист резидентуры (семидесятые годы). Участник нескольких разведывательных акций ЦРУ. Одна из них известна под названием «Сосновый пенек» – установка специальных радиоэлектронных устройств в районе г. Можайска, закамуфлированных под пни.

5. Гербер, Бэртон – руководитель московской резидентуры ЦРУ в 1980–1982 годах. Прикрытие – должность первого секретаря посольства. Работал во многих резидентурах американской разведки в разных странах. После окончания командировки в СССР возглавил советский отдел Оперативного директората ЦРУ в Вашингтоне.

6. Гебхардт, Карл – резидент ЦРУ в Москве под прикрытием должности первого секретаря посольства (1982–1984 гг.). Под его

руководством посольская резидентура провела ряд разведывательных акций в Советском Союзе. Многие из них были выявлены и пресечены советской контрразведкой.

7. Грей, Макгрего – сотрудник оперативной группы ЦРУ в генконсульстве США в Ленинграде. Участник агентурных операций американской разведки в начале девяностых годов.

8. Грищек, Алекс – разведчик «глубокого прикрытия» московской резидентуры (первая половина восьмидесятых годов). Участник ряда разведывательных акций резидентуры, в том числе тайниковой операции по делу агента ЦРУ Павлова.

9. Гюльшер, Джон – заместитель резидента ЦРУ в Москве в конце семидесятых годов. «Правая рука» руководителя посольской резидентуры Хаттавея в операции по установлению шпионского контакта с Толкачевым («Сфера»).

10. Даунинг, Джэк – в 1986–1989 годах резидент ЦРУ в Москве под прикрытием должности первого секретаря посольства. В 1974–1976 годах – гражданский помощник атташе по вопросам обороны в американском посольстве в Москве. И в первый, и во второй период пребывания в Советском Союзе лично участвовал в разведывательных операциях резидентуры. В настоящее время начальник Оперативного директората ЦРУ.

11. Дюмейн, Роберт – руководитель посольской резидентуры ЦРУ в Москве в 1971–1973 годах. Находился в СССР под прикрытием должности атташе посольства. Лично завербовал советского военнослужащего Калинина, проникшего с целью предложения шпионских услуг американской разведке в резиденцию посла США. После отъезда из СССР Дюмейн обосновался в резидентуре ЦРУ в Вене, где возглавлял группу по работе с советскими гражданами.

12. Келли, Дэвид – резидент ЦРУ в Москве (под прикрытием должности атташе посольства) в 1973–1975 годах. До приезда в Советский Союз служил в ряде резидентур ЦРУ в различных странах, в том числе в Непале (Катманду), где как раз в это время американской разведкой был завербован сотрудник КГБ Полещук («Весы»), задержанный советской контрразведкой в 1985 году.

13. Залаки, Пол – разведчик «глубокого прикрытия» московской резидентуры (середина восьмидесятых годов). Участвовал в ряде

особо ответственных операций резидентуры, в том числе в операции по закладке тайника для агента ЦРУ Полещука.

14. Келли, Эдмунд – разведчик-агентурист московской резидентуры в середине семидесятых годов, имел дипломатическое прикрытие атташе посольства. Участник операции резидентуры по связи со шпионской парой Григоряна – Капояна. Задержан с поличным и объявлен персоной нон грата.

15. Клайн, Майкл – руководитель московской резидентуры, советник по региональным вопросам (1989–1991 гг.). Под его руководством резидентура провела ряд крупных агентурных операций в Советском Союзе, в отдельных из них М. Клайн участвовал лично. Резидент ЦРУ в Токио после возвращения из командировки в СССР.

16. Койл, Джин – разведчик-агентурист московской резидентуры под прикрытием должности сотрудника секции по закупке литературы. Первая половина восьмидесятых годов. Участник ряда разведывательных операций резидентуры.

17. Корбин – секретарь-архивист секции по закупке литературы, разведчик-агентурист московской резидентуры. Участник ряда разведывательных операций резидентуры в Советском Союзе. В паре с сотрудником резидентуры Веттерби под прикрытием семейной поездки с женами за город устанавливал специальные радиоэлектронные устройства в районе г. Можайска.

18. Крокетт, Винсент – гражданский помощник атташе по вопросам обороны в посольстве США в Москве, разведчик-агентурист резидентуры (вторая половина семидесятых годов). Действовал в паре с женой. Задержан с поличным при проведении агентурной акции по связи с агентом ЦРУ Филатовым («Вспышка»). Выдворен из СССР в 1977 году. Работал впоследствии в резидентурах ЦРУ в Токио и Бангладеш.

19. Ливен, Чарльз – разведчик-агентурист московской резидентуры ЦРУ под дипломатическим прикрытием посольства (начало восьмидесятых годов). Участник ряда разведывательных операций резидентуры, в том числе по привлечению к шпионскому сотрудничеству инженера львовского завода Петрова. Впоследствии работал в резидентуре ЦРУ в Берлине.

20. Лонквист, Гари – сотрудник резидентуры ЦРУ в Москве под прикрытием должности атташе посольства США. Выдворен из СССР в

1986 году в ответ на высылку из США сотрудников советских дипломатических учреждений.

21. Макдональд, Джозеф – разведчик-агентурист посольской резидентуры ЦРУ в Москве, второй секретарь посольства (первая половина восьмидесятых годов). Участник ряда акций резидентуры, в том числе по связи с агентом американской разведки Ивановым.

22. Макмэхен, Денис – третий секретарь посольства, разведчик-агентурист московской резидентуры (первая половина восьмидесятых годов). Активный участник многих разведывательных операций резидентуры. После отъезда из СССР «засветился» в Испании, где, действуя в составе резидентуры ЦРУ в Мадриде, участвовал в акции по установке техники подслушивания в королевском дворце.

23. Морган, Майкл – направлен в Москву под прикрытием должности второго секретаря американского посольства в 1986 году на замену провалившихся разведчиков резидентуры. В том же году выдворен из нашей страны в порядке ответных мер на высылку из США группы сотрудников советских дипломатических учреждений.

24. Моррис, Джеймс – резидент ЦРУ в Москве под прикрытием должности советника посольства по региональным вопросам (1993–1994 гг.). Выдворен из СССР в порядке ответных мер.

25. Моррис, Роберт – находился в Советском Союзе с 1982 по 1984 год под прикрытием должности сотрудника отдела строительства посольства США. Разведчик «глубокого прикрытия». Один из сотрудников резидентуры, поддерживавший контакт с Толкачевым («Сфера»).

26. Моуэтт-Ларсен, Ролф – исполнявший обязанности резидента ЦРУ в Москве в 1994 году. До этого времени был заместителем руководителя резидентуры (1992–1994 гг.) под прикрытием должности дипломата политического отдела посольства.

27. Мюллер, Ричард – руководитель оперативной группы ЦРУ в генеральном консульстве США в Ленинграде. Выдворен из СССР за личное участие в операции по делу агента Павлова (1983 г.).

28. Натирбофф, Мюрат – пожалуй, самый «великовозрастный» руководитель московской резидентуры (1984–1986 гг.), прибыл в СССР в возрасте 63 лет под прикрытием должности первого секретаря посольства. Послужной список деятельности Натирбоффа в ЦРУ включает работу в качестве резидента в нескольких странах Африки, а

также сотрудника резидентур в Джакарте и Париже. Пребывание Натирбоффа в СССР омрачено рядом крупных неудач американской разведки. Одна из них – провал агента «Сфера» (Толкачев), ряда других агентов и разведчиков резидентуры.

29. Норвилл, Уильям – заместитель резидентуры ЦРУ в Москве в середине восьмидесятых годов. Прикрытие – политический отдел посольства. В 1985 году в отсутствие Натирбоффа, выехавшего в поездку по Северному Кавказу, руководил резидентурой по организации встречи с агентом ЦРУ Толкачевым. В 1986 году выдворен из СССР в порядке ответных мер на высылку из США сотрудников советских дипломатических учреждений.

30. Осборн, Ричард – первый секретарь экономического отдела посольства США, заместитель руководителя московской резидентуры в первой половине восьмидесятых годов. Один из участников экспериментов американской разведки с аппаратурой космической агентурной связи. Объявлен персоной нон грата после задержания советской контрразведкой во время одного из сеансов радиосвязи в 1983 году.

31. Питерсон, Марта – сотрудница консульского отдела посольства, разведчица московской резидентуры (семидесятые годы). Задержана с поличным при закладке тайника на Крымском мосту в Москве для агента ЦРУ Огородника («Тригон»). Выдворена из Советского Союза в 1978 году.

32. Планкерт, Уильям – разведчик московской резидентуры, второй секретарь посольства (1982–1984 гг.). Один из «героев» шпионской эпопеи с агентом ЦРУ Толкачевым («Сфера») и экспериментов с использованием космической связи с агентурой.

33. Рейнолдс, Филипп – разведчик-агентурист московской резидентуры, атташе посольства (1983–1985 гг.). Активный участник ряда разведывательных операций резидентуры.

34. Ролф, Дэвид – в 1979–1982 годах был сотрудником московской резидентуры под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны. В 1991–1993 годах – руководитель резидентуры в должности советника по региональным вопросам.

35. Робинсон, Грант – разведчик московской резидентуры под дипломатическим прикрытием. Участник ряда разведывательных

операций резидентуры в конце восьмидесятых – начале девяностых годов.

36. Сайте, Эрик – гражданский помощник атташе по вопросам обороны в посольстве США, разведчик-агентурист московской резидентуры (1986 г.). Принял эстафету в работе с агентом ЦРУ «Истбаунд» от разведчика резидентуры М. Селлерса, объявленного в 1986 году персоной нон грата. В том же году он был задержан с поличным советской контрразведкой на встрече с этим агентом.

37. Селлерс, Майкл – разведчик московской резидентуры под прикрытием должности второго секретаря посольства. Один из наиболее артистичных американских разведчиков. И не только из-за пристрастия к театральному реквизиту, используемому для маскировки выходов на встречи с агентами, но и в силу склонности к актерской карьере. Объявлен персоной нон грата в 1986 году после захвата с поличным на встрече с агентом ЦРУ Воронцовым («Капюшон»).

38. Синая, Джордж – разведчик московской резидентуры под прикрытием гражданского помощника атташе по вопросам обороны в посольстве (семидесятые годы).

39. Спархок – сотрудник резидентуры ЦРУ под дипломатическим прикрытием второго секретаря посольства. Привлекался к участию в некоторых разведывательных операциях в начале восьмидесятых годов.

40. Стомбау, Пол – разведчик «глубокого прикрытия» московской резидентуры, второй секретарь посольства (1984–1985 гг.). Задержан с поличным советской контрразведкой при выходе на личную встречу с агентом ЦРУ Толкачевым («Сфера»). Выдворен из СССР в 1985 году. Впоследствии служил в резидентуре ЦРУ в Кувейте, где вел вербовочную обработку советских граждан.

41. Сулик, Майкл – первый приезд в Советский Союз в 1988–1991 годы под прикрытием должности первого секретаря посольства. Являлся заместителем резидента ЦРУ. Впоследствии получил повышение и стал в 1994 году руководителем резидентуры под прикрытием должности советника по региональным вопросам. Лично участвовал в агентурных операциях (например, дело агента ЦРУ Баранова).

42. Томас, Луис – атташе службы безопасности посольства, сотрудник московской резидентуры (1982–1983 гг.). Принимал участие

в ряде агентурных операций. Выдворен из Советского Союза за разведывательную деятельность.

43. Уайтхед, Джон – разведчик-агентурист московской резидентуры, действовал под «крышей» должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны. Активный участник операций резидентуры в семидесятых годах, в том числе акции по вербовке «инициативников» Григоряна – Капояна.

44. Хаттавэй, Гарднер – резидент ЦРУ в Москве в 1977–1980 годах под прикрытием должности первого секретаря посольства. Впоследствии руководитель резидентуры ЦРУ в Бонне, а затем – начальник контрразведывательного подразделения Оперативного директората ЦРУ.

45. Фултон, Роберт – резидент ЦРУ в Москве в 1975–1977 годах. Имел дипломатическое прикрытием атташе посольства. Продолжал активную разведывательную работу по советской линии в резидентурах ЦРУ в Копенгагене и Хельсинки.

46. Фолк, Синтия – сотрудница оперативной группы ЦРУ в генеральном консульстве США в Ленинграде. Участница ряда агентурных операций в Советском Союзе в начале девяностых годов.

47. Эренфрайд, Чарльз – был направлен в Москву в 1986 году на замену провалившихся разведчиков резидентуры под прикрытием должности третьего секретаря посольства. В том же году выдворен из СССР в порядке ответных мер.

48. Якли, Джон – разведчик «глубокого прикрытия» резидентуры под прикрытием должности бухгалтера посольства (1982–1984 гг.). Участник ряда ответственных агентурных операций, в том числе личных встреч с агентом ЦРУ Толкачевым.

Примечания

1

Пригород Вашингтона, где размещается штаб-квартира ЦРУ.

Роберт Гейтс – директор ЦРУ в 1991–1993 гг. До этого длительное время возглавлял аналитическую службу управления.

3

Был предшественником Р. Гейтса в 1987–1991 гг. на посту директора ЦРУ.

4

По библейской мифологии, огромное морское чудовище. В переносном смысле – нечто страшное и чудовищное.

Внешнеполитическая программа правительства США, изложенная 12 марта 1947 года президентом Трумэном в его послании конгрессу. Ссылаясь на «коммунистическую опасность», якобы нависшую над Грецией и Турцией, Трумэн призвал конгресс в интересах национальной безопасности США в срочном порядке ассигновать 400 млн долларов на оказание помощи греческому и турецкому правительствам.

Официально выдвинут государственным секретарем США Маршаллом 5 июня 1947 года как план восстановления и развития Европы путем предоставления ей экономической помощи со стороны Вашингтона. На деле этот план наряду с доктриной Трумэна явился одним из основных актов политики США, направленной на поощрение экономической экспансии американского большого бизнеса и на создание военных антисоветских блоков.

Военно-морская база США на Гавайских островах. 7 декабря 1941 года японская авианосная авиация нанесла внезапный удар по Пёрл-Харбору и вывела из строя основные силы американского Тихоокеанского флота.

Джордж Герберт Уокер Буш – 41-й президент США, находился у власти в 1989–1993 гг. В 1976–1978 гг. был директором ЦРУ.

Рональд Уолсон Рейган – 40-й президент США, находился у власти в 1981–1989 гг.

Сальвадор Альенде – один из основателей Социалистической партии в Чили, был президентом этой страны в 1970–1973 гг. Убит во время военно-фашистского переворота.

Аллен Уэлш Даллес – выдающийся американский разведчик. В 1942–1945 гг. возглавлял европейское бюро Управления стратегических служб (УСС) США (под этой вывеской скрывалась тогда разведка Вашингтона). В 1953–1961 гг. – директор ЦРУ.

Уильям Кейси – мультимиллионер, доверенное лицо президента Рональда Рейгана, был директором ЦРУ в 1981–1987 гг.

В 1964 г. сотрудник Второго главного управления (контрразведка) КГБ СССР, находясь в зарубежной командировке, перебежал на сторону противника.

Генри Джон Темпл Пальмерстон – премьер-министр Великобритании (1855–1858 гг.) и неоднократный министр иностранных дел.

Агентство национальной безопасности (АНБ) занимается оперативным и техническим контролем за всеми государственными организациями США, участвующими в ведении разведки с использованием средств связи, проводит радиоперехват и дешифровку. С целью разведки АНБ разрабатывает новые шифры, теории и системы связи, включая спутники связи. Использует около 100 тыс. дешифровальщиков и сотрудников вспомогательных служб для подслушивания радиопередач по всему миру. Подчиняется непосредственно министру обороны. Расходы проходят по бюджету Генштаба АНБ – одного из ведущих звеньев разведывательного сообщества Вашингтона.

Уолтер Беделл Смит – американский генерал и дипломат. В марте 1946 года был назначен послом США в СССР. В 1950–1953 годах – директор ЦРУ. С 1953 по 1954 год – заместитель государственного секретаря США.

Управление стратегических служб – внешняя разведка США, созданная в 1942 году. Просуществовало до 1946 года. Организовал управление и руководил им генерал Уильям Donovan (прозвище «Дикий Билл»). Оно действовало по всему миру, за исключением Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, где проводила операции разведслужба, подчинявшаяся командующему вооруженными силами США в бассейне Тихого океана генералу Дугласу Макартуру.

«Крот» – на жаргоне американских разведчиков двойной агент.

Система военных разведывательных служб США занимает второе по значению место в Разведывательном сообществе. В настоящее время в нее входят: Разведывательное управление министерства обороны (РУМО), армейская разведка (Управление помощника начальника штаба армии США по разведке), военно-воздушная и военно-морская разведки.

В составе госдепартамента есть Управление разведки и исследований, входящее в разведывательное сообщество. Главное учреждение Вашингтона, занимавшееся внешнеполитической пропагандой, – Информационное агентство Соединенных Штатов, активно использовалось разведывательным сообществом для получения разведывательных данных во всем мире.

Рейли Сидней (1874–1925) – английский разведчик. Один из организаторов контрреволюционных заговоров против советской власти и покушений на большевистских государственных деятелей. Расстрелян органами ОГПУ.

Имеется в виду операция «Голд» («Золото»), проведенная в Берлине совместно ЦРУ и СИС в 1954 году, когда подключились к подземному телефонному кабелю, который связывал штаб Группы советских войск в Германии с Москвой. Англо-американская шпионская затея, известная еще как «Берлинский туннель», очень быстро провалилась.

Книга была написана до 1998 года, поэтому не отражает текущую ситуацию. – *Прим. ред.*